

*Столетию
Латвии
посвящается*

Документально-публицистическое издание

Отпечатано с готовых файлов
в Рижской типографии McAbols

www.mcabols.lv

© Марина Костенецкая
© Георг Стражнов
© оформление – Денис Полоцк
© CREA 2018

Дизайн обложки, макет и фотографии на обложке
– Денис Полоцк

Форзац – акварель Елены Антимоновой *Мать Яблоня*

Корректор – Татьяна Слободчикова

В издании использованы фотографии из личного архива Марины
Костенецкой, а также материалы, находящиеся в свободном доступе
в Интернете.

По вопросам приобретения книги обращаться:
Rīga, Brīvības 103, CREA, тел: 26416976

МАРИНА КОСТЕНЕЦКАЯ

ГЕОРГ СТРАЖНОВ

МОЙ XX ВЕК

(диалог в Скайпе)

Rīga 2018

*Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых
и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании
развратителей, но в законе Господа воля его, и о законе Его
размышляет он день и ночь!*

*И будет он как дерево, посаженное при потоках вод,
которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не
вянет; и во всем, что он ни делает, успеет.*

*Не так - нечестивые: но они - как прах, возметаемый
ветром [с лица земли].*

*Потому не устоят нечестивые на суде, и грешники - в
собрании праведных.*

*Ибо знает Господь путь праведных, а путь нечестивых
погибнет.*

Первый Псалом Давида

Необходимое ВСТУПЛЕНИЕ

Пытаюсь вспомнить, сколько же лет мы знакомы с Мариной Костенецкой? Получается, что лет, этак, тридцать. Именно с тех пор, как я обосновался на Яуниела, 24 в помещении Рижского клуба кинолюбителей. В те «перестроечные» годы, в 1989-м году в Риге невозможно было снять приличное помещение под офис. Вновь появившимся молодым предпринимателям, если только они не были связаны с комсомолом или властными структурами, государство в лице жилищных райотделов (частной собственности ведь еще не существовало!) предоставляло лишь подвалы да какие-то совершенные гнилухи. Ну, а мне для первого частного рекламного агентства необходимо было арендовать хотя бы комнату, но в приличном месте. И такая комната, совершенно пустая, оказалась в Клубе кинолюбителей. Рута Земитане, директор зала, предложила мне её на условиях, что я буду раз в месяц организовывать в зале (точнее, в длинном коридоре к залу) художественные выставки. Самой Руте для организации выставок просто не хватало времени. Это было просто чудо! Я с радостью согласился, поскольку художественная среда была мне знакома. Надо сказать, что жизнь в Клубе кинолюбителей в то время была очень оживлённой: кроме постоянных закрытых киносеансов

для членов Союза кинематографистов и кинолюбителей там проходили лекции, встречи с творческой интеллигенцией и конференции. Это был совершенно уникальный, как теперь говорят – мультимедийный центр, позже преобразованный в «Kinogaleriju». Центр находился в здании, примыкающем к Музею истории Риги и Мореходства (теперь там гостиница «Justus»), он представлял собой уникальное многофункциональное помещение, очень уютное и для тех лет очень качественное по интерьеру и оборудованию. Сколько там у Руты бывало интересных личностей! Иногда на эти посиделки с кофе в каминном, не зале, нет, а в таком как бы каминном «отсеке», очень уютном, она приглашала и меня. Вот там-то я и познакомился с Мариной Костенецкой. К тому времени Марина была в Латвии совершенная звезда публицистики. Её острые, проблемные статьи в газете «Padomju Jaunatne» (Советская молодежь – латыш.) читала вся Латвия, её книги расходились мгновенно. Поэтому она бывала у Руты и, главным образом, по поводу самиздатских книг «Агни-Йоги» и Писем Елены Рерих. Именно от Марины и Руты я впервые узнал историю Рижского Рериховского общества, которое сами Рерихи считали в тридцатые годы сильнейшим в мире. При Латвийском обществе был создан музей с коллекцией картин, подаренных Николаем Константиновичем. Первые картины Рериха пришли в Ригу в середине 1932 года из Индии. А в феврале 1937 года жена художника, его сотрудница и вдохновительница творчества, Елена Ивановна Рерих пишет поэту Рихарду Рудзитису, возглавлявшему общество: «Но самая большая посылка, самая прекрасная ещё ждёт отправки. Отбирали мы эти картины вместе с Н.К., и среди них имеются мои любимые. Буду просить обратить особое внимание на «Сострадание» - это моя самая любимая!». Марина была дружна с дочерью Рихарда Рудзитиса Гунтой, так что письма Рерихов в Ригу она знала по первоисточникам. Для меня же в этом смысле было ценным знакомство уже с самой Мариной, как носителем уникальной информации.

Позже, когда некоторые мои клиенты собирались заняться благотворительностью, я обращался за советом к Марине, – как правильнее это сделать, и кому помощь нужна в первую очередь.

А по-настоящему мы сблизились лишь года четыре назад, когда я начал сотрудничать с Альманахом «Русский мир и Латвия». Марина для Альманаха писала уже давно, и тут выяснилось, что мир тесен – среди рижской русской интеллигенции у нас оказалось много общих знакомых, а значит и общих интересов. После этого я начал более-менее регулярно навещать писательницу. Она живёт, как и жила, на окраине Риги, в двушке блочной пятиэтажки, без лифта. Ничто не говорит о том, что когда-то эта женщина по популярности в Латвии занимала третью строчку рейтинга телевизионного опроса в анкете «Человек года», была, по выбору слушателей, в 2005-м году голосом Латвийского радио. Во время песенной революции – Атмоды – от Народного фронта Латвии Марина Костенецкая была избрана депутатом Верховного Совета СССР и за независимость Республики боролась в Кремле. Её имя сегодня вписано в латышские школьные учебники по истории. Но, как известно, имя может жить своей самостоятельной жизнью, а вот сам человек к старости всегда остается наедине с собой. В квартире Марины всё очень скромно – жизнь среди книг, картин и фотографий. Единственное, что свидетельствует о былой славе – полка, плотно уставленная папками с письмами читателей. Ведь в XX веке люди общались не телеграфным стилем СМС в телефоне, а писали подробные письма на бумаге и от руки. Таких писем в писательском архиве Марины Костенецкой более трех тысяч...

Несколько лет назад я переехал из Риги в провинцию, поэтому общались большей частью по Скайпу, вспоминали прошлое. Марина приоткрыла мне тайну некоторых страниц не столь давней истории, о которых я, разумеется, не мог знать. Так мы не виделись с ней более полугода, а когда в сентябре прошлого года я навестил Марину дома, то застал её в плачевном состоянии: она едва передвигалась по квартире, каждый шаг вызывал у неё острую

боль в ногах. Очевидно, сказались две её поездки в Чернобыль. Внутренне она уже приготовилась к переходу в иной мир, что её несколько не страшило. Марине довелось много путешествовать по Азии – она бывала в Китае, Японии, Малайзии, трижды посетила Индию. Так что восточная философия, включающая в себя понятие реинкарнации, для неё совсем не чужда. Понятие реинкарнации в Маринином сознании манифестировалось одной фразой из Ричарда Баха: «То, что гусенице кажется концом света, Учитель называет бабочкой».

Я понял, что нужно предпринимать срочные, неотложные меры. Поэтому обратился к своему другу, известному латвийскому целителю Михаилу Мошенкову, и он согласился помочь. Более того, он сделал то, чего обычно не делает: он начал навещать Марину дома. Результат не заставил себя ждать. Уже после двух сеансов боль в коленях исчезла, а в мае мы вместе выехали на морское побережье за Саулкрасты, в ресторан Lauči aktens, тем самым отметив возвращение Марины к нормальной жизни. Это было чудесно! Летом Марина начала выезжать к своим родственникам, трижды она приезжала ко мне подышать морским воздухом. В общем, оказалось, что совсем ещё не вечер, и жизнь продолжается.

И вот тут в какой-то момент Марина задалась вопросом – а зачем случилось это чудесное её возвращение к жизни? Ведь ничего случайного в жизни не бывает. Что, – задумалась она, – ей ещё предстоит сделать полезного? Тогда меня осенила идея – а не написать ли нам с ней вдвоём книгу, в которой она описала бы многое из тех событий своей жизни, о которых рассказывала только мне. Эта книга не должна быть биографией в традиционном смысле, кому сегодня это надо! Она должна быть в форме отдельных заметок по поводу ключевых событий её жизни во второй половине XX века. Поскольку мы общаемся много в Скайпе, там же в Скайпе она могла бы присылать мне ответы на мои вопросы в виде коротких заметок.

Правда, Марина, со свойственным ей скепсисом, считает, что сегодня публика перестала читать книги. Для интеллигентных читателей старшего поколения книги дороги, а молодёжь всё находит в интернете. В конце концов решили, что как-нибудь издадим свои тексты, а там наверняка найдётся с десяток человек, кто захочет эту книгу прочитать. Тем более, что в день рождения Марина получила множество звонков от поклонников её таланта, которые спрашивали, не готовит ли она новую книгу. Теперь мы можем сказать, что книга готова. Мы предлагаем результат – книгу, впервые написанную в Скайпе. Я старался максимально сохранить стиль и атмосферу этой нашей переписки.

1.

☛ [14.06.2017 12:23:56] Georgs: Ладно, а я спускаюсь на землю - пока подсыхает трава, - пойду косить. Знаешь, за эти дождливые дни она ТАК вымахала!!!

☛ [14.06.2017 12:26:11] Marina: Прекрасно тебя понимаю и... завидую белой завистью! Ведь и у меня когда-то был хутор с огромным лугом вокруг дома, и я вставала в 6 утра, чтобы по росе скосить траву, подбиравшуюся несколько раз за лето к самому порогу дома.

☛ [14.06.2017 12:27:27] Georgs: Ой, это ж 19 век! Теперь надо, чтоб она подсохла, иначе я «засажу» газонокосилку. В прошлом году уже сжёг одну.

☛ [14.06.2017 12:27:48] Georgs: сжёг - т.е. мотор сгорел от перегрузки.

☛ [14.06.2017 12:29:32] Marina: Да? А я ведь косила косой (как смерть на картинках), и сама эту косу точила -- ну, чем не Лев Толстой?.

☛ [14.06.2017 13:33:30] Georgs: Кто б мог подумать!!!

☛ [14.06.2017 13:33:57] Georgs: Действительно, чем дольше тебя узнаю, тем больше «открытий чудных»...

☛ [14.06.2017 14:11:17] Marina: Ну, ты много чего не знаешь из моей бурной биографии!

Например, откуда бы тебе знать, что когда супруги, писатели Лида Жданова и Виктор Андреев выстояли в Союзе писателей многолетнюю очередь на покупку автомобиля и стали владельцами вожаденной машины «Запорожец», они на радостях сняли на лето комнату на соседнем с моим хуторе – три километра через лес. И вот, когда у меня в саду мы вместе со многими другими соседями праздновали Лиго, под утро (а к этому часу все, конечно, были, мягко говоря, «навеселе»), возле угасающего костра вдруг нарисовалась совершенно трезвая Лидина хозяйка и с затаённой надеждой в голосе изрекла: «Сегодня в Бауске литовцы будут дешёво продавать поросят – после праздничной ночи покупателей будет мало... Так что если бы вы на своей машине отвезли меня до базара, мы могли бы купить сразу двух поросят: одного мне, другого вам. Ведь две свиньи вместе и растут лучше...» Трое писателей (Жданова, Андреев и Костенецкая) быстренько протрезвели и посчитали имеющуюся в остатке наличность – получилось, что на «дешёвого» поросенка хватит... Вся честная компания – хозяйка, Лида, Виктор, Марина – села в «Запорожец» и покатила в Бауск покупать поросят. Не стану в деталях рассказывать, как мы эту «визгливую покупку» совершали – обратно из Бауска ехали со своим приобретением в багажнике, и свиньи так на весь лес верещали, что хозяйка всерьёз опасалась, как бы на машину не напали дикие кабаны... Но – слава Богу, благополучно доехали до Лидино хутора. Оба поросёнка практичной хозяйкой были водворены на кухне в ящик (чтобы не простудились в хлеву), а трое писателей стали думать, как свиней назвать. Имена придумали красивые – наш поросенок (мальчик) был назван Томми, а хозяйский (девочка) – Мэри. Лида тут же раздобыла где-то розовую и голубую ленточки, которые и были повязаны на шеи вновь прибывших, дабы владельцы не путали свою собственность «в лицо»...

Конец первой серии. Продолжение следует.

☼ [14.06.2017 14:28:33] Marina: На следующий день я у себя на хуторе в глухом лесу (это когда-то в 30-ые годы был дом лесного обходчика) проснулась от стука топора... Выбежала в ночной рубашке на крыльцо и обнаружила Лиду Жданову, которая топором крушила мой старый, предназначавшийся на снос сарай... Рядом стоял «Запорожец», на крыше которого к багажнику были уже пришпандорены несколько досок от сарая... На мой вопрос, что здесь происходит, Лида вдохновенно сообщила, что Томми и Мэри нужно срочно строить дачу, то бишь загон во дворе, чтобы они днём могли греться на солнышке. Стройматериалов на соседнем хуторе для этой цели нет, поэтому мой сарай как раз пригодился...

Ладно. Загон построили. На следующий день – ни свет, ни заря – Лида и Виктор на своем «Запорожце» опять заявили ко мне: «Срочно созывается родительское собрание! Наш Томми написал в кормушку хозяйской Мэри – надо их разделить... И вообще – Томми ночью отгрыз кирпич от плиты в кухне, у него в организме нехватка извести, так что собирайся – едем в Ригу в ветеринарную аптеку покупать лекарство». Собралась. Поехали. По дороге мои коллеги выяснили, что после совместного приобретения свиньи у меня ещё осталась неприлично большая сумма от последнего гонорара за рассказ в толстом журнале. Тут же сообща было принято решение: на обратном пути заедем в Вецумниеки в магазин и купим мне... мопед «Рига», чтобы, во-первых, могла навещать свою свинью почаще, а, во-вторых, просто СТАТЬ СЧАСТЛИВОЙ ОБЛАДАТЕЛЬНИЦЕЙ СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ!!! Как сейчас помню, Лида чуть ли не в стихах объясняла мне, какие горизонты счастья откроются перед Костенецкой, когда у нее под задницей окажется седло мопеда! Короче говоря, мопед тоже купили.

Конец второй серии. Продолжение следует после сеанса Михаила. Он только что написал, что скоро будет...

☼ Georgs: Мише привет! А я на эту пару часов пойду разомнусь с дровишками. Тоже отличная динамическая медитация. Обожаю. Кстати, последний самодержец – известный факт – тоже любил колоть дрова.

☼ [14.06.2017 18:39:20] Marina: Возвращаюсь к компьютеру после сеанса с Михаилом, приготовлением обеда и послеобеденного отдыха (lamb).

☼ Georgs: Ну, и как самочувствие?

☼ Marina: После массажа – просто летаю! Готова к работе. Итак, продолжение эпопеи «Свинья – мопед».

Новенький красный мопед погрузили у магазина на крышу «Запорожца» и привезли ко мне на хутор. Сдавшие недавно на права Лида и Виктор стали инструктировать меня по вопросу дорожного движения, потом, почитав инструкцию, мы общими силами залили в бак бензин и масло (из стратегических запасов того же «Запорожца»), и я торжественно взгромоздилась на свою покушку... Завести мопед оказалось делом непростым! Вонь, дыма и треска было много, а сдвинуться с места все никак не удавалось. Поэтесса Лидия Жданова пригорюнилась и, подумав, глубокомысленно изрекла: «Купила ты, Марина, на свою голову ДУРУ». С этого момента мопед, как и свиньи, обрел собственное имя – впредь никто его иначе и не называл как только «дурой». Обучение езде на «дуре» давалось мне нелегко – иногда, подпрыгнув в воздух на метр от земли, «дура» устремлялась со страшной скоростью вперед, а затормозить, и уж тем более остановиться, у меня не очень-то получалось... В конце концов Лида поставила точный диагноз моей езде: «Дура на «дуре» – дура в квадрате. На большой дороге старайся все же держаться ближе к кювету, под грузовики не лезь».

Про приключения «дуры в квадрате» можно было бы написать целый роман, но не буду утомлять твоё внимание, вернусь к нашей общей на трех писателей свинье Томми. К Рождеству поросенок вымахал в здорового кабана (все эти месяцы мы исправно платили Лидиной хозяйке алименты) и на праздник был забит по всем правилам деревенского искусства местным специалистом. Свиную тушу филигранно разделили пополам от пяточка до хвоста: одна половина Лиде и Виктору, другая мне. Мою половину соседи надумили засолить кусками и сложить в специально купленную на осенней ярмарке кадушку. Засолили, но поскольку в Риге для такой тары в нашей с мамой крохотной квартире не было места, свою солонину я оставила на хуторе в доме, а через какое-то время обнаружила, что туда зимой наведались воры – мне не осталось ни солонины, ни кадушки... Почему-то воры не польстились на оставленный зимовать в хлеву мопед, так что на следующий год я опять гоняла на своей «дуре» по сельским большакам – в гости к соседям и в поселок за продуктами.

А Лида и Виктор свою половину свиньи оприходовали в Риге. На запеченный в духовке окорок была созвана вся рижская богема, и, помню, Леночка Антимонова за столом рисовала портреты всех гостей на этом пиршестве... Где-то в моих архивах хранится по сей день и мой портрет её работы.

☼ [14.06.2017 20:18:25] Georgs: История прекрасная. Непотворимая всё-таки была эпоха! Я на этом прощаюсь сегодня. Do widzenia!)))

☼ [15.06.2017 10:15:20] Georgs: Доброе утро! У нас в саду сегодня расцвели фиолетовые ирисы. Чудо! Жаль только, цветут они всего несколько дней.

☼ [15.06.2017 10:18:30] Marina: Доброе утро! Тогда начну день с сюжета, который на меня навяли твои ирисы... Ты написал, что

они цветут недолго – всего пару дней, и именно этот факт стал толчком к очередным ностальгическим воспоминаниям.

Когда я в 1991 путешествовала по Индии, в одном из ашрамов, связанных с именем Рамакришны, монахи показали мне пруд с цветущими лотосами и сказали, что мне очень повезло – цветок лотоса живет всего один день: распускается с восходом солнца и вечером увядает. Это преамбула. Теперь возвращаемся в Латвию начала 90-х годов прошлого века.

После провала августовского путча в Москве, как только независимость Латвии была подтверждена и Горбачевым (это произошло 6 сентября 1991 года на Пятом Чрезвычайном Съезде народных депутатов СССР), я тут же, посчитав свою миссию выполненной до конца, сложила мандат депутата и вернулась в Ригу. Никаких материальных накоплений у меня на тот момент не было (как, впрочем, не было таковых и ни в какие другие времена моей непутевой жизни), поэтому в одночасье я оказалась в довольно сложной ситуации. После очень приличной кремлёвской зарплаты – безработная в независимой Латвии. Устроиться куда-то по специальности в русские масс-медиа для меня было табу – отношение к фамилии Костенецкая в обществе русскоговорящих, мягко говоря, было неоднозначным. Ведь мало того, что, будучи этнической русской, во время Атмоды я оказалась в рядах «латышского» Народного фронта, а отнюдь не «русского» интерфронта, но с подачи КГБ была пригвождена ещё и к столбу позора, как «дочь фашиста»! Соответствующий компромат на отца был опубликован в двух ведущих русских газетах – «Советская молодежь» (орган ЦК ЛКСМ Латвии) и «Советская Латвия» (орган ЦК КП Латвии). Здесь не время и не место вдаваться в подробности появления этой фальшивки, но всё же, для прояснения ситуации, позволю себе привести цитату из книги «Воин поневоле» лидера Народного фронта Дайниса Иванса. Так вот, на странице 219 русского издания мемуаров Иванса читаем: «Народным фронтом в КГБ занималось пять или шесть человек 5-го отдела. Более

серьезные операции готовил так называемый Особый отдел (...) Они занимались дискредитацией виднейших лидеров Народного фронта. Одним из первых и наиболее завершённых таких мероприятий была кампания по очернению Марины Костенецкой. Кто из свидетелей учреждения Народного фронта не помнит эту славную писательницу, которая хотела и умела защитить латышей и делала это, сокрушая официальные мифы Москвы о маленькой фашистской республике! Марина подписала второй, опубликованный манифест НФА. Люди доверяли ей. И потому её следовало охаять и перед русскими, и перед латышами. И не только охаять. Как многие честные и чувствительные люди, она была легкоранима. Востроглазые кэжэбэшники это сообразили. Но самое удивительное и одновременно – печальное, что мы, сам народ, так часто и легковерно глотаем наживку, подброшенную нам Особым отделом, выбивая таким образом почву у себя из-под ног и морально уничтожая честных и талантливых людей, которые могли бы еще многое сделать для Латвии». Как видишь, Георг, в этой ситуации искать работу в русских газетах было для меня нонсенсом! От предложенного мне мимоходом одним видным политиком портфеля министра благосостояния я отказалась сама – ну, какой из меня министр, если я и с обязанностями домуправа не сумела бы справиться! То есть и командой дворников не рискнула бы управлять, где уж брать на себя ответственность за жизнеобеспечение пенсионеров, инвалидов, детдомовцев и т.д. и т.п. Очень скоро выяснилось, что мне не на что купить элементарные продукты питания, и я стала доедать крупу и макароны из старых маминых стратегических запасов, благо делать такие запасы советских людей правительство приучило отлично! И вот тут-то на пороге моей квартиры и возник Ангел-Хранитель в лице практичной латышской крестьянки – Лиды Дуршиц. Лида безо всяких околичностей категорически заявила, что у нее, по нынешним временам, вполне приличная пенсия – выслуга лет, плюс инвалидность первой группы (она еще в СССР перенесла

серьезную операцию на сердце), так что на эту пенсию мы вдвоем вполне переедем. Нам надо только продержаться до весны – дальше нас прокормит земля, то есть мой хутор, приобретенный на гонорары от книг 15 лет назад для «творческой работы». И мы стали жить вдвоем на Лидину пенсию – известный в Латвии писатель и общественный деятель и одинокий инвалид-пенсионер, у которого все родственники погибли в известной трагической истории деревни Аудрини, сожженной дотла немцами вместе со всеми жителями. Лида тогда выжила чудом – в тот роковой день ходила по делам в соседнюю деревню.

К весенне-полевым работам на моем хуторе «Драудзини» готовиться начали загодя. С каждой пенсии Лида приносила в дом то новую лопату, то вилы, то рулон полиэтилена для будущей теплицы. И вот в один прекрасный день она открыла у меня в кухне стенной холодный шкаф и... обнаружила там множество банок со старым засахарившимся вареньем. Это были запасы, сделанные еще моей мамой. Она умерла в 1987 году, я после ее ухода с головой окунулась в бурную политическую жизнь – дома питалась редко, варенье так и осталось невостребованным. Обнаружив в шкафу пыльные банки, Лида многозначительно изрекла таинственную фразу: «Прекрасно! Валюта у нас есть...» И попросила разрешения забрать засахарившееся варенье в свой дом. Я, пожав плечами, конечно, согласилась... Через несколько дней Лида мне позвонила и невозмутимо отпартовала: «Чистая, как слеза, самогонка для оплаты услуг тракториста на хуторе готова».

О, боги! Знала бы моя интеллигентная мама пианистка, на что пойдет сваренное ею варенье!!!!

Ну, так вот. Несмотря на свой статус безработной, я на тот момент оставалась еще собственницей новенькой машины «Волга» – купила ее на правах депутата СССР за гонорары двух выпедших во времена Атмоды книг. В эту самую «Волгу» с Лидиной пенсии мы залили бензин, наняли знакомого шофера, погрузили лопаты-вилы-семена-самогон и т.д., и т.п., отдельно в сумку усадили нашего

общего с Лидой кота Санчо и – с первыми подснежниками – прибыли на хутор.

Тракториста за означенную валюту Лида нашла без труда, и весенне-полевые работы закипели!

Для начала распахали луг, на котором я годами любовалась по утрам выходившими из леса косяками, и обнесли его прочной изгородью из жердей от нашествия кабанов. На все это напей «валюты» вполне хватило. Далее построили теплицу, вскопали грядки, что-то посеяли, что-то посадили и каждое утро радостно обнаруживали новые всходы в нашем огороде. Лида вставала в четыре утра, шла на огород первой, а часам к семи приносила мне в постель кофе с теплыми гренками и кота Санчо, смущенно бормоча себе под нос что-то вроде того, что «Завтрак моей семье готов...»

А в одно прекрасное утро Лида вошла в мою комнату и сказала, что сегодня завтрак накрыт на улице, так что мне нужно вылезать из постели и одеваться. Я послушно встала, оделась, вышла из дома и... увидела возле компостной кучи, на которой у нас росла тыква, накрытый белой скатертью журнальный столик с кофейником, чашками и свежей сдобой только что из духовки... Прежде чем я успела что-то понять, Лида торжественно изрекла: «Вы рассказывали, что видели в Индии цветок лотоса, который цветет только один день. Поздравляю вас с Праздником Лотоса! У нас сегодня расцвела тыква, и ее цветок тоже живет только один день».

☛ Marina: Знаешь, Георг, эта простая крестьянка, а в городской жизни всего лишь хлебопекарь по профессии, была БОЛЕЕ УТОНЧЕННЫМ ПСИХОТЕРАПЕВТОМ, чем многие столь востребованные нынче профессиональные психоаналитики.

☛ Georgs: Да, именно среди крестьян мне попадались столь мудрые сердцем люди. Такие мне встречались и в России, и здесь...

☛ Marina: А первую свою книгу «Луна Холодного Лица» (о Чукотке) я написала в изоляторе для умирающих туберкулезного санатория «Дикли». Не путайся – я там не умирала. Просто после Чукотки у меня возникли некоторые проблемы со здоровьем, и в тубдиспансере мне выписали путевку на длительное лечение в санаторий. Я, несмотря на сложное материальное положение (а когда оно в моей жизни не было сложным?!), заартачилась – мол, не поеду, мне надо писать книгу, ради которой я и провела полтора года в чукотской тундре... Тогда главврач тубдиспансера позвонил главврачу санатория и попросил «создать условия для молодого писателя». Как позже выяснилось, весь санаторий «встал на уши» – только писателя им еще не хватало! Алкоголики есть, женщины легкого поведения есть – и с этим-то контингентом персонал не справляется, а тут еще какая-то «писательская элита» объявляется... Мой будущий лечащий врач в этом санатории (она вела всех больных женского пола) объявила главврачу, что с писателем дела иметь не желает, пусть главврач сам лечит эту экзотичную птицу. Забегая вперед – имя этого моего взбунтовавшегося врача Зигрида Крейере, ты ее видел на моем юбилее в Брукне. Доктор Крейере – мой лучший и самый близкий друг по жизни, я крестная мать ее единственной дочки... Но друзьями мы стали уже потом. А сначала меня привезли под конвоем на диспансерской машине в санаторий и сдали с рук на руки главврачу доктору Андрею Лаукманису. Главврач по совместительству был втайне поэтом, а по жизни – отцом известного концертмейстера, пианиста Андрея Лаукманиса-младшего. По распоряжению главврача меня поместили в отдельную палату, в тот самый изолятор, куда обычно клали самых тяжелых пациентов, чтобы они не травмировали других больных в общей палате. Поставили кроме кровати и обычной тумбочки небольшой стол и стул – «писательский кабинет» был готов к приему «писателя». Мне было двадцать с хвостиком, как ты понимаешь, совсем еще девчонка – никакого товарного вида для классика

советской литературы! Персонал тут же несколько успокоился, мне выдали обязательную для ношения в этом богоугодном заведении пижаму, провели все прочие процедуры по приему в число пациентов и пожелали творческих успехов в моей келье...

Поскольку до эпохи персональных компьютеров человечеству дожить еще только предстояло, во второй половине XX века даже маститые советские писатели писали в основном от руки. Писали шариковой ручкой в тетрадах в клеточку или, если крупно повезет (в писательской лавке «выбросят» в продажу пачки писчей бумаги), то на белых, нелинованных листах формата А-4 этого дефицита. Правда, дефицитная писчая бумага всегда имелась в наличии у профессиональных машинисток, которым писатели приносили свои рукописи для перепечатки. Собственные пишущие машинки были лишь у редких счастливиц, сумевших выстоять очередь длиною в несколько лет все в той же писательской лавке, поскольку все пишущие машинки в СССР были на строгом учете – как в государственных учреждениях, так и в частном владении, дабы пресечь любую попытку распространения нелегальных текстов (например, антисоветских листовок). Сегодня саму по себе пишущую машинку можно увидеть уже разве что в музее – для современного школьника она такой же анахронизм, как для нас в XX веке были гусиные перья, которыми свои бессмертные произведения запечатлевал на бумаге, например, Пушкин...

● **Georgs:** Я тоже свою портативную машинку, непривычно лёгкую, весёленькой расцветки – розовую с белым кантом, югославскую – «De Lux», купил у своего приятеля и коллеги, Владимира Борисовича Лебедева в году этак в 80-м, он предпочитал писать от руки. Но поскольку он был членом Союза журналистов, то ему по спискам удалось приобрести. А я привык писать на машинке. Вот на компьютер я переходил с трудом. Он мне казался каким-то мёртвым. Представляешь?! Чистая психология. Кажется, Воннегут так и не перешёл на компьютер. И только в самом конце

90-х, когда мне надоело возить машинопись своей первой книги «Реклама в реальном бизнесе» машинистке, которая переводила текст в компьютер, я, скрепя сердце, сел перед монитором.

● **Marina:** О конкретной пишущей машинке и машинистке, печатавшей рукопись моей первой книги, – отдельный рассказ! И поверь, Георг, он того стоит... Пока же возвращаюсь в своем повествовании в изолятор санатория «Дикли».

Длинное отступление о писчей бумаге понадобилось мне для того, чтобы ты оценил по достоинству жест главврача санатория – по его распоряжению, мне, как оказавшемуся под его опекой «писателю», из запасов санаторской канцелярии была выдана нераспечатанная пачка дефицита аж в 500 листов!

И что мне после этого оставалось еще делать, как только не заставить себя сесть за колченогий стол, покрытый простыней с черной санаторской печатью в углу и... вывести на белом листе первую фразу будущей книги?

Надо сказать, контингент пациентов в туберкулезных санаториях состоял далеко не из аристократов, поэтому дисциплину персоналу приходилось наводить жесткими методами, вплоть до выписки из санатория за нарушение режима. Да, РЕЖИМ – это в такого типа лечебных учреждениях СССР было понятие святое. Так вот, с первых же дней своего проживания в санатории я вдруг поняла, что ко мне это святое понятие не относится! Я могла сидеть в своей камере-одиночке после отбоя при включенном свете хоть всю ночь, а утром не ходить по звонку в столовую на завтрак – по распоряжению все того же главного врача мой теплый завтрак оставался в духовке на кухне до того часа, когда я изволила выйти из палаты в коридор, и дежурная медсестра отправляла санитарку на кухню за порцией пациентки Костенецкой. Персоналу все объяснили просто: если на писателя ночью нашло вдохновение, и Марина писала почти до утра, надо позволить ей потом выспаться. Этот же порядок

распространялся и на все лечебные процедуры – другие больные с утра пораньше выстраивались в очередь к процедурному кабинету за лекарствами и уколами, а я все получала в индивидуальном порядке в удобное для меня время... Но, как ты понимаешь, Георг, бесплатным бывает только сыр в мышеловке! И выглядела моя «мышеловка» так. В семь утра тихонько приоткрывалась дверь в палату, и в свете лампы из коридора я видела седую голову доктора Лаукманиса. Если он замечал, что я уже не сплю, дверь открывалась широко, главврач заходил в палату и весело говорил: «Labrīt, mazais jauneklīs!» (в переводе на русский - «Доброе утро, маленький юноша!»). Почему-то он меня так прозвал с первых же дней знакомства, может быть, из-за короткой «под мальчика» стрижки.. Далее никаких медицинских вопросов о самочувствии не следовало. Врач зажигал свет, делал шаг к столу и задавал один-единственный вопрос: «Сколько страниц вчера написала?» Врать было бессмысленно – доктор Лаукманис безжалостно констатировал: «А-а, это я уже вчера читал... А где новый текст?» Новый текст иногда был, а иногда и не был... Если не был, я клялась, что сегодня выполню двойную норму. После чего главврач гасил в палате свет и спокойно говорил: «Ладно, досыпай!»

Короче говоря, если бы не тирания главврача санатория, мир, возможно, так бы никогда и не увидел книги о Чукотке под названием «Луна Холодного Лица». А ведь потом она издавалась в Риге, переиздавалась в Москве и Новосибирске, переводилась на латышский и – что самое удивительное и для меня почетное! – на чешский язык... Причем в Праге книга вышла уже после подавления Пражской Весны, вышла по личному выбору переводчицы, которая, как потом оказалось, была женой одного из руководителей восстания...

Поскольку я все же не Лев Толстой и у меня не было своей Софьи Андреевны, рукопись приходилось несколько раз переписывать от руки самой... На все это бумагу мне продолжали поставлять из санаторской канцелярии. Когда, наконец, через

несколько месяцев я объявила главврачу, что книга вроде бы окончательно переписана набело, он с большим сожалением сообщил, что в санатории нет пишущей машинки с русским прифтом, а отдавать неизвестно кому ЕДИНСТВЕННЫЙ экземпляр рукописи на перепечатку опасно. Поэтому мне надо сесть и еще раз... от руки переписать книгу во втором экземпляре. Из-под палки я и это сделала. Но... у меня не было не только хоть какой-нибудь знакомой машинистки в целом мире, но и денег на перепечатку несчастной рукописи! Ведь в санатории я жила на полном государственном обеспечении – от пижамы и ночной рубашки до питания и бесплатных лекарств, мама со своей пенсии присылала мне только на какие-то маленькие радости (конфеты, печенье в поселковом магазине). В отчаянии я написала «чистосердечное признание» в виде эмоционального письма своим старшим товарищам по писательскому цеху – уже знакомым тебе по предыдущим текстам Лидии Ждановой и Виктору Андрееву. Они на тот момент оба были уже членами Союза писателей и, конечно, знали в Риге не одну машинистку... Вопрос упирался только в деньги. У кого одолжить? Когда и как смогу долг вернуть?

И вот, пока я в тоске металась по санаторию с надеждой заработать, например, на картошке (в соседнем совхозе больным, у которых форма туберкулеза не была в открытой форме, разрешали осенью подработать на уборке картофеля), в санаторий в один прекрасный день (а это от Риги не так уж и близко - Валмиерский район, добираться двумя автобусами!) собственной персоной прибыли... поэтесса Лидия Жданова и ее муж, писатель и переводчик Виктор Андреев. Они попросили дать им почитать рукопись книги. Поскольку у меня от руки было переписано аж целых два экземпляра, я спокойно отдала им один для прочтения в Риге. Оставив привезенные гостинцы, коллеги вечерним автобусом отбыли домой. А через некоторое время я получила от них письмо, из которого узнала, что моя рукопись В ЧЕТЫРЕХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ ПОД КОПИРКУ ПЕРЕПЕЧАТАНА

КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ МАШИНИСТКОЙ и что теперь надо получить рекомендацию для издательства от Союза писателей, так что все четыре экземпляра уже переданы в секцию русской прозы, и мне остается только ждать вызова на обсуждение. С машинисткой Лида и Виктор уже расплатились, а долг я смогу вернуть ПОСЛЕ ВЫХОДА В СВЕТ КНИГИ СО СВОЕГО БОЛЬШОГО ГОНОРАРА...

Как ни странно, рукопись молодого автора сразу высоко оценили в Союзе писателей, и я относительно легко получила необходимую по правилам для издания первой книги вожаденную рекомендацию. Рукопись ушла в издательство. Потом в типографию... Все шло слишком гладко, чтобы это могло оказаться реальностью, а не сказкой. И вскоре я впервые в жизни столкнулась с понятием советской цензуры – уже набранные гранки книги редактору вернули из Главлита со множеством подчеркиваний красным карандашом и размашистой резолюцией на титульном листе: «Книгу к изданию не рекомендовать!»

Это была катастрофа.

Тут надо сказать, что между визитом Лиды и Виктора ко мне в санаторий и моментом самой катастрофы прошло года полтора минимум... Меня давно уже выписали из санатория, но поскольку в Риге мы с мамой ютились в крохотной каморке на чердаке (седьмой этаж дома с высокими потолками на всех этажах кроме чердачного) безо всяких удобств - туалет и водопровод на лестничной клетке один на шесть квартир! Вода в этом единственном кране появляется по ночам с двух до четырех часов, когда владельцы всех шести квартир выстраиваются в очередь с ведрами... Словом, после нашего чердака палата для умирающих в санатории казалась мне сказочной виллой! Так вот, поскольку в Риге мне практически негде было жить, я осталась ЖИТЬ И РАБОТАТЬ все в том же санатории «Дикли» – главврач принял меня на должность культработника, и в доме со служебными квартирами для санаторского персонала мне выделили отдельную ком-

нату. В мои обязанности входило организовывать досуг больных, и это тоже особый отдельный рассказ – как-нибудь потом...

Итак, географически я продолжала находиться в тех же Пенатах, где «из-под палки» написала свою книгу. Когда доктор Лаукманис узнал о катастрофе с цензурой, он, закаленный советским режимом старорежимный интеллигент, спокойно сказал: «Ничего страшного. Не позволили стать писателем, станешь врачом. Ты любишь детей, из тебя получится хороший детский врач. Какие экзамены надо сдавать в медицинский институт, я знаю. Если нужно вспомнить курс физики за среднюю школу, я тебе оплачу репетитора – в Дикли живет доцент физик-математик, он преподает в Валмиере в институтском филиале».

Легко сказать – «вспомнить курс физики»! Да я ее терпеть не могла в школе и НИКОГДА НЕ ЗНАЛА!!! Но доктор Лаукманис был непреклонен: ты станешь детским врачом! И вот опять из-под его палки я засела за учебники по физике и химии (за биологию и сочинение на вступительных экзаменах не боялась). Доцент физики за несколько месяцев натаскал меня кое-как по школьной программе, и я, как жертвенная овца, поехала в Ригу на заклание – сдавать вступительные экзамены в Медицинский институт. Конкурс там был огромный! Чтобы набрать проходной балл, могла быть одна, максимум две четверки... По физике выше тройки я и мечтать не смела! И знаешь, Георг, хочешь верь – хочешь нет: впервые в жизни на вступительном экзамене в Медицинский институт я чисто на нервной почве САМА РЕШИЛА ЗАДАЧУ ПО ФИЗИКЕ!!! На этом, самом для меня страшном экзамене получила ЧЕТВЕРКУ... Тут же помчалась на центральную почту (до эпохи мобильных телефонов человечеству опять же еще только предстояло дожить) и заказала междугородний разговор с санаторием «Дикли». Этого моего звонка в ординаторской ждали все врачи. У меня еще и сейчас в ушах звучит ликующий крик доктора Лаукманиса, снявшего телефонную трубку: «Mazām jauneklīm četri fizikā!!!!» (У маленького юноши по физике четыре!!!!)

Короче говоря, в институт я поступила с первого захода. Люди туда сдавали из года в год по несколько лет...

• **Georgs:** В советское время медицинский был одним из самых престижных институтов. Ты знаешь, не хуже меня. У меня был приятель из Грузии, он поступал в медицинский пять лет и всё-таки поступил. Причём поступил в России, в Горьком, у себя в Тбилиси он поступить не мог – там надо было платить огромные взятки. А он был сирота, жил с бабушкой.

• **Marina:** Вот в том-то и дело! День рождения у меня, как ты, Георг, знаешь, 25 августа. В 1971 году этот день стал одновременно днем проводов культработника санатория «Дикли» в Медицинский институт. В духовке большой плиты на кухне был испечен огромный крендель, в актовом зале (мое «место работы») накрыли столы. Собрались на торжество и пациенты, и медперсонал. Мои подопечные из художественной самодеятельности устроили концерт, а персонал преподнес подарок со значением - шесть новеньких медицинских халатов и шапочек. Я в тот момент еще не знала, что в институте с первого же дня все студенты и на лекции, и на практические занятия должны ходить в белых халатах и шапочках. Потом выяснилось, что медицинские халаты (как и пишущие машинки в СССР) купить в розничной торговле было не так-то просто, так что однокурсники мне могли позавидовать. Но главный подарок преподнес главврач санатория: дефицитнейший (в институтской библиотеке на всех студентов катастрофически не хватало экземпляров!) трехтомный «Атлас анатомии человека». На титульном листе первого тома была сделана надпись: «Пусть творческий дух не оставляет Вас и в медицине. Наука без творчества – ничто, в лучшем случае, повторение прошлого. Нашей Марине – коллега Лаукманис». Коллега... Ни больше и ни меньше!

Здесь опускаю подробности своих «хождений по мукам» в препарационных залах Анатомикума и на коллоквиумах по физике - эти муки закончились для меня через два года. Нет, меня не отчислили за неуспеваемость – я ушла из института с повышенной стипендией, ушла совершенно осознанно по целому ряду причин. Одной из главных причин стало неоднозначное в моей жизни событие: пролежав в типографском наборе более двух лет, пережив при этом четыре (!!!) вместо обычных двух корректур ВЫШЛА, НАКОНЕЦ, В СВЕТ книга Марины Костенецкой «Луна Холодного Лица».

Увы, всего несколько месяцев до этого дня не дожил доктор Лаукманис. Но после его ухода из жизни мне было легче принять и свое решение об уходе из медицины. Просто я поняла, что эти две профессии – врач и писатель – во второй половине XX века уже несовместимы. Времена Чехова прошли, тот же Булгаков врачом работал в юности (книга «Записки юного врача»), а «Мастера» и все остальное писал, оставаясь только профессиональным литератором. И еще я честно сама себе сказала: «Если не сумею стать хорошим писателем, это для людей неопасно – просто они не будут читать мои книги. А вот если стану всего лишь посредственным детским врачом с дипломом об образовании...»

Прежде чем перейти к новой главе своего жизнеописания, поясню, как все-таки удалось протащить через цензуру мою «антисоветскую» книгу. Ведь мне вменялось серьезное обвинение – «очернение советской действительности». То есть как это чукчи ездят по тундре на собаках?! А где же снегоходы, вездеходы, самолеты-вертолеты?! Не могут советские люди быть такими отсталыми!... Ну, и тому подобные «мудрые» замечания цензора почти на каждой странице корректуры!

Так вот и на этом этапе издания книги свои сильные крылья мне подставили все те же ангелы-хранители – Лида Жданова и Виктор Андреев. Самым известным из живущих в Риге в то время русских писателей был лауреат Сталинской премии Николай

Павлович Задорнов – автор книг «Амур-батюшка», «Война за океан», «Капитан Невельской» и других исторических романов о Дальнем Востоке. Ну, а поскольку действие в моей книге тоже происходит на Дальнем Востоке (Чукотка), Лида и Виктор логично рассудили, что путевку в жизнь молодому автору может дать мэтр Задорнов. Отнесли ему гранки книги, описали ситуацию... И как бы кто ни относился сегодня к Николаю Задорнову (кстати, отец сатирика Михаила Задорнова), я до конца жизни останусь благодарна этому лауреату Сталинской премии за широкий жест – он поставил свое имя на корешок книги как редактор и написал к ней вполне просоветское предисловие. После чего цензор тут же взял под козырек, и «Луне» был дан зеленый свет.

☛ Georgs: Марина, мне друг прислал сноску на фильм «Вино из одуванчиков». Я даже не подозревал о существовании такого фильма. Снято неплохо с учётом техники тех (1997-ой год, всего лишь) лет. Там замечательные актёры – Лия Ахеджакова, Вера Васильева, Андрей Новиков и гениальный Иннокентий Смоктуновский, его последняя роль, в которой он сыграл собственную смерть. Мне почему-то кажется, что это совершенно «твое кино»: <https://www.youtube.com/watch?v=ABV9v4nJZbo>

☛ Marina: Начала смотреть «Вино из одуванчиков». Еще раз спасибо... Смотреть буду неспеша, смакуя и проникаясь работой всей творческой группы фильма – трепетное уважение к этим людям у меня вызвало интервью Ахеджаковой о том, с какими трудностями им пришлось столкнуться по ходу съемок! И что преодолеть... Хотя уже с первых кадров поняла – да, это МОЕ КИНО!

Сейчас хочу вернуться к Лиде Дуршиц, о которой обещала тебе рассказать еще много интересного. Мы с ней познакомились в середине 80-х годов на одном из моих авторских вечеров в тогдашнем Доме культуры профсоюзов (здание Малой Гильдии в Старой Риге).

Это было время, предшествовавшее Атмоде, в воздухе уже носились революционные настроения, и творческая интеллигенция все активнее «шла в народ» – Дни поэзии, Дни художников, Дни театра, встречи зрителей и читателей с актерами и писателями, ну, и т.д., и т.п.. Поскольку по опросам средств массовой информации я входила в десятку наиболее популярных публицистов Латвии, действовавшее при Союзе писателей Бюро пропаганды литературы регулярно устраивало мои авторские вечера. Зал всегда был набит публикой до отказа, и по окончании вечера люди стояли у сцены в очереди, чтобы отдать мне цветы или получить автограф. И вот однажды в этой очереди оказалась несколько необычная зрительница. Вместо цветов она протянула мне очень красивую то ли чашу, то ли корзинку художественного плетения, в которой лежал пышный каравай хлеба явно домашней выпечки. Автографа женщина не просила, только сказала, что через меня хочет помочь детским домам, поэтому в корзинке я найду записку с ее телефоном. Мол, если у меня будет желание и время поговорить в спокойной обстановке... На другой день я позвонила по указанному телефону, и мы с Лидой встретились уже у нее дома. Выяснилось, что по профессии она хлебопекарь, но умеет печь и торты, а еще занимается плетением из лозы художественных корзин и мебели, так что охотно совершенно безвозмездно обучала бы всему этому воспитанников детских домов.

Я свела ее с руководством нескольких интернатов для сирот, и вскоре Лида развила там бурную деятельность. В результате ко мне в гости время от времени стали наведываться делегации детдомовцев с пирожными и пирожками, которые они пекли в Лидином доме из ее продуктов, чтобы потом всем вместе попить чай с писательницей Мариной Костенецкой. Так мы с Лидой подружились на всю ее оставшуюся жизнь.

О том, как Лида в лихие 90-ые помогала мне выжить, я уже немного тебе рассказывала. Ты помнишь, что маминно засахарившееся

варенье она виртуозно превратила в самогон – валюту, которой мы расплачивались с трактористом на хуторе. Так вот, самогонный аппарат в Лидином доме появился за несколько десятилетий до нашего знакомства. Появился по той простой причине, что на скромную зарплату пекаря Лида не всегда могла позволить себе купить «лекарство» от стресса, то бишь, вино или водку. Ну, а стрессов в Лидиной жизни было немало – судьба ее с детства не баловала. Помогали снимать стресс друзья-собутыльники, и в какой-то момент Лида переступила опасную черту – она стала зависимой от алкоголя, проще сказать – начала по-настоящему спиваться. Все это, уже спустя годы, она рассказала мне сама, а после ее смерти подтвердили и те немногочисленные знакомые, которые пришли после похорон на поминки. Так вот, Лида утверждала, что «завязала» только благодаря Костенецкой. Хотя, повторяю, я о ее алкогольной зависимости в прошлом узнала только от нее самой – при мне никогда никаких рецидивов не случалось. Правда, её соседи рассказали мне, что лишь один раз Лида сорвалась уже и после знакомства со мной. Но это был единственный раз, и спас ее тогда наш общий любимец кот Санчо.

Этого котенка я подарила Лиде в 1989 году, когда уезжала в Москву на постоянную работу в Кремле в статусе депутата Верховного Совета, чтобы Лида не очень по мне скучала. Сразу скажу, что коту Санчо повезло больше, чем твоей Розите и моей Катке вместе взятым – Лида баловала его как принца крови! Например, ходила на базар покупать котенку козье молоко, потому что оно, якобы, полезнее коровьего.

Так вот, однажды, когда будучи членом Верховного Совета СССР, осенью 1989 года я сидела в Кремле, а Лида в Риге исправно ходила на все митинги и Народного фронта, и Интерфронта, дабы при встрече докладывать мне обстановку из первых уст, нервы у моего Штирлица сдали... Политические страсти кипели на митингах нешуточные! Взгляды митингующих у памятника Свободы сторонников Народного фронта были прямо

противоположны взглядам тех товарищей, которые собирались на свои маевки на армейском стадионе... Лида чуть ли не с кулаками бросалась защищать мое имя от агрессивных нападков на митингах Интерфронта, и однажды, потерпев в очередной словесной перепалке полное фиаско, с горя купила бутылку водки...

Горем надо было с кем-то поделиться, и тут же в Лидиной квартире появились уже отлученные, было, от дома старые друзья. Вслед за первой бутылкой распили вторую, потом третью... В какой-то момент друзья начали отключаться. Кто-то из собутыльников уснул прямо в квартире, а кто-то попытался уйти домой, выпел на лестницу и оставил незакрытой дверь. Воспользовавшись ситуацией, переживший нешуточный стресс из-за шумной компании Санчо выскочил за пределы родного коридора и, очутившись на лестнице, бросился, куда глаза глядят, наутек. Когда Лида, протрезвев, обнаружила пропажу кота, она не на шутку перепугалась. Тут же бесцеремонно были разбужены все остававшиеся еще в доме гости: «Кот убежал! Это ведь кот Костенецкой!!!» Далее, как следует из воспоминаний очевидцев, вся компания нестройными рядами честно отправилась на поиски кота. Прочесали все шесть этажей дома (Лида жила на втором), обыскали погреб, двор, сарай во дворе – Санчо пропал бесследно... Лида объявила, что никто не уйдет домой, пока кот Костенецкой не будет найден. Неизвестно, как долго длились поиски, но доподлинно известно, что бедный зверь подал наконец голос из лифтовой шахты. Как его оттуда извлекали – тоже не знаю. Зато знаю, что когда вся честная компания с чувством глубокого удовлетворения вернулась в квартиру и кто-то резонно предложил отметить благополучное завершение операции по поимке кота, Лида грубо обматерила своих гостей и всех выставила за дверь. На этом ее «нервный срыв» и закончился – сама я пьяной Лиду так ни разу в жизни и не видела.

Сейчас в повествовании делаю перерыв и жду хотя бы самой краткой реакции Георга на то, что написала вчера и сегодня... Если реакция отсутствует полностью – писать сложно.

☛ Georgs: Отлично! Просто отлично! «Пишите, Шура, пишите... Ваши слова – золотые».

☛ Marina: Да, но Шура-таки пилил «золотую» гирю, оказавшуюся чугунной. Ладно, после сытного обеда в душ лезть передумала, отложила эту процедуру еще на пару часов, а пока вернулась к компьютеру и продолжению эпопеи с котом Санчо...

На первых в истории СССР относительно свободных и честных выборах, состоявшихся весной 1989 года, от Латвии был избран 51 народный депутат. В полном составе этот депутатский корпус должен был присутствовать в Москве только на Съездах народных депутатов (по регламенту два раза в год), а на все остальное время в «кремлевскую ссылку» для постоянной работы с родины были высланы всего 14 человек. Эти четырнадцать на общем собрании латвийской делегации были избраны членами Верховного Совета СССР, работавшего в Москве уже на постоянной основе. Ссылка считалась почетной, но найти среди нас согласных занять штатное место члена Верховного Совета СССР было непросто – народных избранников не прельщала перспектива потерять постоянную работу в Латвии и несколько лет прожить в отрыве от семьи. Поскольку семьи у меня не было, добровольно-принудительно мне досталось одно из четырнадцати вакантных мест, в результате чего я и перебралась на постоянное место жительства в гостиницу «Москва». Правда, спустя какое-то время членам Верховного Совета стали предлагать комфортабельные служебные квартиры в специально возведенном элитном доме, но я, в отличие от более практичных коллег, так и ограничилась гостиничным номером на Манежной площади вплоть до самого конца своей депутатской деятельности. Возможно, ты спросишь, Георг, к чему такие подробности? Отвечаю: к тому, что я ни на минуту не ощущала себя в этой почетной ссылке москвичкой, очень тосковала по дому и при первой возможности всегда улетала на выходные

дни в Ригу. Благо билеты на любой самолет в границах СССР народному депутату полагались бесплатно и предоставлялись вне очереди. Пожалуй, это была единственная привилегия, которой я действительно пользовалась по полной – в пятницу после работы последним рейсом улетала в Ригу, а в воскресенье вечером возвращалась в Москву, чтобы в понедельник дисциплинированно занять свое место в зале заседаний Верховного Совета.

Так вот, возвращаясь к Лиде и коту Санчо. Как я тебе уже писала, став народным депутатом СССР, я получила возможность за свои деньги купить машину «Волга». В СССР такое право предоставлялось только избранным (пардон, вот только что соврала тебе насчет «единственной привилегии» – дефицитную «Волгу» тоже смогла купить только в статусе депутата), а сама идея купить машину возникла так же спонтанно, как за несколько лет до этого все случилось и с мопедом «Рига».

Дело в том, что мне, как депутату, полагался штатный помощник-секретарь, и на эту должность я взяла свою знакомую, владевшую английским языком. Помимо этого очень важного достоинства Ивонна имела еще и водительские права, а у меня только что вышли две книги, и я сказала ей, что не знаю, как распорядиться такими большими деньгами – ну, не умела я никогда «копить в чулок»! Деньги в моей жизни появлялись редко, но если уж появлялись, то надолго не задерживались. Практичная Ивонна сказала, что аккуратно на свалившуюся на мою голову сумму можно купить машину «Волга», и что она, Ивонна, готова за ту же секретарскую зарплату быть не только моим секретарем, но и личным шофером. Сказано – сделано. «Волгу» купили так же беспшибанно, как в свое время мопед.

Ну, так вот. Когда я по пятницам прилетала на побывку в Ригу, Ивонна встречала меня на черной «Волге» в аэропорту, и со временем к ней в салон с теплыми еще, испеченными прямо к прилету рейса пирожками стала подсаживаться моя Лида. Ивонну стюардесса из депутатской комнаты аэропорта приводила прямо к

самолету (по регламенту секретарь имел право встречать депутата у трапа, чтобы помочь нести ручную кладь), а Лида со своими деликатесами оставалась дожидаться меня в машине.

☛ Marina: Продолжение следует. После обеда.

Со временем штатная стюардесса депутатской комнаты уже привыкла к тому, что за депутатом Костенецкой на «Волге» приезжают два человека — секретарь и, возможно, какая-то родственница.

Протокол даже рутинной еженедельной встречи депутатов соблюдался в аэропорту неукоснительно. Когда к самолету подавался трап, первыми из салона выходили прилетевшие этим рейсом VIP-персоны, все остальные пассажиры оставались ждать приглашения к выходу на своих местах. И я всегда знала, что среди встречающих у трапа увижу Ивонну, а вдали, за оградой летного поля, знакомую фигуру Лиды.

Ну, а теперь о коте Санчо. Тот прилет в Ригу, о котором я сейчас хочу тебе рассказать, Георг, состоялся 28 декабря 1990 года — практически за две недели до трагических событий в Вильнюсе и начала возведения баррикад в Риге. Обстановка во всей стране в целом и в Кремлевском Дворце съездов, где в эти дни проходил четвертый Съезд народных депутатов, была накалена до предела! Чтобы хоть как-то отвлечься от царящей в зале заседаний агрессии, я каждый вечер звонила Лиде и расспрашивала ее о нашем коте Санчо... В ответ Лида расспрашивала меня о том, что происходит в коридорах власти. Подробно описывать все по телефону я, конечно, не могла, но главное Лида поняла — Марине там очень хреново, она больше обычного тоскует по дому.

И вот, наконец, я прилетаю из кремлевского пекла в рижский аэропорт! Выхожу на трап, привычно ищу глазами Ивонну и вдруг... вижу рядом со своим штатным секретарем «непротокольную» пенсионерку Лиду! От радости меня как ветром сдуло с трапа — я бросилась Лиде на шею, крепко ее обняла и... О, УЖАС!!!

— откуда-то из Лиды прямо на летное поле вдруг вывалился взъерошенный кот Санчо... Не стану повторять тех слов, которые вырвались в этот момент из уст опешившей стюардессы. Слова были нецензурные. И можно было, конечно, бедную девушку понять: в нарушение всех инструкций, она уступила настойчивым просьбам «родственницы» депутата прийти на сей раз прямо к трапу, и вот вам пожалуйста самое настоящее ЧП — на летном поле обезумевшая от страха кошка!

Отдай должное моей молниеносной реакции, Георг: я успела поймать Санчо прежде, чем он угодил под колеса какого-нибудь взлетающего самолета. Но самое поразительное было то, с каким невозмутимым достоинством Лида объяснила появление Санчо в неполюженном месте: «Ничего страшного! Наш депутат вернулся из Москвы. Долой все стрессы — это любимая кошка Костенецкой!»

☛ Marina: На сегодня это все. Откланиваюсь, иду в душ и жду реакции по прочитанное...

☛ Georgs: Сколько переживаний бедной стюардессе!

☛ [21:13:50] Marina: Знаешь, мне кажется, что я поняла ЗАЧЕМ МЕНЯ ЕЩЕ ВЕРНУЛИ К ЖИЗНИ... Я должна успеть рассказать людям, сколько добра и света жило в людях моего поколения, хотя все мы жили при страшном политическом режиме. Но ведь именно нашему поколению выпала огромная честь и ответственность жить на границе КВАНТОВОГО ПЕРЕХОДА. Именно мы прошли сквозь черную дыру, сохранив светлые идеалы... Да, над нами могут посмеяться сегодняшние (и вчерашние) приспособленцы всех мастей. Но вот я перечитала свою такую «комсомольскую» книжечку «Луна Холодного Лица» (сейчас мне еще труднее понять, какое «очернение» советской действительности в ней усмотрел советский цензор?!), и мне ничуть не стыдно за свои наивные комсомольские «подвиги» — все это все равно делалось с

большой любовью к людям, и любовью же мне платили в ответ те же чукчи-комсомольцы...

• Georges: Да, пришли люди новой генерации, ваше первое послевоенное поколение. Это была такая эпоха последнего высокого романтизма, - казалось — вот, всё скоро изменится к лучшему. Я, конечно, обожаю искусство XX век, - тех, кто творил в те годы. Сегодня меня не покидает чувство вторичности всего происходящего. Вспомни, какими были архитектура, литература, музыка, театр, кино! Совершенно фантастические, если брать даже только вторую половину XX век — это и Пикассо, и Матисс в живописи, в литературе - Фолкнер, Хэмингуэй, Маркес, только что опубликованный Булгаков, тот же Воннегут. В музыке — Шостакович, Стравинский, Оливье Мессиян, Горовиц и Ростропович, дирижеры — Мравинский и Кондрашин, мы всех их слышали. В архитектуре — Корбюзье и Алвар Аалто были нашими современниками. А французский шансон! Пиаф, Жак Брель, Жильбер Беко, Далида, Барбара — всех не перечесать... Рок-музыка, джаз... Beatles появились, когда я учился еще в школе. А в кино - Феллини, Антониони, Висконти, Де Сика, Вайда и всё польское кино, Тарковский. Эти списки можно было бы продолжать до бесконечности. Стихи Бродского я переписывал от руки, - они ходили в списках. Как горько шутила по этому поводу Ахматова: «Мы живём в догуттенбергову эпоху». Еще был жив Пастернак. Зачитывались Евтушенко, Вознесенским, Окуджавой, Матвеевой. А какие театральные гиганты владели нашими умами — Любимов, Товстоногов, Эфрос, молодой тогда еще Ефремов... Всё это было такое богатство, которое современным людям и не снилось. И всё это были настоящие гиганты! Планки были подняты очень высоко. Как писал Михаил Юрич, — «Да, были люди в наше время, / Не то, что нынешнее племя: / Богатыри — не вы! / Плохая им досталась доля: / Не многие вернулись с поля...». По-моему XX век культуры закончился где-то в году 74-м, примерно... Наступила эпоха т.н. постмодернизма — пережевывания уже однажды съеденного. Идеи

кончились. Помнишь, Марина, как в том анекдоте про бочку варенья? «Хайм, мне кажется, это варенье уже один раз съели?» Так и в искусстве — всё уже один раз было. Век еще не кончился, но уже устал. Кончились идеи.

• 24.06.2017 Marina: Сейчас ВТОРОЙ РАЗ с наслаждением смотрю «Вино из одуванчиков». Конкретно — вторую серию с последней ролью Смоктуновского... Да, Иннокентий Михайлович СОВЕРШЕННО ГЕНИАЛЬНО СЫГРАЛ РОЛЬ ПОЛКОВНИКА, а Безруков не менее гениально эту роль озвучил уже после ухода с земного плана самого Смоктуновского. Мне кажется, что в этой роли Смоктуновский проживает и мою жизнь... Очень пронзительно проживает. Ведь я, как и его полковник, живу сейчас воспоминаниями, мне, как и полковнику, больше всего на свете нужны благодарные слушатели (в фильме это дети, которые ХОТЯТ ЗНАТЬ ПРОШЛОЕ), мне, как и полковнику, вполне хватает услышать свое прошлое в телефонной трубке - он слушает шум родного города, я, закрыв глаза, слушаю шум моря. Не только Балтийского (мое детство), но и Берингова (моя юность на Чукотке).

Вот перечитала собственную первую книгу и вдруг поняла, что я ОЧЕНЬ ЧЕСТНО ПРОЖИЛА СВОЮ ЖИЗНЬ. Ведь судьбе было угодно сделать меня комсоргом в оленеводческом колхозе, и я эти обязанности комсорга исполняла искренне, пусть наивно, но очень искренне, действительно рискуя жизнью в самом прямом смысле этого слова. И при этом сумела не клюнуть на роскошную идеологическую приманку — меня, как образцового комсорга Беринговский райком партии был готов премировать путёвкой в Высшую Кремлёвскую партийную школу. Что это тогда мне сулило? Ну, во-первых, КВАРТИРУ. Я уже писала тебе, Георг, в каких жутких квартирных условиях мы с мамой ютились в Риге, а получить квартиру в СССР простому смертному интеллигенту было практически невозможно. А уж тем более дочери «врага

народа!» Но для того, чтобы оказаться на учёбе в Москве в Высшей партийной школе, надо было сначала вступить в партию. А вот на это-то я и не могла согласиться. Потому что знала, как к такому моему осознанному поступку отнеслась бы мама. И ещё потому, что уже начинала прозревать и в отношении умершего четыре года назад отца, то есть переставала стыдиться своего статуса «дочь врага народа», начинала понимать, какая страшная трагедия коснулась не только миллионов советских людей, но и конкретно нашей семьи. Комсомолкой я стала в школе автоматически, весь класс вступал, и я вступила — мама перечить побоялась, время хрущёвской оттепели уже закончилось... А вот в партию вступать мне предлагали в виде «награды» за комсомольские подвиги, но у меня уже хватило мудрости и внутренней порядочности не продать душу дьяволу. Членом КПСС я так никогда и не стала. Поэтому когда во время Атмоды прозревшие коммунисты в массовом порядке клали на стол свои партийные билеты, мне и положить-то широким жестом было нечего — просто я никогда не состояла в рядах этой кровавой партии.

В дополнение к теме моей беспартийности... Мне важно, Георг, чтобы ты знал: я ни в коем случае не кичусь своим статусом беспартийной! Да, Бог миловал — членом КПСС я никогда не была. Но это не значит, что среди моих друзей и просто современников не было множества глубоко порядочных людей с партбилетом в кармане! Более того, я знаю, что многие мои ровесники — писатели — вступали в партию именно для того, чтобы знать, что и как происходит ВНУТРИ СИСТЕМЫ, ведь от нас, беспартийных, многие государственные тайны тщательно охранялись. Недалеко и за примером ходить — доклад Хрущева на XX съезде КПСС о культе Сталина. Этот текст читали и обсуждали только на закрытых партийных собраниях! Так что с известной долей презрения и осуждения я отношусь только к партийной и комсомольской номенклатуре, то есть к людям, делавшим служебную карьеру именно на идеологии. Я ведь и комсоргом на Чукотке в своем

колхозе была всего лишь на общественных началах, а на жительство за Полярным Кругом прожиточный минимум зарабатывала как простой штатный учитель Красной яранги.

И знаешь, сейчас, когда перечитывала свою «Луну Холодного Лица», ещё раз с удивлением и незаживающей обидой на цензора обнаружила, что даже описание «комсомольского подвига» было безжалостно подвергнуто идеологической правке! Если ты уже прочел главу «В снегах», то знаешь, как героиня книги Алена (а ведь в реальной жизни это была я, Марина Костенецкая) отправляется за триста километров из колхоза в райцентр на собачьей упряжке за... новыми комсомольскими билетами! То есть, ну никак чукчи-пастухи не могли обойтись без этих бесценных билетов! Совесть, видите ли, комсорга бы замучила... Это я сейчас, глядя из старости на себя 20-летней, так разумно рассуждаю. А тогда ведь поехала!!! И чудом осталась жива, не замерзла в тундре в ту страшную пургу. Мы действительно трое суток пережидали непогоду, закопавшись в снег под открытым небом. И вот сейчас, перечитывая описание этой пурговки, натыкаюсь на текст, который хочу тебе из собственной книги здесь процитировать:

«Уснуть бы. Во сне время проходит быстрее. Но уснуть мне мешала боль и нелепая навязчивая мысль, тоскливо теребившая сознание: «Вот приеду на материк и целый день буду кататься в троллейбусе. От кольца до кольца. А пурги не будет. Совсем, совсем не будет пурги...

А что если я никогда уже не буду ездить в троллейбусе? Что если это... конец?

И ярко, словно на экране в затемнённом зале, я вдруг вижу сидящую на корточках у плиты доктора Лилю. Лиля ворошит кочергой в плите угли, и в это время у дверей раздаётся нетерпеливый и требовательный стук: «Доктор, вы дома? Командир прислал за вами упряжку».

- Понанто, не спи, говори что-нибудь!

- Не надо говорить, кэлэ услышат, совсем плохо будет.

Глупости. Это просто пурга, ветер, нет на свете никаких кэлэ! Ну скажи же, скажи, что мы не замерзнем, а?»

• Marina: **Конец цитаты.**

А теперь, Георг, как внимательный читатель обрати внимание на описание моего видения доктора Лили у плиты в поселковой квартире... Тебе не показалось, что эпизод обрывается безо всякого смысла на полуслове?! Да, именно так оно и есть! Я и сегодня еще помню точно, что целиком текст выглядел так: «Доктор, вы дома? Командир прислал за вами упряжку. ПРИВЕЗЛИ РЕБЯТ НА ЗАСТАВУ».

И дальше шла краткая информация о том, что после пурги в тундре нашли тела двух замерзших в наряде пограничников и что Лиле надо ехать на заставу в качестве судмедэксперта для оформления свидетельства о смерти. ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СЛУЧИЛОСЬ НА НАШЕЙ ПОГРАНИЧНОЙ ЗАСТАВЕ. И такие случаи на Чукотке в погранвойсках не редкость. Но... как рижский цензор мог допустить, чтобы в книге о счастливой жизни в СССР замерзли при исполнении священного долга охраны рубежей родины советские пограничники?! Текст цензор «резал по живому» — точку в описании эпизода поставил там, где посчитал нужным, так и непонятно теперь читателю чего ради я Лилю вдруг помянула.

А сейчас вспомнила все это только ради того, чтобы сказать тебе: даже мои «комсомольские подвиги» цензоры редактировали, что уж говорить о том, как я на собственной шкуре разочаровывалась в романтике, которую нам обещала советская идеология, направляя молодежь на «передовые стройки коммунизма».

• Georgs: Марина, а у тебя никогда не было мысли переписать свои первые книги по типу — «А вот теперь-то я вам расскажу, как всё было на самом деле?»

• Marina: Нет. Я в этом смысле не Вилис Лацис, который свои романы переписывал соответственно сменившемуся политическому режиму. Мне и того хватит, если в нашем с тобой «романе в Скайпе» проскочит хотя бы пример того, как насильствовали цензоры молодого писателя... А всё остальное — я всегда писала искренне, не озираясь по сторонам и не стараясь никому понравиться по идеологическим соображениям. Мне не стыдно ни за одну свою книгу. Тем более, что все они выходили С БОЛЬШИМ СКРИПОМ. Могу показать тебе переписку с московским издательством, когда меня уже не в Риге, а в Москве обвиняли в непонятном пессимизме молодого писателя — ведь я жила в стране развитого социализма! Откуда у меня столько грусти в рассказах?!

• Marina: Июнь на исходе, а я так и не выполняю свой летний план по вылазкам на природу.

• Georgs: Если эта осень у вас, мадам, летом зовётся, то...

• Marina: Смирилась с твоим сарказмом по поводу того, что «Если эта осень у вас, мадам, летом зовется...» и окончательно впала в старческий маразм. Выражается маразм в том, что стала бубнить вслух сентиментальные стихи Есенина, которого (каюсь!) в юности почитала своим кумиром:

*Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.*

В желаньях я тоже стала скупее. Обойдусь и без солнечного лета... А сейчас вернусь к своим баранам, то бишь, ностальгическим воспоминаниям о прожитой жизни. Итак, на чем мы с тобой остановились. Георг?

• **Georgs:** Кажется дошли до той страницы твоей славной биографии, когда ты добровольно ушла из Медицинского института.

• **Marina:** Так вот. Это сейчас очень просто сказать «добровольно ушла из института». А тогда для всех моих родственников и знакомых это был просто шок! Ведь институт не какой-нибудь, а один из самых «рейтинговых» в советское время! Суметь поступить в Медицинский только для того, чтобы через два года оттуда добровольно уйти... Помню, случайно подслушала, как мама в связи с этим жаловалась нашей соседке: «У всех людей дети как дети, а у меня — писатель». Слава Богу, она дожила и до тех времен, когда на гонорары от книг я смогла купить хутор (квартирный вопрос все еще оставался нерешенным), а престижные московские журналы стали печатать мои рассказы. Тогда мама уже с другой интонацией говорила своей сестре: «Сапа у тебя инженер, а Марина у меня писатель». Ладно, ближе к делу.

Итак, из Медицинского института я ушла весной 1973 года. Чтобы избежать лишних объяснений с недоумевающей публикой и не стать наглаой иждивенкой на маминой пенсии, решила устроиться на лето пастухом в колхозе. То есть соединить приятное с полезным: с одной стороны, на лоне природы привести в порядок нервы, а с другой — заработать хоть какие-то деньги для начала новой целомудренной жизни. В песисской районной газете «Зелта друва» у меня работали знакомые журналисты, писавшие в основном именно о колхозах. По их рекомендации меня и приняли в один из отстающих районных колхозов пастухом, благо эта вакантная должность в начале лета все еще оставалась открытой. Правда, при оформлении на работу, в конторе меня все же спросили, имела ли я когда-нибудь дело с крупным рогатым скотом? Я нагло ответила, что да, имела, подразумевая свой опыт общения с оленями на Чукотке. После чего мне выделили на ферме обшарпанную комнату в общежитии для доярок и доверили через день пасти двести с чем-то коров. То есть нас, пастухов, на

ферме было два, и в поле выходить надо было по очереди. Моей напарницей была потомственная крестьянка с опытной пастушьей собакой, которую она великодушно предложила в помощники и мне. Но собака меня за сменную хозяйку не признала и выгоняла коров из озимых только по вдохновению, то есть хотела — работала, не хотела — и за себя, и за собаку отдувалась я одна.

Однако, как бы то ни было, к концу лета я сумела заработать вполне приличные для моего незавидного материального положения деньги и стала думать, как этой суммой распорядиться с умом. Напомню, что у меня уже вышла первая книга, что я решила стать писателем. Но для творческой работы надо было иметь хотя бы скромную крышу над головой — вдвоем с мамой в нашей чердачной комнатухе заниматься творчеством было абсолютно невозможно, а благословенная палата для умирающих в санатории «Дикли» осталась только в воспоминаниях.

Знаешь, я сама своей жизни удивляюсь... Недаром же сегодня вспомнила: «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?..»

Ну, так вот. Лида и Виктор в то лето снимали дачу в Лапмежциемсе. Это такое милое курземское местечко за Юрмалой в 50 километрах от Риги. Там же, кстати, с их подачи снимала дачу и Белла Ахмадулина со своей новой семьей после развода с Евтушенко... Завершив свою карьеру с «пастушьим летом», я приехала к коллегам в Лапмежциемс за советом, как жить дальше? И они мне посоветовали снять где-нибудь в рыбацком поселке на зиму комнату, благо в несезон это должно было быть недорого. Словом, сиди у моря и жди погоды! То бишь, пиши. А мы тебе чем сможем — поможем.

В результате, общими усилиями нашли мне жильё в поселке Кестерциемс. Это был когда-то хутор зажиточного рыбака. В большом доме жила семья — муж, жена и двое уже почти взрослых сыновей. А мне они согласились сдать на зиму хозяйственную постройку — уютный домик, одну половину которого составляла банька, а вторая когда-то была батрацкой: сени, кухонька и

небольшая комната. Не знаю, почему хозяева сразу поверили, что я действительно собираюсь там заниматься творчеством, и плату за аренду назначили минимальную – только за дрова... Перед возвращением из своего Лапмежиемса в Ригу Лида и Виктор заехали ко мне в Кестерциемс на новоселье и в виде хлеб-соли привезли в сумке взрослого кота, которого подобрали где-то весной и все лето у себя на даче прикармливали. Лида торжественно заявила, что жить совсем один человек не может, что Мурцис будет скрашивать мои суровые творческие будни, а они с Виктором станут платить мне за кота алименты. Как потом выяснилось, они не шутили. Раз в месяц я стала получать скромный денежный перевод из Риги, который шел на хлеб и подсолнечное масло. Остальные основные продукты питания (молоко и рыбу) я для нас с Мурцисом зарабатывала сама. Как именно?

☛ Marina: ПЕРЕРЫВ НА НОВОСТИ! Продолжение следует...

Если сейчас ты возьмешь в руки мою книгу «Дешево продается клоун» и откроешь в ней рассказ «Мускул смеха», то приблизительно узнаешь, как я в Кестерциемсе зарабатывала на безбедное существование и себе, и коту. Но вкратце это выглядело так: местные очень быстро узнали, что я сколько-то коридоров успела пробежать в Медицинском институте и решили, что им очень крупно повезло – в поселке появился свой медик. Женщины, как ты знаешь, вообще очень любят лечиться, и вот рыбацки стали сначала сами ко мне в баню наведываться, чтобы измерить артериальное давление крови (благо у меня был дефицитнейший по советским меркам аппарат для этой манипуляции!), а потом и к себе по домам зазывать, чтобы давление мерили и мужьям, и немощным старикам... Еще меня просили делать инъекции, которые прописывал врач. Ведь ближайшая амбулатория за пять километров в Энгуре, туда и обратно на нечастом междугороднем автобусе, а как на полдня хозяйство оставить? И вот вдруг у них свой «доктор» объявился. По мнению пациентов, доктору обязательно

надо платить, независимо от того, есть или нет у него диплом. И мне платили. Причем щедро! И свежей рыбой, и горячего копчения – прямо из коптильни, и молоком, и творогом... Зимой мой рабочий день начинался в шесть утра. Я вставала, топила в кухне плиту, от которой нагревалась вся комната, завтракала и шла к столу... писать рассказы. Ближе к обеду складывала свой «медицинский саквояж» и отправлялась с обходом по домам вдоль по морскому берегу. В одном конкретном доме со мной всегда расплачивались обедом. К вечеру возвращалась к столу с рукописью, правила на свежую голову то, что написала утром...

Вот так и прошла зима. А весной мои ангелы-хранители, Лида и Виктор, получили в Литфонде путевку в писательский дом творчества «Дубульты», и я поехала их туда навестить.

Лида и Виктор жили на территории Дома в отдельном коттедже, а питаться ходили в большой корпус, где каждому писателю в столовой было отведено свое постоянное место. Волей судьбы в тот раз за одним столиком с Лидой и Виктором оказался известный московский писатель Анатолий Приставкин. Когда в день моего приезда подошло время обеда, Лида с Виктором пошли в столовую, оставив меня в коттедже одну и пообещав принести что-нибудь со шведского стола. А через какое-то время в дверь вдруг вежливо постучали, и в комнату вошел незнакомый улыбающийся человек с большим яблоком в руках:

- Это вам! – протянул он мне яблоко и тут же, с места в карьер продолжил:

– Я все про вас знаю. Лида и Виктор мне рассказали. Давайте знакомиться ближе, меня зовут Анатолий Приставкин...

Кончилось тем, что Приставкин попросил почитать мою «Луну Холодного Лица», которую ему так расхвалили соседи по обеденному столу, и я, польщенная, конечно, пообещала, что в ближайшие дни книгу ему привезу.

Слово свое я сдержала, книгу московскому писателю привезла и... спокойно уехала обратно в свою «баньку» заниматься

творчеством и оказанием медицинских услуг местному населению.

Не помню, сколько времени прошло – месяц? Два?

Поскольку мой хозяин был дорожным мастером, то есть отвечал за состояние шоссе на определенном отрезке трассы, вдоль которой шла и государственная граница, у него в доме имелся телефон – большая роскошь для рыбацкого поселка. Мне было разрешено давать номер этого телефона маме, самым близким родственникам и друзьям исключительно для экстренных звонков. Ведь для того, чтобы позвать меня к трубке, кто-то из хозяев должен был через весь двор добежать до бани, так что практически мне никто никогда не звонил. И вот в один прекрасный день бежит по двору моя хозяйка, Лония и на весь хутор орет: «Марина! К телефону! Быстрее! Звонят из Москвы...» Помню, на нервной почве, я перемахнула прямо через подоконник распахнутого окна, потому что через кухню и сени бежать к телефону не было времени. Влетела в дом, схватила трубку: «Алё! Слушаю!..» И в ответ звучит знакомый голос Анатолия Приставкина: «Вам немедленно надо выезжать в Москву! В Доме творчества «Переделкино» сейчас проходит всероссийский семинар молодых публицистов. Руководители семинара прочли вашу книгу и, в виде исключения, вас единственную из другой республики приглашают на российский семинар. Бесплатная путевка в московском Литфонде уже выделена, вам оплатить надо только проезд до Москвы...»

● Marina: ПЕРЕРЫВ НА УЖИН. Но, надеюсь, хронология событий у тебя уже выстроилась в стройную систему... Дальше будет то, что я тебе уже рассказывала.

Междугородний разговор с Москвой прервался на полуслове раньше, чем я успела что-либо толком понять. Все же поверила, что Приставкин меня не разыгрывает, и стала лихорадочно соображать, где взять деньги на дорогу и какие документы могут спросить у меня в московском Доме творчества. Обычно требуется медицинская справка и, конечно же, сама путёвка из Литфонда,

но путёвку мне, якобы, выделили в Москве, так что в Латвийский Литфонд идти бессмысленно. В растерянности поведала суть междугороднего телефонного разговора своим хозяевам, и они, узнав, что семинар в Москве идёт уже несколько дней, и к началу я опоздала, тут же сказали, что у них есть блат в железнодорожных кассах (а купить на поезд билет в советское время было той еще проблемой!) и могут одолжить на проезд в плацкартном вагоне нужную сумму. В итоге через два дня я уже сидела в том самом плацкартном вагоне с полупустым чемоданом, в котором кроме смены белья и предметов личной гигиены лежали только экземпляры моей книги «Луна Холодного Лица».

● Marina: 27 июня 2017. Знаешь, мне начинает казаться, что этой переписки с тобой мне хватит на всю оставшуюся жизнь и еще не все успею рассказать! Просто боюсь слишком далеко отходить от главной сюжетной линии (она заключается, наверное, все же в том, как я стала писателем), а то ведь увлекусь и начну тебе рассказывать, как возила на Украину племенных тёлочек породы «латвийская бурая» в вагонах для перевозки скота, как была после первой поездки уже во вторую назначена СТАРШИМ ПРОВОДНИКОМ СОСТАВА, то есть сопровождала несколько сот голов племенного скота и командовала проводниками, которые в основном были цыганами, поэтому по пути следования нагло торговали кипами сена, выделенными в Латвии для прокорма скота в долгой дороге... Ох, Георг, с высоты прожитых лет, сама удивляюсь своей биографии!

● Georgs: - Да, уж... Слова молчат... Я с детства лето проводил с родителями, бабушками в деревне. Но там у хозяев была одна корова, да пара-тройка овец, как помню. Уже студентом ездили в колхоз на уборку свеклы. + еще ездили на фольклорную практику в какую-то дальнюю деревню, начало Тайги. Шёл 69-ый год. Ехали туда почти сутки. Там, в той деревне, жили одни баушки, они

поили нас самогоном и пели матерны частушки. Это была такая глухомань, что мы не были уверены, что им сказали про отмену крепостного права. Впрочем, советским колхозникам это право так до конца и не отменили, как нам известно.

☛ Марина: Ладно, возвращаюсь в свою баню в Кестерциемсе, откуда Приставкин вытащил меня на Всероссийский семинар молодых публицистов.

И вот весна 1974 года, я приезжаю в Москву. От Лиды с Виктором, не раз уже живавшими и в доме творчества «Переделкино», знаю, с какого вокзала и на какой электричке надо добираться до легендарного писательского поселка. Выхожу из электрички на перрон станции Переделкино, и тут меня начинает, наконец, бить мандраж. Ведь это то самое место в подлунном мире, где находятся дачи Пастернака, Чуковского, Катаева, Вознесенского, Окуджавы... И куда ж это я со своим свиным рылом в калашный ряд?! Без путёвки, без справки от врача из поликлиники Литфонда — да меня и на порог того Дома творчества не пустят! Но отступить уже поздно и некуда, и как голову на плаху я вношу чемодан с экземплярами собственной книги в белый особняк с колоннами, — такую типичную уютную русскую усадьбу 19 века.

У входа в вестибюле сидит дежурная. Надо ей как-то объяснить мое появление в храме небожителей, и я с места в карьер сообщаю: «Меня сюда вызвали по телефону. У меня нет путёвки, я из Риги...»

Договорить не успеваю, потому что дежурная радостно меня перебивает: «Да, да! Мы вас ждем! Вас ведь Марина зовут?!»

Так не бывает, Георг... Мне и сейчас, сорок с лишним лет спустя, кажется, что все дальнейшее со мной происходило там во сне. Нет, ну ты просто поставь себя на мое место: из баньки с рыбацкого хутора с туалетом на улице и водой в колодце я попадаю в сказочный особняк, где меня на полном серьезе спрашивают — в какой номер я предпочитаю заселиться, с окнами на север или на юг?

2.

Сейчас уже не помню, что я выбрала — север или юг, но хорошо помню, что когда, наконец, оказалась в своем номере, была там потрясена двумя фактами: у окна стоял настоящий письменный стол, а в ванной комнате был не только душ, но и ванна. И все это мне одной! На целых три недели, пока будет длиться семинар!

Дежурная сказала, что столовая на первом этаже, что к обеду желательно не опаздывать, что официантке надо отдать талончик на питание, и мне покажут мое постоянное место за столом. Как только за дежурной закрылась дверь, я бросилась к крану с горячей водой в ванной и через десять минут, как римский патриций, уже вальяжно возлежала в белоснежной ванне.

Потом строго по часам спустилась к обеду, зашла в зал, сжимая в кулаке заветный талон, и... не успела отыскать глазами официантку, как вдруг ощутила себя в крепких мужских объятиях! Поверх прижатой к чьей-то груди собственной головы услышала ликующий голос: «За наш стол! У нас есть место! Она будет сидеть за нашим столом!». Голос, несомненно, принадлежал Анатолию Приставкину, и тут же, не обращая внимания на обедающих классиков советской литературы, я бросилась ему на шею с ответными объятиями. Пока официантка сопровождала нас обоих к уже обозначенному столу, по залу прокатился легкий шёпоток: «Это та самая...» Я не сразу сообразила, что «та самая» — это я. Но откуда же мне было в тот момент знать, что вот уже несколько дней по Дому творчества из уст в уста передается легенда о том,

как Анатолий Приставкин где-то на латышском хуторе раскопал юное дарование, написавшее экзотичную книгу о чукотских оленеводах?! Для утомлённого славой писательского бомонда это был эксклюзив...

Тут надо сказать, что советская идеология предусматривала «открывать таланты» и направлять их в нужное русло раньше, чем они успеют попасть под тлетворное влияние западной культуры. Именно с этой целью в стране постоянно проводились всевозможные творческие семинары молодых авторов, где всегда была запланирована какая-нибудь «сенсация». Попавший в эту номинацию автор тут же становился объектом пристального внимания редакторов литературных журналов, издательств, журнальных критиков... И вот, как ты уже, очевидно, догадываешься, Георг, на этот раз «сенсацией» престижного Всероссийского семинара стала твоя визави. Весной 1974-го в Доме творчества Переделкино на следующее утро после приезда я проснулась знаменитой.

Кажется, я забыла тебе написать очень важную вещь: когда мама смирилась с тем, что я бросила Медицинский институт ради сомнительного писательского будущего, она на свои скромные накопления купила мне в комиссионном магазине пишущую машинку «Optima». Да, сегодня трудно представить, но в обычных магазинах купить пишущую машинку в СССР было большой проблемой, а вот в комиссионках иногда проскакивала и «запрещёнка». Это я к тому, что в моей, по-своему даже уютной баньке у меня уже стояла громоздкая стационарная «Optima» (приличные писатели приобретали в писательской лавке Литфонда только портативные машинки), и я, написав сначала рассказ шариковой ручкой от руки, потом сама же и перепечатывала его уже на машинке. Так что в Москву в чемодане я привезла не только экземпляры своей «Луны», но и машинописные рукописи написанных за зиму рассказов. И все эти рассказы тут же, на семинаре, разобрали по редакциям ответственные за открытие новых талантов представители столичных журналов! Два главных потрясения для меня

были – журнал «Юность» (там после семинара напечатали рассказ «Завтра на рассвете») и толстый литературный журнал «Октябрь», напечатавший сразу целую подборку из нескольких рассказов.

☛ **Georgs:** Марина, а чем ты можешь объяснить вот этот парадокс: тебя напечатали в прогрессивной по тем временам «Юности» и в реакционном кочетковском «Октябре»? Удивительно! Ещё раз напомни, какой годок-то это был?

☛ **Marina:** Объясняется все просто: «Октябрь» на тот момент был уже не совсем «кочетковский»... Год на дворе 1974-ый. Главным редактором «Октября» два года, как назначили Анатолия Ананьева, автора тоже достаточно кондовой книги «Танки идут ромбом». Но Ананьев всё же пытался несколько изменить, улучшить устоявшийся реакционный имидж журнала. Именно от «Октября» на семинар молодых публицистов на поиски юных талантов была отправлена заведующая отделом публицистики Анна Моисеевна Мороз, и хотя у меня в чемодане была уже только проза, она честно отвезла мою рукопись в журнал и передала коллегам в отдел прозы – дальше было решение главного редактора. А «Юность» тогда возглавлял Борис Полевой. От «Юности» на семинаре тоже дежурил какой-то редактор отдела – он попросил у меня ему что-нибудь показать, и я показала «Завтра на рассвете». В тот же мой приезд в Москву меня пригласил в редакцию сам Борис Полевой и сказал, что рассказ принят к печати.

☛ **Georgs:** Ха, а у меня в 74-м году тоже произошло знаменательное событие – родился сын. На дворе «Год тигра» по китайскому гороскопу. И это тоже решительно поменяло мою жизнь.

☛ **Marina:** Пойми, Георг, после всех метаний-скитаний оказаться вдруг в кабинете Бориса Полевого, чью знаменитую книгу «Повесть о настоящем человеке» мы проходили в школе,

для меня это было великое событие! Позже, там же в Переделкино я познакомилась и с первым редактором «Юности» Валентином Катаевым, и им тоже была обласкана как «юное дарование»... Слава Богу, голова от всего этого не закружилась – уже первая книга в Москве выходила со скандалами и отказом с моей стороны прогибаться под нужную идеологию... Об этом чуть позже, когда наступит соответствующий момент.

☛ Georgs: Занятно, я читаю твои заметки и сравниваю. «Повесть о настоящем человеке» мы уже не проходили, хотя многие её читали, а многие смотрели знаменитый фильм с Кадочниковым. В старших классах литературу нам пришёл преподавать молодой студент, пятью годами старше нас, Анатолий Миронович Смелянский. За глаза мы его звали просто Толк. Сегодня он известный по обе стороны Атлантики театровед, президент Школы-студии МХАТ, автор нескольких замечательных книг о театре, всех его регалий не перечесать. Так вот, он изменил нашу программу, давал всё самое актуальное: военную тематику мы проходили по «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, «Звезде» Казакевича, «Судьбе человека» Шолохова. Читали писателей-деревенщиков – «На Иртыше» Сергея Залыгина, рассказы Шукшина, «Владимирские просёлки» Солоухина, «Матрёнин двор» и «Один день Ивана Денисовича» ещё не запрещенного тогда Солженицына, «Братскую ГЭС» Евтушенко, поэму Вознесенского о Ленине «Лонжюмо», «Пора, мой друг, пора...» Аксёнова, «Дамский мастер» Грековой, «Кентавр» Апдайка... Учитель сам блестяще читал стихи, особенно Маяковского. Он расставил нам ориентиры в книжном море, определил систему ценностей. На последнем уроке перед выпускными он нам сказал: «Если вы теперь будете читать «Новый мир», а не «Октябрь», я буду считать свою задачу выполненной». Сразу несколько человек, и я был в их числе, поменяли свои планы на будущее и подались в филологи. А до того я собирался стать архитектором,

занимался рисованием, Алвар Аалто и Ле Корбюзье были моими кумирами. Но Анатолий Миронович заразил меня исследованием литературы. И слава Богу! Мне потом объяснили строители, что никаким Аалто или Нимейером в Советском Союзе мне стать не светило. Все более-менее интересные, нестандартные объекты проектировали московские корифеи. А я так и занимался бы всю жизнь привязкой «хрущёвок» к местности. Позже я видел целые институты таких «архитекторов». Но мне повезло, я встретил его, настоящего учителя. Это был просто подарок судьбы. Один из многих в моей жизни.

☛ Marina: Кстати, от того самого прогрессивного толстого литературного журнала того времени «Новый мир» на семинаре присутствовал заведующий отделом публицистики Аркадий Сахнин. И не просто присутствовал – он был одним из руководителей семинара и в дальнейшем сыграл в моей судьбе огромную роль! Забегая чуть вперед, скажу, что это была именно идея Аркадия Сахнина – через месяц после семинара полным составом отправить всех участников в творческую командировку от журнала «Новый мир» в Набережные Челны на строительство завода КАМАЗ.

А еще на семинаре была известная журналистка, «золотое перо» тогдашней прогрессивной «Комсомольской правды» Лидия Графова. Она после семинара тоже приехала ко мне в ту самую баню в Кестерциемсе, тщательно собрала материал, опросила моих друзей и в Риге, и в Москве, и в итоге в «Комсомольской правде» была напечатана большая, на целый подвал, статья о никому тогда еще неизвестной Марине Костенецкой. В редакцию «Комсомолки» на мое имя пошли письма читателей... Это тоже было для меня очередным потрясением. Чтобы тебе было понятнее, какого ранга журналистом была Лидия Графова, скажу, что это она одной из первых открыла миру гениальную юную художницу Надю Рушеву...

☛ Georgs: Уверен, что мало кто помнит теперь, кто такая Надя Рушева и историю её короткой, но такой яркой жизни. Ну, да ладно.

☛ Marina: Я часто вспоминаю цитату из книги латышского писателя Рихарда Рудзитиса «Да воссияет свет!». Книга была написана в 30-ые годы прошлого века, но свет божий увидела только в XXI веке, когда творческим наследием отца вплотную занялась его уже очень пожилая дочь Гунта Рудзите. А цитата такая: «Мудрец вопрошал Соломона, мудрейшего из людей: «Скажи, царь, о чем я должен всегда помнить?» - «Когда ты достиг богатства и славы, не будь высокомерен, все это когда-то пройдет... Когда ты в беде, не забывай - и это пройдет!».

Три недели жизни в переделкинском раю пролетели как один день, и вот для меня, латвийской Золушки, настал час возвращать одолженную Феёй Судьбы карету и в будничной тыкве (плацкартный вагон поезда Москва-Рига) возвращаться восвояси к коту Мурцису и рыбакам. Ведь эти славные люди кормили меня в самом буквальном смысле этого слова! Гонорары за принятые в печать рассказы я получу только после публикаций, то есть через несколько месяцев, а пить-есть надо уже сегодня. И вообще – что со мной будет дальше, одному Богу известно.

Ладно. В Москве мужественно попрощалась со всеми новыми ангелами-хранителями и вернулась в свою баню.

Спустя какое-то время, через двор опять бежит Лония и зовет меня к телефону – на проводе Москва!

Как ты уже, конечно, догадался, Георг, звонил Анатолий Приставкин. И стоя у настенного телефона на хуторе в доме дорожного мастера, я поняла, ЧТО БОГ НА СВЕТЕ ЕСТЬ! Приставкин был краток и деловит. На этот раз, прежде, чем нас разъединили, успел изложить все главное: заведующий отделом публицистики журнала «Новый мир» Аркадий Сахнин сумел пробить в своей редакции командировку участникам

нашего семинара в Набережные Челны. Семинар был теорией – Набережные Челны станут практикой. Мы едем писать очерки о Всесоюзной ударной комсомольской стройке, заводе КАМАЗ. Все дорожные расходы от Риги до Набережных Челнов и обратно, равно как и прочие командировочные расходы – суточные, гостиница и т.д., – мне оплачивает редакция «Нового мира».

Ну, а дальше все повторилось по сценарию Переделкино. В аэропорту Набережных Челнов чуть ли не по летному полю навстречу мне бежал с раскинутыми для объятий руками все тот же Анатолий Приставкин. В новой, только что сданной в эксплуатацию гостинице меня ждал отдельный номер, в соседних номерах жили уже знакомые мне теперь писатели, к нашим услугам была машина.

Это была потрясающая командировка! И не только потому, что костяк нашего пишущего десанта составляли очень известные в стране писатели (Аркадий Сахнин, Леонид Жуховицкий, Василий Росляков, Майя Ганина, Анатолий Приставкин...), но и потому, что все эти писатели учили меня видеть, в первую очередь, изнанку комсомольской стройки. То есть не восхищаться пропагандистскими плакатами, коими щедро были увешаны все многоэтажки в городе, а интересоваться тем, какой ценой все это в кратчайшие сроки построено. Никогда не забуду, как Василий Росляков привел меня на совсем новое кладбище, где на могилах были указаны даты жизни упокоившихся здесь комсомольцев-добровольцев. Конечно, похоронены там были и люди постарше, но Росляков первым мне сказал, что в основном это могилы не погибших от несоблюдения норм техники безопасности ребят, а тех, кто ушел из жизни добровольно. То есть суицид, о котором нигде в официальной прессе не писалось, зачастую становился выходом для тех, кто почувствовал себя обманутым и преданным государством. По вечерам мы встречались с комсомольцами в неформальной обстановке, и ребята с горечью рассказывали, что их, как передовой отряд добровольцев, провожали со знаменами

ЦК ВЛКСМ на Красной площади, что они ехали сюда строить светлое будущее, а на месте столкнулись не столько с бытовыми трудностями, сколько с цинизмом и пофигизмом руководства стройки на всех возможных и невозможных уровнях. Помню горбатого мальчика Гошу, который выжил после попытки суицида (выбросился из окна какого-то верхнего этажа), но на всю жизнь остался инвалидом. Он хорошо играл на гитаре, и под его аккомпанемент собравшиеся обычно у кого-нибудь из нас в гостиничном номере комсомольцы исполняли свой собственный гимн о Набережных Челнах:

*Мы придумали город,
В котором взрослые дети...*

Не построили, а придумали. Именно так. И еще помню стихи девушки-комсомолки:

*О князь мой светлоглазый,
О мой светлейший князь!
Я вам пишу с КАМАЗа,
Где по колено грязь.*

Конечно, искренне верующих в коммунистическую идеологию молодых людей тоже на КАМАЗе хватало — они действительно вкалывали на комсомольской стройке «за себя и за того парня», однако, для меня, как писателя, было важнее узнать то, о чем писать было запрещено...

Но самые яркие воспоминания о той командировке связаны у меня с именем Марины Цветаевой. Ведь похоронена Марина Ивановна в Елабуге, а этот город находится аккурат напротив Набережных Челнов — на противоположном берегу Камы. Еще раз напомним: на дворе 1974 год. Имя Марины Цветаевой в СССР практически под запретом, но ее стихи всюду гуляют в самиздате в виде слепой машинописи на папиросной бумаге. Собственно, через самиздат я впервые и узнала о том, что у России есть такой

поэт. Помню, каким откровением стали для меня стихи о Белой гвардии:

*Кто уцелел — умрет, кто мертв — воспрянет.
И вот потомки, вспомнив старину:
— Где были вы? — Вопрос как громом грянет,
Ответ как громом грянет: — На Дону!*

*— Что делали? — Да принимали муки,
Потом устали и легли на сон.
И в словаре задумчивые внуки
За словом: долг напишут слово: Дон.*

Так вот. В нашем высаженном на берег Камы писательском десанте оказался и ведущий журналист газеты «Известия» Леонид Шинкарев. Именно он предложил всей честной компании съездить в Елабугу поклониться памяти великого поэта.

Как перебирались через Каму, не помню, но хорошо помню, что без труда нашли в городе дом Бродельщиковых, где Марина Цветаева покончила жизнь самоубийством. Постучались в ворота. Как ни странно, хозяева впустили нас не только во двор, но и разрешили зайти в сам дом и показали ту балку, на которой Марина повесилась. Под этой балкой Леонид Шинкарев прочитал собравшимся стихи Евтушенко «Елабужский гвоздь»

*Помнишь, гераневая Елабуга,
ту городскую, что вечность назад
долго курила, курила, как плакала,
твой разъедающий самосад?*

*Бога просила молитвенно, ранено,
чтобы ей дали белье постирать.
Вы мне позвольте, Марина Ивановна,
там, где вы жили, чуть-чуть постоять.*

*Бабка открыла калитку зыбучую:
«Пытка под старость — незнамо за что.
Ходют и ходют — ну прямо замучили.
Дом бы продать, да не купит никто.*

*Помню — была она строгая, крупная.
Не подходила ей стирка белья.
Не получалось у ней с самокрутками.
Я их крутила. Веревку — не я».*

*Сирые сени. Слепые. Те самые,
где оказалась пенька хороша,
где напослед леденяющею Камою
губы смочить привелось из ковша.
Гвоздь, а не крюк.
Он сраненый, увесистый —
для хомутов, для рыбацких снастей.
Слишком здесь низко,
чтоб взять и повеситься.
Вот удавиться — оно попростей.*

*Ну а старуха, что выжила впроголодь,
мне говорит, словно важный я гость:
«Как мне с гвоздем-то?
Все смотрят и трогают.
Может, возьмете себе этот гвоздь?»*

*Бабушка, я вас прошу как о милости, —
только не спрашивайте опять:
«А отчего она самоубилась-то?
Вы ведь ученый. Вам легче понять».*

*Бабушка, страшно мне в сенцах и комнате.
Мне бы поплакать на вашем плече.*

*Есть лишь убийства на свете, запомните.
Самоубийств не бывает вообще.*

Две последние строчки Леонид Шинкарев прочел нам в собственной интерпретации.:

*Есть лишь УБИЙЦЫ, МАРИНА ИВАНОВНА!
САМОУБИЙЦ не бывает вообще.*

Из дома Бродельщикových (правда, в 1974 году там жили уже совсем другие люди) мы пошли на Елабужское кладбище и оставили цветы у памятного знака с надписью: «В этой стороне кладбища была похоронена М. И. Цветаева.»

Тот же Шинкарев рассказал нам, что в 1960 году крест с такой надписью здесь установила вернувшаяся из сибирской ссылки сестра Марины — Анастасия Ивановна Цветаева.

И могла ли я тогда предугадать, что спустя шесть лет, буду сидеть в московской квартире самой Анастасии Ивановны Цветаевой и из первых уст слушать рассказ о ее путешествии в Елабугу на поиски Маринойной могилы?!

☛ **Georgs:** С тобой не соскучишься! И везде тебе везёт на «правильных», как теперь говорят, людей! Судьба или миссия?

☛ **Marina:** Подожди, об этом еще рассказ впереди...

Между тем наш благодетель Аркадий Сахнин, будучи не только заведующим отделом публицистики в «Новом мире», но и весьма влиятельным функционером в деловых писательских кругах, всерьез озаботился моим будущим. Он сообщил, что через несколько недель после завершения командировки на КАМАЗ в сентябре я поеду на бархатный сезон в Дом творчества в Коктебель, а с первого сентября следующего, 1975 года, очевидно, начну учиться в Москве в Литинституте им. Горького

на двухгодичных Высших Литературных курсах. Набор на курсы происходит раз в два года, в этом году набора нет, а в следующем попасть туда для меня вполне реально. Поверить в такую фантастическую перспективу было невозможно, и я продолжала жить как бы в сказочном сне, ежеминутно опасаясь, что вот-вот проснусь и окажусь лицом к лицу с суровой реальностью привычного быта.

Ну, согласись, Георг! Самый «крутой» Дом творчества в Крыму... Да туда путевки и настоящие-то писатели на год вперед заказывают! А я ведь еще даже не член Союза писателей СССР – какого черта никому неизвестному молодому автору из Латвии Литфонд вдруг выделит на сентябрь (бархатный сезон!) путевку в Коктебель? И совсем уж нереально оказаться на очной учебе в Москве – на Высшие Литературные курсы принимают ТОЛЬКО ЧЛЕНОВ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ. Я это точно знаю. С одной книгой прозы в Союз писателей не принимают... Да и вообще в Латвии (по месту моего жительства) в Союз принимать предпочитают латышских авторов, русским надо доказывать свое право на членский билет большим количеством солидных публикаций.

Помню, в советское время ходил такой анекдот. Предприимчивая девица планирует собственное будущее: «Вот выйду замуж, рожу двоих детей – сына назову Блат, дочку – Конъюнктура. Пусть будут счастливы в жизни!»

Наверное, советские люди все, что в то время со мной происходило, не задумываясь, назвали бы емким и вполне понятным словом «блат». Но эзотерики все же скорее сказали бы «карма». То есть так уж оно, видно, на роду мне было написано!

Первое предсказание Сахнина сбылось совсем скоро – я едва успела доехать до Риги и купить купальник для загара на коктебельском пляже. Это был уже второй в моей жизни Дом творчества писателей. Первый – Переделкино. Ну, а Коктебель, как ты, Георг, понимаешь, это и Кара-Даг, и дача Волошина, и

новые знакомства с живыми классиками советской литературы. Свихнуться от такой жизни можно было в два счета! Сейчас сама удивляюсь, что не слетела с копыт от звездной болезни... Позже узнала, что в моей судьбе самое деятельное участие принимали не только Сахнин и Приставкин, но и та же Лидия Графова, и Майя Ганина, и секретарь союза писателей РСФСР Георгий Радов – действительно меня передавали из рук в руки, и иначе как кармой, то есть предначертанием, записанным в звездах, я объяснить этот процесс не могу.

Домой из Коктебеля я возвращалась через Москву, и здесь мои благодетели шепнули, что с Литературными курсами тоже все складывается вроде бы хорошо. Еще одну зиму я поживу в своей бане, дабы закончить работу над рукописью новой книги (она стоит в плане московского издательства на 1976 год), а по рукописи второй книги можно уже подавать документы и на прием в Союз писателей. Так что к осени 1975 года меня реально смогут зачислить слушателем Высших Литературных курсов. Этот год пролетел как один день! В толстых журналах печатались мои рассказы, в баню в Кестерциемсе ко мне приезжали известные московские писатели и журналисты, я вдохновенно писала новые рассказы и вела переписку по будущей книге с редактором издательства «Молодая гвардия»...

Весной 1975 года, по прямому указанию своих московских благодетелей, я подала в Риге заявление на прием в Союз писателей СССР. Чтобы стать полноправным членом этой престижной организации, надо было пройти сложную процедуру в несколько этапов. Сначала получить рекомендацию на прием от русской секции Союза писателей Латвии, потом заручиться тремя письменными рекомендациями от маститых членов Союза писателей СССР, затем пройти чистилище через Приемную Комиссию и только после такого изнурительного марафона можно было предстать, наконец, перед последней инстанцией – Правлением Союза писателей Латвии – для вынесения

окончательного вердикта по своей кандидатуре. Заседания Правления по приему в Союз писателей в Риге, как правило, проходили два раза в год – весной и осенью. В 1975 году осеннее заседание было намечено на октябрь. На этом заседании меня, по замыслу московских благодетелей, должны были официально принять в Союз, чтобы я могла начать учиться на двухгодичных Высших Литературных курсах. Но очная учеба там начинается уже с первого сентября! То есть я просто-напросто не успеваю подать все необходимые для поступления документы... Однако, в середине лета 1975 года из Москвы в мою баню в очередной раз звонит неунывающий Анатолий Приставкин и сообщает, что в виде редчайшего исключения («Смотри, не проболтайся нигде на курсе! Чтоб язык за зубами..») я уже зачислена на ВЛК, хотя ещё и не являюсь членом Союза.

Прежде чем дальше рассказывать о моём действительно детективном поступлении в Литинститут, надо всё же дать более развернутую информацию о нашей с мамой квартире в Риге. Иначе невозможно будет по достоинству оценить работу той сказочной феи, которая незримо продолжала присутствовать в моей жизни и время от времени превращать огородную тыкву в королевскую карету.

Дело в том, что в эту квартиру вся семья (папа был ещё жив) переехала из такой коммуналки, где наша жизнь была воистину адом. Отец, отбыв десятилетний срок заключения на шахтах Воркуты, после смерти Сталина был признан не имеющим судимости и поражения в правах и смог воссоединиться с семьей, то есть приехать к нам с мамой в Ригу. Арестовали отца за месяц до моего рождения, так что мы с ним друг друга увидели впервые, когда мне было уже 10 лет. Но не буду сейчас отвлекаться на детские годы своей биографии, скажу только, что ответственная квартиросъемщица коммуналки не желала видеть в своей квартире «врага народа» и регулярно вызывала милицию, требуя, чтобы отца выселили из квартиры. Так что когда нам, наконец, удалось

переехать в отдельную квартиру по адресу Бирзниека-Упиша, 11, кв. 21, мы все были на седьмом небе от счастья! Помню, папа, как мантру, без конца повторял маме одну и ту же фразу: «Какая у нас роскошная квартира, Катюша!!». Все познается в сравнении. Главная роскошь новой квартиры заключалась в том, что в ней можно было закрыть дверь и чувствовать себя защищенными от ночных визитов милиции. Сама же квартира располагалась на седьмом, чердачном этаже шестизэтажного дома с крутыми лестницами, то есть в мансарде. В доме не было лифта, центрального отопления и газа. Дрова из погреба на чердак надо было носить в мешке. Водопроводный кран – один на шесть чердачных квартир – находился на лестничной площадке, и из-за низкого напора вода в нем, как я уже говорила, появлялась с двух до четырех ночи. Именно в это время суток обитатели шести квартир выстраивались с ведрами в очередь к заветному крану. Туалет нашей «роскошной» квартиры тоже был на лестнице и тоже один на шесть чердачных каморок. Сама же квартира состояла из комнаты 14 квадратных метров и крохотной кухни без окна, но зато с дровяной плитой, от которой нагревалась и печка в комнате. Мы с мамой спали в комнате (я на раскладушке), а папа в кухне на узенькой кушетке. И... воистину целых четыре года все мы были счастливы! Через четыре года, когда мне было шестнадцать, отец умер от рака. Уже зная о своем диагнозе, он заказал машину дров, сложил их аккуратно в нашем отсеке погреба и сказал маме: «На два года вам хватит, а там уже Марина подрастёт». И отправился в онкологический диспансер умирать. После его смерти ещё три года я носила дрова из погреба на седьмой этаж. Потом судьба забросила меня на Дальний Восток и на Чукотку, а когда я вернулась в Ригу, квартира наша была уже наполовину благоустроенной – во всем доме за время моего отсутствия провели газ и установили центральное отопление. В кухне вместо папиной кушетки теперь стояла газовая плита, а на дровяную плиту мама положила кусок фанеры и покрыла его клеенкой - получился стол. На клеенку поставили

настольную лампу — получился письменный стол, за которым я могла работать. Ну вот, Георг, теперь ты лучше можешь оценить ту больничную палату в санатории «Дикли», где была написана моя первая книга, а заодно и батрацкую половину при бане в Кестерциемсе, где была написана вторая.

☛ **Georgs:** «Когда б вы знали, из какого сора

Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда»...

Правда была Анна Андреевна? Безусловно...

☛ **Marina:** И вот новый крутой вираж в моей судьбе — в конце августа 1975 года я в Риге получаю официальное уведомление о том, что зачислена на очные Высшие Литературные курсы при Литературном институте имени Горького. Что до первого сентября мне надлежит прибыть в общежитие института по адресу Москва, улица Добролюбова 9/11. Складываю чемодан и еду в Москву на эту самую улицу, Добролюбова. По иронии судьбы опять оказываюсь на седьмом этаже (и на седьмом небе от счастья!), ибо слушателям ВЛК, как членам Союза писателей, в общежитии полагается отдельная комната, в отличие от рядовых студентов.

У дежурной по общежитию получаю ключ от выделенной мне комнаты, поднимаюсь в лифте на седьмой этаж, поворачиваю в замке ключ... И оказываюсь в большой светлой комнате с паркетными полами, красивыми шторами и новенькой, только что со склада, мебелью: письменный стол, обеденный стол, кровать, диван для отдыха, стулья, книжная полка, стенной шкаф для белья и одежды.

Да, конечно, ВЛК это не совсем то же, что Литературный институт. В институте срок обучения пять лет, а на Высших Литературных курсах только два года. Но ведь это два года

безбедной жизни в Москве! Стипендия 150 рублей в то время, когда зарплата в 120 у советского инженера, врача, учителя считалась уже выше средней. Попасть на эти курсы было так же непросто, как поступить в сам Литературный институт. Набор раз в два года, на весь Советский Союз сорок мест, и принимают сюда, как я уже сказала, только членов Союза писателей по направлению местного Союза, то есть меня, по всем правилам, в Москву на учебу должен был отправить Союз писателей Латвии.

Но прежде, чем отправлять Костенецкую на учебу, Союз писателей Латвии должен был, как минимум, принять ее официально в члены Союза писателей СССР! Боюсь, что первого сентября, когда я нагло заявила в аудиторию Литинститута на открытие учебного года, в Риге руководство нашего Союза писателей ничего еще об этом не знало. Но московская команда моих ангелов-хранителей работала слаженно и конспиративно — мне было строго-настроено велено не проболтаться в институте, что я еще не член Союза и ждать вызова в Ригу на заседание Правления Союза писателей Латвии, когда там будут принимать в свои ряды новую партию молодых авторов.

Итак, первого сентября я дисциплинированно заняла свое место в аудитории, где собрались все новобранцы ВЛК и с волнением слушала приветственную речь ректора института Владимира Пименова. Ректор сообщил нам, что до нас Высшие Литературные курсы окончили многие знаменитые писатели — Чингиз Айтматов, Виктор Астафьев, Новелла Матвеева... Еще ректор сказал, что литература это все же больше мужская профессия, и доказательство тому тот факт, что на наш курс принято всего три женщины, остальные тридцать семь мест занимают мужчины. Поскольку одной из трех была я, мне стало немножко не по себе — не член Союза, да ещё женщина... Вот вскрыется вся эта детективная афёра, и с каким же треском меня выгонят из рая! Не знала я ещё в тот момент, что одну из трёх требуемых для приема в Союз писателей рекомендаций мне уже

написал не кто-нибудь, а сам Сергей Михалков, секретарь Союза писателей РСФСР и автор гимна Советского Союза.

Как бы то ни было, я стала ходить на лекции и семинары в Литинституте как полноправный слушатель курсов, а в октябре получила из Риги телеграмму с вызовом на заседание Правления Союза писателей Латвии, где будут утверждать списки новых членов этой престижной организации. Однако, «будут утверждать» еще не значит, что утвердят!

Так или иначе, но в назначенный день и час вместе с другими молодыми авторами, жаждущими получить статус профессионального писателя, я нервно ходила из угла в угол по каминному залу особняка бывшей миллионерши Эмилии Беньямине на улице Кришьяна Барона, 12. Теперь там разместились четырехзвездочный отель, а в 1975 году, когда меня принимали в писатели, в этом здании мирно уживались целых три творческих Союза: писателей, художников и композиторов.

Одна дверь из каминного зала вела в так называемый кабинет классика латышской литературы Андрея Упита. За этой дверью решалась наша судьба — молодых авторов по одному приглашали в кабинет на собеседование с членами Правления. Кого-то после собеседования в Союз писателей принимали, а кому-то предлагали подождать до выхода новой книги. У меня рукопись новой книги уже лежала в московском издательстве «Молодая гвардия», но выход ее был запланирован только на 1976-ой год. И вот очередь на собеседование дошла до меня: из кабинета Упита выглянула стенографистка и назвала мою фамилию. Я покорно вошла за ней в кабинет и остановилась у торца длинного накрытого зеленым сукном стола. За столом восседали классики латышской литературы. Председательствующий предложил присутствующим задавать мне вопросы. Первый вопрос (как потом оказалось, он же и последний!) звучал приблизительно так: расскажите, как вам сейчас живется. Но... как может жить простому смертному, неожиданно-негаданно угодившему в рай?! И я вдохновенно и очень

искренне бросилась объяснять высокому собранию, что мне живется просто прекрасно! Что у меня в Москве отдельная меблированная комната, что стипендия 150 рублей, что во все московские театры слушателям ВЛК дают контрамарки, что... Сейчас уже не помню, что я еще успела там наговорить, но помню, что последняя фраза моей пылкой речи была: «Так хорошо я еще никогда в жизни не жила!». И тут потолок в кабинете Упита чуть не обвалился от дружного хохота членов Правления. Я не понимала, почему они хохочут, ну, что я такого смешного сказала?! Сейчас я им все объясню, пусть только зададут следующий вопрос. Но объяснить мне ничего не дали — сказали, чтобы я вышла из кабинета, потому что голосование проходит без присутствия кандидата в члены Союза. Ладно, вышла. Уже в каминном зале с ужасом до конца осознала, какая страшная очередная катастрофа только что произошла в моей жизни. Впору было разрыдаться!

Однако, разрыдаться я не успела. Потому что дверь кабинета Упита опять распахнулась, в каминный зал выбежал поэт Ояр Вацietis и ликующе выкрикнул в мою сторону всего одно слово: «Единогласно!»

☛ Georgs: 01.07.17 Ни одного против? Здорово! Инесса с удовольствием читает твою, 73-го года издания, книгу. В восторге! Говорит, - как вчера написана.

А я проецирую события своей жизни на твою — на каких разных орбитах мы действовали! И всё же, всё же уже тогда были точки соприкосновения. Мой самый близкий друг в Риге в то время был график Семён Шегельман. В 1975-м году он с женой и дочерью эмигрирует, и я буду провожать его до Бреста, что сильно «подмочит» мою биографию, я попаду на заметку в КГБ, о чём я узнаю много позже. Но не в этом дело. Семён оформлял сборник стихов Лидии Ждановой. Лидия бывала в его мастерской в Доме художника на Крастмала, где и я иной раз засиживалась у него допоздна. И её сборник, и стихи Виктора Андреева у меня

сохранились. В 1975-м моему сыну исполнился год. А представь себе, через тридцать лет он в этом же Доме художника снял комнату под офис для своей фирмы, ту самую комнату, где я когда-то впервые встретился с его будущей матерью, которая сейчас впервые с удовольствием читает твою первую книгу, изданную 44 года назад. Шегельманы живут в Торонто, но любят приезжать в Ригу. А кто не любит! Вот так вращаются наши орбиты.

● 02.07. 17 Marina: Спасибо! И за то, что читает, и за то, что не упрекает за «комсомольский энтузиазм» — ведь сейчас эта книга может быть расценена чуть ли не как конъюнктура, а в советское время цензор объявил её «очернением советской действительности». В реальной жизни всё было действительно так, как описано в этой книге. Я ничего не приукрасила и не придумала. Просто чукчи действительно меня приняли как свою и ради меня готовы были выполнять самые дурацкие комсомольские поручения. А я была молодая романтическая дура...

Итак, я стала полноправным членом Союза писателей СССР. Но это событие не было отмечено ни парадным банкетом, ни даже скромной пирушкой в доме моих рижских ангелов-хранителей Лиды и Виктора, поскольку уже на следующий день я уезжала в Москву. Ведь в моем паспорте теперь стоял лиловый штамп с московской пропиской «На время учебы», и я не могла рисковать быть отчисленной из института из-за прогулов.

Все же мама умудрилась за несколько часов до отхода поезда устроить в нашей чердачной квартире праздник. Она надела свое выходное жоржетовое платье с длинным шарфом через плечо (а-ля Маленький принц) накрыла стол белой скатертью и поставила на него блюдо со своим фирменным еще теплым капустным пирогом. Разливая чай в парадные чашки кузнецовского фарфора, мама тихо сказала: «Как жаль, что папа не дожил до этого дня».

Я вернулась в Москву и с головой окунулась в учебные будни, а параллельно и в богемную столичную жизнь. Собственно,

богема низшего уровня начиналась прямо в нашем общежитии. Тусовки же на уровне классиков советской литературы проходили в престижном ресторане Центрального Дома литераторов (ЦДЛ), куда войти можно было только предъявив членский билет Союза писателей.

У нас на ВЛК в тот набор собралась пестрая компания. По укоренившейся в советских вузах традиции, на курсе обязательно должны были обучаться один-два иностранца из дружественных СССР стран, и по этой разнарядке в нашем общежитии оказались два поэта из братской Монголии. От малых народов Севера из зоны вечной мерзлоты в Москву был делегирован коряк. Этот поэтический самородок был пристрастен к тому, что мои чукчи называли «веселой водой». Во хмелю он выходил в коридор общежития и начинал горланить песни собственного сочинения. Через какое-то время во всех комнатах на этаже открывались двери, и сокурсники начинали уговаривать коряка идти солировать в свою комнату, а еще лучше, возвращаться в родную тундру и петь там оленям. Но гордый сын малого народа не сдавался и обиженно объяснял: «Соловью вы можете запретить петь? Не можете, потому что поет его природа. И моя природа того же порядка». Какой-то процент слушателей Высших Литературных курсов должны были составлять представители национальных республик СССР, поэтому со мной, представлявшей Латвию, училась узбечка из Ташкента и закарпатская украинка, а также молдаванин, два грузина, армянин, азербайджанец, татарин, чуваш — всех сейчас уже и не припомню. Но основной костяк курса все же состоял из русских — от москвичей и ленинградцев до помора из Архангельской области Владимира Личутина, причисленного позже к клану знаменитых писателей-деревенщиков (Распутин, Белов, Абрамов, Астафьев...).

У себя в комнате на двери я повесила «Книгу жалоб и предложений». Ты, конечно, помнишь, Георг, что такие книги висели на видном месте в советских гастрономах рядом с плакатом «Покупатель и продавец, будьте взаимно вежливы!». По-

купатель мог пожаловаться на продавца в жалобную книгу, а куда мог пожаловаться продавец на покупателя неизвестно. Моя «Книга жалоб и предложений» была видоизмененной формой тех сентиментальных альбомов для стихов, в которые барышням в 19-м и начале 20-го века знакомые писали свои признания и пожелания. Автографы в «Книге» оставили все мои однокашники и прочие гости, с которыми в течение двух лет я пила крепкий кофе, сваренный в армянской джезвейке. Кофе приготавливался не на коммунальной кухне общежития, а тут же, у себя в комнате. Варила я его на специальной плитке на сухом, в виде больших белых таблеток спирте. Как пример поэтического творчества своих однокурсников приведу сейчас стишок, который в мою «Книгу жалоб и предложений» написал поэт из Ростова Анатолий Гриценко:

*Благоухай, цветы, мужайся!
Со страшной силой размножайся!
Женщина советская -
Марина Костенецкая.*

Надо сказать, что помимо учебы, богемы, хаотичного посещения театров и выставочных залов, хождения по гостям к новым покровителям в писательских кругах, было у меня в Москве ещё одно дело первостепенной важности. А именно – работа с редактором издательства «Молодая гвардия» над новой книгой. Это событие тоже стало звеном в цепочке тех чудес, которые произошли со мной после семинара в Переделкино. Издать книгу в Москве! Молодой автор с периферии, пишущий на русском языке, мог мечтать о таком десятилетиями! Для национальных писателей из союзных республик (этнических латышей, киргизов, украинцев и т.д.) в столичных издательствах имелись специальные квоты на бумагу, так что этих авторов в рамках идеологии дружбы народов СССР издавали вне очереди. А вот таким как я, для

того, чтобы попасть в издательский план, надо было на общих основаниях пройти конкурс среди русской пишущей братии от берегов Балтийского моря до Тихого океана. Как ты понимаешь, Георг, для моей книги сразу нашлась дефицитная бумага из тех резервов издательства, которые предназначались исключительно для непредвиденных случаев. Молодой автор, приехавший с рукописью книги в чемодане с хутора в латвийской провинции на семинар в Переделкино и поднятый там сразу же на щит признания, под заветную графу подходил идеально. Рукопись сразу была принята к изданию.

☛ **Georgs:** Ой, под счастливой звездой ты начала писать эту книгу, чувствуем мы.

☛ **Marina:** Да... Помнишь, в «Мастере и Маргарите» Волад проносит фразу: «Как причудливо тасуются карты!» Мне сейчас пришло в голову, что эта фраза вполне соответствует еще одному событию моей жизни из осени 1975 года. Дело в том, что когда я приезжала на пару дней в Ригу в связи с приемом в Союз писателей, я успела побывать у своего бывшего лечащего врача из санатория «Дикли» Зигриды Крейере. Она теперь работала в Риге заведующей отделом Республиканского туберкулезного диспансера, и многие ее бывшие санаторские пациенты приходили по доброй памяти к «своему» доктору на консультации. Среди них был и некто Янис Круминьш, директор торфозавода «Миса» в Баусском районе. Во время короткой встречи с доктор Крейере я успела рассказать ей, что учусь теперь в Москве, что там у меня скоро выйдет книга, и что на гонорар я мечтаю купить где-нибудь в лесу хутор для работы. Ведь квартирный вопрос будет для меня оставаться актуальным и через два года, когда придет время возвращаться в Латвию. Надо сказать, что отношения с доктором Крейере у меня давно уже перешли из разряда врач-пациент в разряд близких друзей – я даже успела стать крестной матерью ее новорожденной

дочки. То же самое и с Янисом Круминьшем. Когда-то мы оба в одно и то же время были пациентами доктора Крейере, сейчас оба стали ее друзьями и иногда встречались у нее в доме. К чему такое лирическое отступление? А к тому, что в Москву, в общежитие Литинститута, на мое имя вдруг приходит странная телеграмма: «Нашел хутор для покупки. Приезжай смотреть» И подпись – Янис Круминьш.

Когда я, наконец, сообразила, что это доктор Крейере рассказала Круминьшу о моем намерении купить хутор, и он мою мечту принял слишком близко к сердцу, между Москвой и Ригой последовал бурный обмен телеграммами. Я телеграфировала, что книга выйдет только в следующем году, так что денег на покупку пока нет, надо дожидаться гонорара. В ответ Круминьш безапелляционно заявлял, что денег от меня никто и не требует, мне надо просто приехать посмотреть дом, пока его кто-то другой не купил. Кончилось тем, что сдав досрочно экзамены зимней сессии, я поехала в Латвию на каникулы смотреть найденный для меня в лесу хутор.

В 70-ые годы прошлого века в Латвии был бум покупки горожанами умирающих хуторов. Молодые сельчане стремились перебраться в города, и наступал момент, когда их престарелые родители уже не могли сами справляться с хозяйством. Тогда дети забирали стариков доживать век в городской квартире, а хутор продавали под дачи стосковавшейся по сельской идиллии городской интеллигенции.

С моим хутором был именно тот случай. Это был дом лесного обходчика, который он построил собственными руками для семьи – жены и единственной дочери. К тому времени, когда лесной обходчик отправился на погост, дочка давно уже выросла, вышла замуж за рижанина и жила в городе. Овдовевшая хозяйка хутора быстро начала сдавать, и поскольку ухаживать за немощной матерью из Риги становилось все сложнее, дочка уговорила ее продать дом и переехать в город.

Хутор «Драудзини» (в переводе на русский «Дружки») находился в лесу всего в трех километрах от поселка торфяников «Миса», а директором одноименного торфяного завода был, как я уже сказала, мой собрат по санаторской жизни Янис Круминьш. Узнав о том, что дом продается, Янис решил, что этот вариант наверняка меня устроит. Дому, конечно, потребуется ремонт, а директор завода и фактический хозяин отстроенного под его руководством поселка торфяников со всей инфраструктурой, начиная от средней школы и кончая современным спортивным залом со стадионом впридачу, сможет помочь мне и стройматериалами, и рабочими. Словом, эдакое братство из романа Ремарка «Три товарища»!

Как сейчас помню, в тот раз директор торфозавода «Миса» собственной персоной встречал мой поезд на перроне рижского вокзала. Даже вещи домой занести не дал, тут же усадил меня в служебную «Волгу» и повез на смотрины хутора. По дороге Янис сказал, что если дом мне глянется, сразу же надо оформлять у нотариуса купчую. Деньги он мне одолжит под будущую московскую книгу, гонорара которой, судя по заключенному с издательством договору, должно хватить не только на саму покупку, но и на первый этап ремонта.

После такой массивированной психологической атаки дом уже просто не мог мне не понравиться! Все формальности, начиная от оформления купчей в конторе нотариуса и кончая разрешением на покупку со стороны местного сельсовета, были улажены за один день. В одночасье я стала помещицей и, вернувшись с каникул, гордо сообщила москвичам, что у меня теперь есть собственная усадьба с хозяйственными постройками, так что летом милости просим в гости!

Ладно. Вернулась я, значит, на свой первый курс ВЛК. Это 1975-1976 учебный год. Тот «зеленый свет», который на судьбоносном перекрестке моей биографии загорелся весной 1974 года в Переделкино, все еще продолжает оставаться зеленым – желтый, а вслед за ним и красный загорятся позже, когда в столичном

издательстве будет сдана в набор моя третья книга. Вторая же, «Завтра на рассвете», не только благополучно выходит в Москве тиражом 75 000 экземпляров, но и получает престижную премию «Лучшая книга года молодого писателя». Гонорар за книгу, плюс премия — для меня это совершенно фантастические деньги! Так что летние каникулы на хуторе «Драудзини» проходят под веселый стук строительных молотков.

Наше братство, завязавшееся когда-то в туберкулезном санатории «Дикли», продолжает крепнуть. Доктор Крейере с семьей становятся первыми гостями в моем «поместье», а директор торфозавода Янис Круминьш по великому благу помогает приобрести дефицитный шифер на новую крышу.

В первое же лето сделать на хуторе успели немало. Поменяли крышу, маленькие подслеповатые оконца заменили большими светлыми окнами, на которые прикрепили прочные, запирающиеся изнутри ставни; вычистили колодец и установили над ним новый сруб с крышкой. Ну, а еще через пару лет скромный дом лесного обходчика преобразился до неузнаваемости! Вместо покосившихся сеней в торце дома выросла большая пристройка с двумя окнами и высокими потолками. Собственно потолком в пристройке стала двускатная крыша, то есть продолжение чердака, а сам чердак был перестроен в уютную мансарду. Наверх в мансарду теперь вела красивая лестница, а вся пристройка вместе с мансардой изнутри были облицована «вагонкой», то есть декоративными рейками, так что в целом новая часть дома по интерьеру выглядела как романтический деревянный терем. На покрытые лаком дощатые полы были наброшены кабаньи шкуры, в кухне вместо дровяной плиты установлен баллонный газ и сложен камин из зеленых изразцов. В большой комнате старую кирпичную печку заменили белой кафельной. Новая печка раскалялась всего от нескольких поленьев и согревала одновременно вторую комнату. Словом, жить в перестроенном доме можно было припеваючи и зимой! Ну, а вокруг дома большой луг, служивший бывшим хозяевам

пастбищем, сад с ягодными кустами и яблонями, несколько хозяйственных построек, а дальше — сосновый лес и словый бор.

Самой любимой комнатой в доме для меня стала мансарда, где перестраивавший весь хутор плотник по моим чертежам соорудил подобие письменного стола. Размером мое новое рабочее место выглядело в два стандартных письменных стола. Нередко, просыпаясь на рассвете, я видела через окно мансарды плывущих по груди в тумане косуль, розовых в лучах восходящего солнца. Они приходили по росе позавтракать сочной травой на моем лугу. Иногда компанию косулям составляли олени, реже — лоси. Временами появлялись возле дома и нежелательные гости — полакомиться желудями под столетним дубом целыми семьями приходили кабаны. Но надо отдать должное инстинкту самосохранения этих чутких зверей, — стоило мне только постучать из дома костяшками пальцев по оконному стеклу, как все стадо стремглав улепетывало в лес.

Чудесное лето 1976-го года промелькнуло на хуторе как волшебный сон, и с приближением первого сентября я все с большей тоской думала о предстоящей еще без малого год учебе в Москве.

Странно все же устроен человек! Всего год назад Марина Костенецкая искренне заверяла членов Правления Союза писателей, что так хорошо, как на Высших Литературных курсах в Москве ей никогда в жизни еще не жилось. Но стоило только той же Марине Костенецкой обзавестись на родине первым собственным жильем, и такая вожаделенная когда-то Москва становится для нее чуть ли не ссылкой.

И вот опять, хочешь верь, хочешь не верь, Георг, но где-то на небесах раскладывается новый благоприятный для меня пасьянс, и второй курс обучения в Москве я прохожу уже без отрыва от производства в Риге. То есть одну неделю учусь на очном отделении в Москве, а другую, с официального разрешения руководства института, провожу в Риге. Потому что в Риге с января

1977 года должен начать выходить журнал «Даугава». Это будет литературно-художественный журнал на русском языке, орган Союза писателей Латвии, и именно Союз писателей Латвии принимает решение назначить меня, как молодого специалиста, на должность заведомо прозы. А для того, чтобы в январе реально вышел первый номер журнала, редакция должна начать работать уже в сентябре...

☛ **Georgs:** Замечательный был журнал! Мы его ждали. Некоторые номера я покупал в нескольких экземплярах, отсылал друзьям в Россию. Вы столько смелых публикаций протолкнули!

☛ **Marina:** Знаешь, Георг, чем глубже я погружаюсь в XXI век с его феерическими открытиями в области науки, прорывами в компьютерных технологиях и прочая, и прочая, тем больше люблю век XX. Моя сознательная жизнь припала уже на вторую его половину, так что на своей шкуре я не испытала ни ужасов двух мировых войн, ни Голгофы сталинских лагерей. Да, клеймо «дочь врага народа» XX век на мне поставил, но через сам ГУЛАГ прошло все же поколение моего отца, а перед нами уже открывался выбор – либо жить не по лжи, либо цинично, держа фигу в кармане, продолжать славить советскую власть. Во втором случае и в последние десятилетия существования СССР можно было сделать по жизни вполне приличную карьеру. Правда, для этого надо было не гнушаться ничем, вплоть до сотрудничества с КГБ и доносов на инакомыслящих родных и близких. Ведь после разоблачения культа Сталина верить в коммунизм, как в светлое будущее всего человечества, для нормального человека было уже просто нонсенсом! Однако, как сказал поэт Александр Кушнер, «Времена не выбирают. В них живут и умирают».

К чему я все это сейчас пишу? А к тому, что с первых же дней работы творческий коллектив журнала «Даугава» четко раскололся на два лагеря: одна часть была готова беспрекословно выполнять

любые идеологические указания сверху, другая же мечтала о создании в Риге прогрессивного русского журнала с привлечением талантливых авторов не только из Латвии, но и из других регионов Советского Союза.

☛ **Georgs:** 1977-ой год. «Застой» в разгаре. Уже больше года, как я работаю на Латвийском радио редактором в русской программе для рыбаков и моряков Западного бассейна «Атлантика». Почти десять лет после «Пражской весны» 1968 года и майских студенческих выступлений в Париже. Эпоха постмодернизма. Всё, что могло человечество сказать в культуре, – сказано до 68-го года. Правда не всё переведено, не обо всём у нас есть полная информация...

Мне чертовски повезло: в 1970-м году лето я провёл в Праге, два месяца почти один в этом сказочном городе. Мой дядя, дипломат, вывез своих детей на каникулы в Прагу, и меня в том числе. Так что я имел возможность гулять по городу в полном одиночестве (сестра читала на лоджии «Три мушкетёра»), смотреть фильмы, которые никогда не показывали в Советском Союзе, ходил по галереям на авангардные выставки, включая выставки графики Пикассо и Жоржа Брака. Т.е. всего того, чего в СССР даже близко не могло быть. И там, в поверженной, изнасилованной Праге, уже чувствовался тот закат эпохи, который вскоре на долгие годы определит настроение нашей жизни. Одним словом это можно определить как БЕСПЕРСПЕКТИВНОСТЬ. Будущее не проглядывается, его черты неясны и пути к нему закрыты. Этот пражский опыт стал для меня, как теперь любят говорить, – «культурным шоком» и заставил многое переосмыслить. Всё и всем уже ясно. В журналистике – сплошь пропаганда и лёгонький цинизм. И вот появляется ваш журнал «Даугава», на который мы возлагаем большие надежды. Интересные литературные журналы выходят и в соседнем Таллине. Жизнь тяжелая и пустая, денег постоянно не хватает, продуктов не хватает. Инесса – художник,

т.е. её заработок был нерегулярным и зависел от заказов. Компартия, её кремлёвское руководство, катастрофически стареет и мудеет на глазах, становясь предметом анекдотов и раздражения. На латышском выходит еженедельник «Литература ун Максла» с интересными авторами. Одно радует – в эти же годы интересно и плодотворно работают латвийские художники: вся великая плеяда – Рудольф Пиннис, Джемма Скулме, Борис Берзиньш, Курт Фридрихсонс, Янис Паулюкс, Индулис Зариньш, Петерис Мартинсонс, Гунарс Кроллс и многие другие. Дважды в год – художественные салоны – «Осень» и «Весна», и на них – очереди. Unbelievable! Они как глоток свежего воздуха. В Москве в это время полная реакция. Я ездил туда в выставочный зал на Кузнецком – праздник передвижникам. Если работа, допустим, Тышлера, вдруг появится, считай, – повезло. Сейчас это даже представить трудно. Интересно в те годы снимают рижские документалисты. А книги? Читали в основном самиздат и тамиздат. Эпоха Модерна закончилась. И как жить дальше было непонятно. Жили дружбами, общением на кухне. Это было уникальное время, наполненное живым и интереснейшим общением людей друг с другом. Со всей этой тоски я пошёл играть в бридж с тремя дамами из «старых» русских. Они были когда-то удачно и счастливо замужем за англичанами. Их английские мужья уже умерли, но они имели английские паспорта, английских родственников и, что важно, английские пенсии. Они, как говорила Нина Васильевна Андерсон, читали английские книги (Агату Кристи и прочие детективы), играли в бридж и пили Столичную. И никаких коньяков, ликёров! А еще они вязали, например, мне кардиган. С одежкой-то была напряженка, если помнишь. Всё надо было доставать – югославскую обувь и финские сапоги, итальянские плащи, ГДР-овские костюмы... Это было одно из утомительных развлечений – ходить по магазинам в надежде, что где-то что-то «выбросят» в продажу. Я мог бы много писать о той эпохе. Но всё самое интересное для меня главным образом всё-

таки заканчивается 70-ыми. Ведь из, допустим, Бродского я знал в то время всего два стиха.

Марина, я еще много мог бы писать об агонии той прекрасной эпохи, но сегодня я устал. В Риге я обычно планирую сразу несколько встреч, плюс час дороги назад, почти, как в твой Кестерциемс, – нас-то разделяют всего каких-то три километра – и всё это меня немало утомило.

● Marina: Спасибо, Георг! Прекрасно понимаю, как ты устаешь в Риге — я, не выходя из своей квартиры, умудряюсь так к вечеру устать, что на самую интересную статью в «Новой» нет сил, откладываю на другой день... Но наше сотрудничество все равно ведь продолжается! И знай, что мне интересно писать только в том случае, если тебе интересно это читать (chuckle) Повторяю, мне вполне достаточно **ОДНОГО ЧИТАТЕЛЯ**. Тиражи своих собственных книг в 100 000 экземпляров я в жизни уже имела...

Отходила от компьютера покормить кошку, а заодно и себя любимую... Сейчас возвращаюсь к исповеди «Мой двадцатый век»

Само собой разумеется, я изначально оказалась в лагере бунтарей, ратовавших за сотрудничество с прогрессивными писателями и за пределами Латвии. Так что в первую же свою «московскую неделю», отсидев по расписанию ВЛК все лекции и семинары, нахально напросилась в гости не к кому-нибудь, а к самому Валентину Катаеву. Ведь этот мэтр советской литературы стоял у истоков создания журнала «Юность», который в те годы слыл едва ли не самым прогрессивным из всех издававшихся в СССР литературных журналов. На дачу к Катаеву в Передалкино меня привезла подруга его жены, прозаик Лариса Исакова. Помню, принимали нас на веранде и пригласили к обеденному столу. Всем присутствующим на первое был подан суп, а перед Катаевым вместо супа домработница поставила тарелку с половинкой грейпфрута. Говорили за обедом о болезнях жены Валентина

Петровича и каких-то интригах в кулуарах Союза писателей. Я, наконец, собралась с духом и вкратце изложила цель своего визита. Так, мол, и так, Валентин Петрович. В Риге будет издаваться литературно-художественный журнал на русском языке, и я в нем утверждена на должность заведомо прозы. С чего нам следует начать, чтобы редакционный портфель наполнился достойными рукописями? Ответ Катаева меня, мягко говоря, обескуражил: «Начните с того, что заведите в редакции самовар и повесьте на него связку баранок. За чаем с баранками все редакционные планы сами собой выстроятся, и мирно разрешатся самые жаркие споры членов редколлегии».

Никакого самовара с баранками в редакции «Даугавы», конечно, не появилось. Не тот менталитет. Да и в целом атмосфера в полутемном зале с высокими потолками и обшитыми дубовыми панелями стенами, где скопом расположились столы сразу всех редакционных сотрудников – от главного редактора до курьера! – к дружественному чаепитию совсем не располагала. Этот зал находился на втором этаже дома по улице Маза Пилс, в двух шагах от Домской площади и аккуратно наискосок от здания Биржи. Помещение под редакцию было выделено временное, поскольку в ближайшей перспективе всем редакциям газет и журналов, издающимся в Риге, предстояло собраться под единой крышей уже достраивающегося тогда Дома Печати – двадцатипятиэтажной высотки Издательства ЦК КПЛ.

Первым главным редактором «Даугавы» был назначен русский литературный критик Рэм Трофимов, а его заместителем латышский поэт Имант Аузиньш. Заведующим отделом поэзии стал Роальд Добровенский, прозы – Марина Костенецкая, публицистики – Текла Шайтере. Помимо еще нескольких сотрудников младшего звена в штатном расписании предполагалась и престижная должность ответственного секретаря редакции. На нее решением ЦК КПЛ был утвержден полковник советской армии в отставке Борис Дмитриевич Попов. Следует заметить, что отставные

военные трудоустраивались в Латвии порой на самые неожиданные должности. В литературе Борис Дмитриевич смыслил не больше, чем я в родах войск или различной модификации танках, но как страж советской идеологии военный пенсионер устраивал ЦК лучше любого вольнодумца писателя.

Само собой разумеется, что в вопросах стратегии и тактики нового журнала Рэм Трофимов и полковник Попов оказались по одну сторону баррикад, а беспартийные Имант Аузиньш, Роальд Добровенский и Марина Костенецкая – по другую. Ни к тем, ни к другим полностью не примкнула благоразумная Текла Шайтере и остальные немногочисленные сотрудники редакции.

Журнал «Даугава» изначально создавался с целью знакомить русского читателя с латышской литературой, то есть большую часть каждого номера должны были занимать переводы с латышского. Сама по себе постановка вопроса для выходящего в национальной республике журнала была абсолютно правильной. Другое дело, что для того, чтобы заинтересовать новым изданием более широкую русскую аудиторию, имело смысл параллельно публиковать и какой-то процент известных за пределами Латвии русских писателей – особенно тех, кого в Москве предпочитали замалчивать по идеологическим соображениям. Вот тут-то у нас и находила коса на камень! Добровенский и Аузиньш, прилагая к тому немалые усилия, добывали для портфеля редакции стихи известных поэтов, а товарищи Трофимов и Попов бдительно следили за тем, чтобы на страницы журнала не просочилось никакая крамола. Мне с моим отделом прозы было еще сложнее. Ведь проза чисто по объему занимает площадь гораздо большую, чем поэзия. Так что протолкнуть в «Даугаву» нежелательный не то чтобы роман, а даже небольшой рассказ, и то было фактически нереально. Тем не менее кое-что удавалось и мне. И самой яркой публикацией, которой я, как редактор, горжусь и по сей день, стали главы из второго тома «Воспоминаний» Анастасии Цветаевой, опубликованные в июльском номере «Даугавы» за 1980 год. Но

было это уже в Доме печати, куда редакция переехала, кажется, на третий год своего существования. А между тем кое-что достойное того, чтобы быть увековеченным в истории, произошло и по первому адресу нашей дислокации – в Старой Риге на улице Маза Пилс.

Как я уже тебе писала, Георг, здесь вся редакция размещалась в одной большой комнате, так что все были на виду у всех. И вот в один прекрасный день дверь в нашу цитадель широко распахнулась и как из-под земли посреди комнаты вдруг выросли и застыли живыми изваяниями две рослые фигуры – мужчины и женщины. Через минуту, не дав никому опомниться, гости слаженно запели дуэтом на непонятном языке. Потом решительно подошли к трем столам – Иманта Аузиньша, Роальда Добровенского и Марины Костенецкой – и положили перед нами увесистые свертки: «Это вам привет от рыбаков-ливов!». Мы развернули свертки. В них оказалась аппетитная копченая камбала. Очень приятно, но абсолютно непонятно! Наконец странные посетители представились и объяснили цель своего визита. Это были руководители известной фольклорной группы «Скандиниеки» Хелми и Дайнис Сталты. По национальности они ливы, представители почти уже исчезнувшего в Латвии народа, но все же они именно ливы, а не латыши, и поэтому собирают подписи представителей творческой интеллигенции под петицией о том, чтобы при обмене паспортов, который сейчас проводится в СССР, в новые паспорта в графе «национальность» им вписали слово «лив», а не «латыш». Так мы трое, в присутствии всех остальных членов редакции, узнали, что ливы доверительно относят нас к тем представителям творческой интеллигенции, с которыми можно иметь дело. Не долго думая, все трое предложенную бумагу подписали. Ливы вежливо попрощались и ушли. А через несколько дней в редакции раздался телефонный звонок из ЦК КП Латвии – всю нашу троицу вызывали в отдел культуры для важного разговора.

Причем вызывали по одному в день. И первой честь «идти на ковер» выпала Марине Костенецкой.

Честно сказать, мы не сразу поняли, за что именно нас вызывают в ЦК. Поводов для недовольства вольнодумной троицей у контролирующих организаций было хоть отбавляй! На всякий случай все же обсудили между собой, какие журнальные публикации могли вызвать в верхах недовольство, и на другой день без особого волнения я отправилась в ЦК. Почему без особого волнения? Да потому, что я ведь не была членом партии! Даже если уволят с работы, на моей писательской карьере это всерьез не отразится. Вот если бы вызов был в КГБ... Короче говоря, в назначенный час вхожу в указанный кабинет. За столом сидит Вия Блука, инструктор отдела культуры ЦК, и с места в карьер эта интеллигентная и на вид вполне приятная хрупкая женщина принимается стыдить меня за то, что я подписала петицию ливов. Мол, что за глупости, такого народа уже не существует в природе, как можно требовать в графе «национальность» писать «лив»? Писатели, конечно, эмоциональные люди, но как же это я так, не подумав... И тут в ответ меня вдруг понесло! Я разразилась пылкой тирадой о малых народах, которые в СССР подвергаются насильственной ассимиляции. Заявила, что имею право об этом судить, поскольку сама работала на Чукотке и видела, как советская власть пытается сделать чукчей русскими. Вместо фамилии в паспорта им вписывают то чукотское имя, которым мать нарекла ребенка при рождении, а вот само имя-отчество чукчам пишут русское, выдумывая просто от фонаря, потому что начальству так проще. Словом, наговорила я в высоком кабинете с три короба, и кончилось дело тем, что опешившая товарищ Блука молча подписала мне пропуск на выход из здания ЦК.

Вернувшись в редакцию, тут же поведала Иманту и Роальду, по какому вопросу их вызывают, и, насколько помню, Аузиньш на следующий день отправился в ЦК уже во всеоружии – с библиотечным томом полного собрания сочинений

В. И. Ленина под мышкой, заложив там предварительно страницу, на которой вождь пролетариата призывает уважать национальное достоинство каждого советского народа.

☛ 08.07.2017 Georgs: Вот тоска... Советский двадцатый! Это еще раз доказывает, что все эти партийные бонзы ни черта не читали Ленина. А ведь его работа «О национальной гордости великороссов» была одной из основных в перечне всех ВУЗовских программ. Нас чуть ли ни наизусть заставляли её учить. Как же... Идеологический ВУЗ! Так Ленин там писал: «...с точки зрения интересов именно великорусского пролетариата, необходимо длительное воспитание масс в смысле самого решительного, последовательного, смелого, революционного отстаивания полного равноправия и права самоопределения всех угнетенных великороссами наций. Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает с социалистическим интересом великорусских (и всех иных) пролетариев. Нашим образцом останется Маркс, который, прожив десятилетия в Англии, стал наполовину англичанином и требовал свободы и национальной независимости Ирландии в интересах социалистического движения английских рабочих».

Мы двести раз конспектировали эту его работу, совершенно не вдаваясь в её смысл. Правда, после этой работы ему, Ильичу, не помешало через четыре года залить Россию кровью, когда большевики испугались за собственную шкуру. Но это уж так у них водится. Поэтому во времена перестройки (не знаю, помнишь ли?) вызвал, буквально, взрыв очерк Владимира Солоухина «Читая Ленина» Там, исключительно опираясь на цитаты из Ильича, описан весь механизм того, как жалкая кучка большевиков подмяла под себя Великую державу. Ну, это так... à propos. Хотя не могу не процитировать еще одну «неполиткорректную» ленинскую цитату: «Русский человек – плохой работник по сравнению с передовыми нациями. Учиться работать – эту задачу советская власть должна поставить в полном объеме.

Последнее слово капитализма в этом отношении – система Тейлора... Осуществление социализма определяется именно нашими успехами в сочетании с советской властью и советской организацией управления с новейшим прогрессом *капитализма*».

Это так еще... у Ленина есть цитатки и пострашнее.

☛ 09.07.17 Marina: Да, как это ни смешно, но, похоже, беспартийный Иммануил Азукин работы Ленина тоже знал доскональнее, чем инструктор отдела культуры ЦК КПЛ. Как говорится, лучший способ защиты – это нападение! Вот мы и «нападали», чтобы не терять чувства собственного достоинства и при окрике из высоких партийных кабинетов не впадать в ступор.

Ну, а наш журнал тем временем стал постепенно выходить уже на всесоюзный уровень – «Даугаву» читали далеко за пределами республики. Соответственно в редакцию хлынул поток рукописей из разных регионов страны. В основном это были пробы пера молодых и не очень молодых авторов, но, как правило, тексты абсолютно неприемлемые для публикации, проще говоря, чистой воды графомания. Все же я честно читала все рукописи и так же честно писала авторам, что, к сожалению, напечатать этот роман (повесть, рассказ) мы не можем. И вот в один прекрасный день в потоке бандеролей я вскрыла пакет с обратным адресом, начинавшимся словом Москва. Имя автора рукописи Инга Балодис ничего мне не говорило, Правда, несколько удивило то, что и имя, и фамилия москвички явно латышского происхождения. В редакцию «Даугавы» Инга прислала повесть «Я, печка, кошка и другие» и сопроводительное письмо, из которого я узнала, что автор по профессии архитектор и литературных публикаций пока не имеет. Повесть была написана по-настоящему талантливо, читалась на одном дыхании, и мне сразу захотелось стать первооткрывателем нового имени в литературе. Однако сделать это было непросто. Ведь автор, мало того, что не профессиональный писатель, так еще и живет в Москве! А в рубрике «новое имя», согласно цирку-

ляру, на страницах республиканского журнала могли появляться публикации только авторов, живущих именно в Латвии. Единственной зацепкой могло стать этническое происхождение, и я спросила у Инги, откуда у нее латышское имя и фамилия. Она написала в ответ, что ее предки – российские латыши, что дед был красным латышским стрелком, и это сразу решило дело. Потомку красного стрелка публиковаться в латвийском журнале оказалось идеологически уместным. Повесть мы напечатали в январском номере 1979 года, и Инга, на радостях, просила меня скупить в рижских киосках чуть ли ни весь тираж. Ведь напрямую в Москве «Даугаву» в то время получали еще только подписчики.

На присланные Ингой деньги я отправила в Москву несколько бандеролей с экземплярами журнала, после чего наша переписка продолжилась и очень скоро вылилась уже в заочную дружбу. У Инги был муж художник и шестилетний сын, она мечтала впервые в жизни побывать, наконец, на родине предков и спрашивала, где на лето в Латвии можно недорого снять дачную комнату. Где снять недорого я не знала, поэтому предложила Инге абсолютно бесплатно пожить у меня на хуторе. Благо дом уже перестроен, и места всем хватит – и Инге с семьей, и нам с мамой. Мое предложение с восторгом и благодарностью было принято.

В летние месяцы на своем рабочем месте в редакции я появлялась два-три дня в неделю. Набивала портфель рукописями и гранками и уезжала работать с текстами на хутор. Полагался мне, конечно, и очередной отпуск, так что лето 1979 года я практически целиком прожила в нашем импровизированном доме творчества «Драудзини». Да, действительно это был дом творчества в самом хорошем смысле слова! Мы с Ингой писали свою прозу, Юрий ходил на этюды, маленький Коля с моей мамой вместе читали детские книжки или собирали в лесу ягоды. Когда мама ложилась отдохнуть, Коля строил на лугу из веток шалаши, ловил сачком бабочек, что-то мастерил из остатков стройматериалов в сарае – мешать вдохновению родителей ему возбранялось с раннего

детства, и рос Николай человеком весьма самостоятельным. Все же одним вдохновением сыт не будешь, так что обязанности повара в нашем импровизированном доме творчества добровольно взвалила на себя Инга. Нередко на газовой плите у нее что-то убегало или пригорало, тогда на обед мы обходились деревенским молоком, булкой с вареньем, творогом, копченым мясом и другими незамысловатыми продуктами, купленными в основном на соседнем хуторе. А вечерами после ужина в пристройке, обшитой изнутри деревом, за длинным столом мы устраивали творческий отчет. Отчитывался в основном Юрий. Он поднимался по лестнице на второй этаж, откуда через лестничную площадку дверь вела в мою мансарду, и к высокому двускатному потолку маленькими гвоздиками прибивал написанные маслом на грунтованном картоне картины. Потом спускался обратно к нам, и мы все, кроме моей мамы, ложились на полу на кабаньи шкуры и из такого положения, глядя снизу вверх, оценивали вернисаж художника Юрия Ларина.

Когда самой мне днем не писалось, я тихонько подходила со спины к работающему Юрию и молча наблюдала, как он смешивает на палитре краски, как смачно наносит жесткой щеточкой кисти мазки, как из этих вроде бы хаотичных мазков на белом грунтованном картоне вдруг возникает то мой хутор с раскидистой липой у дома, то букет полевых цветов в глиняном кувшине... В конце концов я не выдержала и сказала Юрию, что мне тоже хочется попробовать изобразить что-нибудь масляными красками. Благо акварельными красками и гуашью я время от времени баловалась и раньше, тяга к рисованию жила во мне с детства. Юрий тут же выдал мне из своих запасов несколько кусков грунтованного картона, кисти, кусок фанеры под палитру, из ящика с красками разрешил выбирать любые тюбики и дал первые наставления по технике работы маслом. Первые мои маленькие этюды через несколько дней были прибиты к деревянному скату под крышей пристройки рядом с работами Юрия, и строгое жюри,

глядя с пола на потолок, вполне их одобрило. Вдохновенная похвалой, я выклянчила у Юрия уже большой кусок картона размером 60 x120 см и, уединившись в своей мансарде, за один день написала маслом картину, которую назвала «Письма отца». На темном фоне в левом верхнем углу картона как бы рентгеновскими лучами высвечивался потусторонний портрет отца, который я списала с фотографии. В середине композиции был изображен лист полуистлевшей бумаги с нечеткими строчками текста, а в нижнем правом углу опять-таки на очень темном фоне сидела в согбенной позе моя любимая игрушка детства – кукла-клоун. Когда я показала свою работу Инге и Юрию, они оба долго молчали. Потом Инга недоверчиво спросила: «Это ты сама?», а Юрий сказал: «Конечно, сама, я ей не помогал. Но почему «Письма отца»? И при чем здесь клоун?» Я ответила, что отца арестовали за месяц до моего рождения, и что десять лет он писал мне из ГУЛАГа письма, не надеясь увидеть когда-нибудь своего единственного позднего ребенка вживую. Что после смерти Сталина мы все же встретились, и умер папа когда мне было уже шестнадцать. Что сравнительно недавно свои детские переживания о тоске по отцу я описала в рассказе «Дешево продается клоун» и что сюжет картины спонтанно возник в моем воображении как иллюстрация к рассказу.

Инга с Юрием странно переглянулись, и Юрий негромко сказал жене: «Мы больше не можем скрывать от Марины».

Мы жили в благословенном лесу и чувствовали себя надежно отгороженными от шумной цивилизации. Все же кое-что от этой цивилизации нам иногда требовалось, в частности, продукты, которые можно было купить только в поселковом магазине. Когда в стратегических запасах на хуторе кончался хлеб, растительное масло, сахар, кто-нибудь из нас седлал «дуру» и с рюкзаком на спине отправлялся в продовольственную командировку. В тот раз никакой надобности в продуктах в доме не было, но Юрий молча вывел из сарая мопед и укатил на нем в сторону поселка. После

ужина, когда мама уже ушла в свою комнату, Юрий неожиданно достал из рюкзака бутылку водки, поставил ее на стол и сказал мне: «Выпьем за наших отцов». Налил по рюмке Инге, мне и себе. Чокнулись. Выпили. И только после этого Юрий спокойно сказал: «Ты все же должна знать, кого пригласила в свой дом. Я сын Николая Бухарина. Фамилия Ларин у меня по матери».

☛ *Georgs:* Это тот самый Николай Бухарин, «любимец партии», который был главредом «Известий» в тридцатые годы? Один из эрудированнейших членов партии, между прочим. Мы проходили по Истории КПСС. Андре Мальро, известный французский писатель и мыслитель, планировал даже поставить Бухарина во главе международной «Энциклопедии XX века». Проект, увы, так и не осуществился.

☛ *Marina:* Да, да! Именно он! Напоминаю, Георг, с Юрием у меня на хуторе мы встретились в 1979 году. До заветного 1988-го, когда с приходом к власти Горбачева бывший главный редактор газеты «Правда» Николай Бухарин был реабилитирован, Юрию, как, впрочем, и всем нам, надо было еще дожить. Пленум Верховного суда СССР отменил приговор, вынесенный в 1938 году в отношении лиц, осужденных по делу так называемого «Правотроцкистского антисоветского блока». Невинными были признаны Н. Бухарин, А. Рыков и еще восемь осужденных.

Между прочим, мать Юрия, Анна Ларина-Бухарина, после реабилитации мужа издала книгу мемуаров «Незабываемое» о пережитом ею в ГУЛАГе в статусе жены изменника родины. Книга вышла в издательстве АПН (Агентство политических новостей) в 1989 году. Так вот там я прочла, что незадолго до расстрела Бухарин составил краткое послание, адресованное будущему поколению руководителей партии. В книге А.Ларина приводит это послание целиком: «Ухожу из жизни. Опускаю голову не перед пролетарской секи-

рой, должной быть беспощадной, но и целомудренной. Чувствую свою беспомощность перед адской машиной, которая, пользуясь, вероятно, методами средневековья, обладает исполинской силой, фабрикует организованную клевету, действует смело и уверенно. Нет Дзержинского, постепенно ушли в прошлое замечательные традиции ЧК, когда революционная идея руководила всеми её действиями, оправдывала жестокость к врагам, охраняла государство от всяческой контрреволюции. Поэтому органы ЧК заслужили особое доверие, особый почёт, авторитет и уважение. В настоящее время в своем большинстве так называемые органы НКВД — это переродившаяся организация бездейных, разложившихся, хорошо обеспеченных чиновников, которые, пользуясь былым авторитетом ЧК, в угоду болезненной подозрительности Сталина, боюсь сказать больше, в погоне за орденами и славой творят свои гнусные дела, кстати, не понимая, что одновременно уничтожают самих себя — история не терпит свидетелей грязных дел!»

Это послание жена Бухарина выучила наизусть и записала уже после смерти Сталина.

Ну, а в тот летний вечер у себя на хуторе я узнала, что Юрий, до двух лет росший в кремлевской квартире отца, в одночасье стал сиротой. Николая Бухарина расстреляли, Anne Лариной, как жене врага народа, присудили двадцать лет исправительных лагерей, а сам Юра оказался в детском доме для детей репрессированных родителей. Никто из воспитанников этого богоугодного заведения не имел права знать правду о своем происхождении. Те, кого из семьи забирали в сознательном возрасте, должны были просто-напросто отречься и от матери, и от отца. После окончания школы Юрий хотел поступать в Художественный институт имени Сурикова, но в пятидесятые годы двери большинства вузов страны для детей врагов народа были наглухо закрыты, так что Юрию позволили подать документы только в Институт мелиорации. Когда ему было 22 года, Юрия разыскала освободившаяся из лагерей мать, и тогда он, наконец, узнал

охранявшуюся государством тайну своего рождения. Второе высшее образование, на факультете дизайна, Юрий получил уже в зрелом возрасте и через несколько лет сумел-таки стать членом Союза художников СССР.

Какое-то время после чудесного лета 1979 года мы продолжали активно дружить, я не раз бывала у Инги и Юрия в Москве, но потом жизнь внесла свои коррективы — прямо на операционном столе во время операции на легких умерла Инга. Овдовевший Юрий замкнулся в себе, и наша переписка оборвалась навсегда.

Сейчас заглянула в Википедию, набрав имя Николай Бухарин. И вот что там прочла в разделе «Семья». Третий раз (с 1934 года) был женат на дочери партийного деятеля Ю. Ларина Anne (1914 – 1996), написавшей мемуары о годах заключения. Сын Бухарина и Anne Лариной – Юрий (1936 – 2014), художник; вырос в детском доме под именем Юрий Борисович Гусман, ничего не зная о родителях. Новую фамилию получил по приёмной матери Иде Гусман, тётке настоящей матери. Затем носил фамилию Ларин и отчество Николаевич.

Внук Бухарина, Николай Юрьевич Ларин (р. 1972), посвятил свою жизнь футболу. Возглавляет (на 2010 год) детско-юношескую футбольную школу ГОУ Центр Образования «Чертаново» в Москве.

☛ Georgs: Марина, только что прочёл аннотацию к двухтомнику Любови Шапориной, напечатанной издательством «Новое русское обозрение». Это потрясающе! Прочти, товарищ!

ЛЮБОВЬ ШАПОРИНА

«Дневник»

История человека в XX веке ещё не написана, и создать её чрезвычайно трудно. Особенно большие проблемы для историка представляют судьбы людей советского периода, поскольку официальные источники, как правило, фальсифицируют или

приукрашивают истинное положение вещей. Самыми бесценными документами эпохи в такой ситуации являются воспоминания и дневники, которые в сталинскую эпоху вели с риском для жизни отдельные смельчаки. В большинстве случаев подробные и откровенные записи принадлежат женщинам: достаточно вспомнить Надежду Мандельштам, Лидию Чуковскую, Лидию Гинзбург и Эмму Герштейн.

Любовь Васильевна Шапорина вела дневник с 1898 по 1967 год, прослеживая трагическую судьбу своего поколения: оно вступило в жизнь с утопическими надеждами на переустройство общества и завершало свой путь полным разочарованием в идеалах юности. Шапорина была высокообразованным и творческим человеком (художницей, переводчицей, создательницей первого в советской России театра марионеток), и в круг её знакомых и друзей входили Анна Ахматова, Алексей Толстой, Дмитрий Шостакович, Мария Юдина, Николай Тихонов и многие выдающиеся люди того времени. Её дневник — энциклопедия советской жизни, где есть размышления о религиозных преследованиях, массовых репрессиях, тяжёлом быте, блокаде Ленинграда, а также об интенсивной литературной и художественной жизни и упорной борьбе за сохранение человеческого достоинства.

Вот фрагменты дневника Шапориной разных лет, которые хочется процитировать:

Апрель 1935 года (Шапорина описывает массовые ссылки коренных петербуржцев в Среднюю Азию и допросы в НКВД): «С НКВД надо говорить умеючи, как в бирюльки играть, и главное, не трусить. Тех-то имён произносить нельзя, а те-то можно; можно потому, что ты прекрасно знаешь, что эти люди очень близки к НКВД, хотя и занимают прекрасное положение в театральном мире... Вообще лучше всего иметь глуповато-светский вид и тон».

31 августа 1941 года: «„Право на бесчестье“ мы заслужили полностью — мы даже не ощущаем бесчестья. Мы рабы, и психология у нас рабская. Нам теперь, как неграм времён дяди Тома,

даже в голову не приходит, что Россия может быть свободной; что мы, русские, можем получить „вольную“. Мы только, как негры, мечтаем о лучшем хозяине, который не будет так жесток, который будет лучше кормить».

13 марта 1955 года: «Меня бесконечно умиляет та доведённая до предела беззащитность, с которой наши коммунисты убеждённо называют белым то, что полчаса тому назад так же убеждённо называли чёрным... И эти люди смотрят вам в глаза кристально чистым взором».

16 мая 1963 года: «Эренбург, деятельный член Совета мира, всеми уважаемый, <...> подвергся грубым выпадам Хрущёва, Ильичёва и других шавок. На каком основании? Вся эта демагогия хрущёвская вызвана дикой завистью старых писателей и художников с перебитыми Сталиным хребтами к новой, молодой, талантливой и смелой поросли. Остроумная писательница О.Берггольц вчера же в Союзе писателей порадовала меня: „Мы живём в эпоху непросвещённого абсолютизма“... Самодержавие развращает».

● Marina: Действительно, потрясающе! В очередной раз **НУЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ПРИХОДИТ В НУЖНЫЙ МОМЕНТ...** Дневники Л. Шапориной и сам посыл текста, что история XX века ещё не написана - это ведь такой стимул для нашей с тобой работы! Да, я конечно, не Шапорина, но, думаю, **ЧЕСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ** каждого жителя СССР из XX века могут лечь отдельным кирпичиком в сокровенную Башню Истории.

И ещё одно невероятное совпадение. Шапорина ссылается на сильную цитату Ольги Берггольц. Так вот, именно Ольга Берггольц была одним из руководителей зонального семинара молодых авторов Северо-Запада (семинар проходил в 1963 году в Ленинграде), на который я была делегирована как «восходящая звезда» от Латвии. На этом семинаре все мои

амбиции профессиональные писатели сравнивали с землей, то есть разгромили мои первые рассказы в пух и прах: сказали, что литература это не мое предназначение в мире и что лучше мне поступать на химический факультет, поскольку у химии в СССР великое будущее. Я была морально полностью уничтожена и, помню, рыдала навзрыд в своем гостиничном номере на плече случайной соседки по комнате. И вот последний день семинара – торжественное закрытие, на которое я все же, соблюдая дисциплину, заставила себя пойти. В зале собрались в основном такие же, как я бедолаги, то есть «гении» (за редкими исключениями – кого-то из нас и на этом семинаре признали перспективными) со всего Северо-Запада Советского Союза. И нам в утешение с заключительным напутственным словом выступает Ольга Берггольц. На всю жизнь я запомнила ее слова: «Если в мире существуют большие, громко лающие собаки, маленькие собачки не должны бояться тявкать своими собственными голосами». После этих слов я поняла, что и для меня еще не все потеряно, что мне просто надо набираться жизненного опыта, как объяснили нам на этом семинаре маститые писатели. И вскоре после возвращения в Ригу я отправилась набираться этого самого опыта как можно дальше от дома – на Дальний Восток...

И поди объясни сегодняшним молодым, что дальние края – это отнюдь не Америка и даже не какая-нибудь из стран Европы. Что новоселами советская молодежь добровольно становилась на ударных стройках коммунизма, и происходило это в основном по комсомольским путевкам в рамках СССР. Страна, правда, была большая, от Балтийского моря до Тихого океана, но оказаться новоселом за границей этой страны было абсолютно нереально. Так что ни о чем подобном мы и не мечтали. А вот стать писателем в свои восемнадцать лет я уже мечтала. Ладно, пусть не маститым и не великим, но хотя бы таким, чтобы иметь собственные книги и писать в них автографы. Ведь сказала же нам Ольга Берггольц, что не надо пасовать перед классиками! И вот я возвращаюсь в

Ригу, откуда меня, как победителя республиканского семинара, посылали в Ленинград уже на Зональное совещание молодых авторов Северо-Запада страны. Прихожу в родной Союз писателей Латвии и честно признаюсь руководителю русской секции Василию Золотову, что не оправдала его доверия, что мой первый опубликованный в газете «Советская молодежь» рассказ, которым мы здесь так гордились, в Ленинграде никакого впечатления не произвел, и что вообще мне посоветовали либо поступать на химический факультет, либо вплотную заняться изучением жизни, потому что без знания жизни писателем стать невозможно.

Тут, вероятно, следует пояснить, что консультант по русской литературе получал в Союзе писателей зарплату. За эту зарплату ему, в частности, вменялось открывать и воспитывать молодые таланты. Не знаю, был ли установлен конкретный план на эти таланты, но в годовых отчетах о проделанной работе консультанту надо было все же что-то писать. Поскольку в 1963 году Василий Золотов успел меня «открыть» и даже поспособствовать первой газетной публикации, он был заинтересован уже и в моей дальнейшей творческой судьбе. А так как осчастливить меня комсомольской путевкой на Всесоюзную ударную стройку Байкало-Амурской магистрали товарищ Золотов не мог, он предложил для познания той самой пресловутой жизни оформить мне фиктивную творческую командировку по стране. Впрочем, не совсем фиктивную.

Дело в том, что при Союзе писателей существовал своего рода финансовый отдел – Литфонд. Эта благословенная организация ведала не только путевками во все дома творчества на территории СССР, но и средствами для оплаты командировок писателей. Оплачивать командировки не членам Союза писателей Литфонд, конечно, не мог. Но на вполне законных основаниях раз в год Литфонд мог выделять молодым авторам единовременное денежное пособие. Ушлые молодые, а порой уже и не очень молодые, поэты и прозаики регулярно использовали эту

возможность каждый год. К их числу принадлежала и переехавшая в Латвию из Сибири поэтесса Вера Панченко. Была она на одиннадцать лет старше меня, но тоже еще не член Союза. Узнав, что я готова отправиться куда глаза глядят набираться жизненного опыта, Вера предложила поехать вместе с ней на Дальний Восток, благо на полпути, в Читинской области, у нее живут родители. И вот ответственный за воспитание молодых писателей Василий Золотов выписал нам обеим в Литфонде по единовременному пособию, которого должно было хватить на билет в плацкартном вагоне от Риги до Владивостока, и на пропитание в пути. Ну, а уж дальше, девушки, все свои проблемы решайте на месте сами! Официального командировочного удостоверения в Литфонде нам оформить, конечно, не могли, поэтому и Вере, и мне Золотов выдал на руки по справке, которой, как мы позже убедились, с полным основанием мог бы позавидовать сам Остап Бендер.

В моей справке было написано: «Молодой автор Марина Костенецкая находится в творческой поездке по стране. Союз советских писателей Латвии просит все организации оказывать ей всяческое содействие». Напечатан текст на фирменном бланке Союза писателей Латвии, украшен подписью Первого секретаря и заверен круглой гербовой печатью.

И вот с заветной справкой в кармане и туристическими рюкзаками на спине вдвоем с Верой Панченко мы отправляемся за жизненным опытом, который должен открыть нам путь в писательство. Вне всякого сомнения, обрести нужный опыт можно только далеко от дома. На карте Советского Союза самый удаленный от Риги город это Владивосток. Значит, нам туда!

После восьми суток изнурительного пути через несколько часовых поясов планеты мы, наконец, выходим из плацкартного вагона поезда «Россия» на перрон Владивостокского вокзала. Сдаем в камеру хранения рюкзаки и, первым делом, отправляемся на поиски редакции местной молодежной газеты. Опытная Вера, успевшая в жизни поработать корреспондентом нескольких

газет, ни минуты не сомневается в том, что в любой «молодежке» Советского Союза нас сразу поймут и примут с распростертыми объятиями. И, как ни странно, она оказывается права!

Насколько сейчас помню, газета называлась «Тихоокеанский комсомолец». Так вот, нас там не только поняли, но тут же авансом выписали гонорар за Верины стихи, которые будут напечатаны в газете только через несколько дней, накормили в редакционной столовой обедом и устроили на ночлег в полупустое лето студенческое общежитие.

Ну, а дальше все уже развивалось по закону жанра. На Дальнем Востоке Латвийская ССР воспринималась чуть ли ни как европейская граница, так что наша справка от Союза писателей Латвии в самых высоких кабинетах райкомов и крайкомов производила на партийную номенклатуру должное впечатление. Нам действительно оказывали всяческое содействие во всем — будь то возможность подработать нештатным корреспондентом в газете, выступить с оплаченным интервью на радио или выйти в море на рыбацком сейнере на путину сайры, спуститься в шахту горняков или побывать в Уссурийской тайге с искателями волшебного корня жень-шень... Так что к концу лета, если уж и не столь нужного нам жизненного опыта, так, по крайней мере, новых впечатлений молодые авторы из Латвии набрались с лихвой! Однако, с приближением осени ребром вставал вопрос: что с нами будет дальше? «Творческая поездка по стране» не могла продолжаться до бесконечности. У Веры, как я уже сказала, в Чите жили родители. Она могла по дороге на запад сделать у них остановку и, в случае чего, одолжить денег на билет до Риги. Мне же рассчитывать было не на кого, пенсия у мамы минимальная, так что на обратный билет до Риги я должна заработать сама. Того, что оставалось у меня в кошельке от случайных летних гонораров, не могло хватить ни на поезд, ни тем более на самолет до Риги. Но, сходя в морской пассажирский порт Владивостока, я обнаружила, что моих сбережений хватает на каюту второго класса до чукотского

порта с завораживающим названием Бухта Провидения. На Чукотке, как я знала, платят большие северные надбавки. Для того, чтобы стать писателем, мне надо обрести необычный жизненный опыт. А что может быть экзотичнее зимовки в глухом чукотском поселке Заполярья? Говорят, с трудоустройством на Чукотке нет проблем, кем-нибудь да трудоустроюсь. Короче говоря, через несколько дней Вера пришла проводить меня в морской порт Владивостока на теплоход «Туркмения». В навигацию 1965 года это был последний пассажирский теплоход на Чукотку. Теперь до весны выбраться оттуда на Большую Землю можно будет только самолетом. А поскольку билет на самолет стоит совершенно баснословных денег, ничего другого, как только трудоустроиться на всю зиму на Чукотке, мне уже не остается. И я абсолютно счастлива!

☛ **Georgs:** То есть твои поиски приключений увенчались успехом! И чем ты не Елена Блаватская?! Кстати, да будет тебе известно, я в начале 90-х впервые издал отдельной брошюрой Биографию Е. П. Блаватской Елены Писаревой. Почти весь тираж ушёл в Москву в «Дом книги».

☛ **Marina:** Ну, можно и так сказать. Но до Бухты Провидения я так и не доехала. По той простой причине, что от случайных попутчиков на теплоходе узнала об экзотичной профессии на чукотских широтах – учитель Красной яранги. Этот учитель кочует по тундре с бригадами оленеводов, привозит им с центральной усадьбы колхоза газеты и журналы, а старых пастухов обучает грамоте. Профессия не из легких. Жить надо вместе с пастухами в яранге (куполообразная палатка, крытая поверх жердей оленьими шкурами), расстояние до ближайшего магазина и почты летом измеряется десятками, а зимой с дальних пастбищ сотнями километров. Добраться от поселка до места работы можно только на собачьих или оленьих упряжках.

Зарплата для северных окладов в Красной яранге достаточно скромная...

Все сказанное меня ничуть не смутило. Жизнь на кочевье среди аборигенов это именно то, что мне надо для будущей книги! И поскольку Окружной отдел народного образования находился в Анадыре, я сошла с теплохода в этом неказистом поселке городского типа, гордо именуемым столицей Чукотки.

В ОКРОНО моей просьбе, мягко говоря, удивились и стали предлагать работу в поселке. Меня могут взять воспитателем в интернат, даже учителем младших классов (в дальних колхозах большой недокомплект специалистов), можно вообще найти работу, не связанную с вакансиями в Отделе народного образования. Ну, а на должность учителя Красной яранги здесь, как правило, все же принимают мужчин, причем из местных, привычных к кочевым условиям быта. В очередной раз все решила волшебная справка из арсенала Остапа Бендера. Отказать молодому автору из Латвии, который находится в творческой поездке по стране, не смогли и в заполярном Анадыре. Так что уже через день я прилетела на курсирующей в этих широтах малогабаритной «Аннушке» сначала в райцентр Беринговский, а затем и в конечный пункт назначения – село Майно-Пильгино. Здесь располагалась центральная усадьба оленеводческого колхоза «Дружба», в котором отныне я числилась учителем Красной яранги.

Одно меня удручало: как сказать маме, что «творческая поездка по стране» растягивается еще минимум на год? Ведь я ей клялась, что осенью буду дома. В конце концов заставила себя сесть за письмо и в самых радужных тонах расписала, как у меня здесь все здорово складывается: и зарплата большая, и работа непыльная и интересная, и квартиру выделили, и уголь на весь отопительный сезон сразу привезли. Квартира – это уже было ближе к истине, но все же тоже не совсем правда, потому что квартиру колхоз выделил одну на двоих – новой воспитательнице детского сада и новому

учителю Красной яранги. С учетом же того, что я в поселке буду появляться только наездами, а дом зимой надо топить каждый день, ответственной квартиросъемщицей назначили не меня, а воспитательницу детского сада. Закончила я свое «утешительное» письмо экстравагантным пассажем: написала, что у меня сейчас как раз призывной возраст и что если бы я была мальчиком, то в этом году меня бы на два года забрали в армию, поэтому пусть мама считает, что у нее не дочка, а сын, которого для прохождения срочной службы отправили на Чукотку.

Всю правду о том, кем я на самом деле работала на Чукотке и в каких условиях жила на кочевье в тундре, мама узнала лишь годы спустя из книги «Луна Холодного Лица». К этой книге, если кому интересно, отсылаю и синоминутных читателей данного текста, сама же возвращаюсь в Ригу конца 70-ых годов, когда я работала в журнале «Даугава» заведующей отделом прозы.

Знаешь, мне вообще хочется дальше где-нибудь сказать ОЧЕНЬ ДОБРЫЕ И ОЧЕНЬ ИСКРЕННИЕ СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ ЧУКОТСКОМУ НАРОДУ ЗА ТО, ЧТО ПРОСТО ВЫЖИЛА В ТУНДРЕ. Хочу сломать стереотип мышления, что чукчи — это только отсталые темные пастухи, что об их глупости и необразованности можно только анекдоты рассказывать. А ведь тот же Кувлюк подарил мне тетрадь, где на первой странице написано: «Сказки, легенды, предания моего народа». И КАКИМ ГРАМОТНЫМ ПРЕКРАСНЫМ РУССКИМ ЯЗЫКОМ ЭТИ СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ ЗАПИСАНЫ!!!! Так грамотно сегодня уже не пишут и выпускники московских школ...

3.

• **Marina:** Приблизительно одновременно с «Даугавой» в Эстонии тоже начал выходить литературно-художественный журнал на русском языке — «Таллин». Естественно, мы установили с эстонскими коллегами тесный контакт и стали обмениваться не только актуальной для жизнедеятельности обоих журналов информацией, но и рукописями. Случалось так, что в одной союзной социалистической республике цензор категорически запрещал публикацию «антисоветского» материала, а в другой, не мытьем так катаньем, текст все же удавалось на страницы журнала протащить. Ровно это и случилось с главами из второго тома книги Анастасии Цветаевой «Воспоминания». Младшая сестра Марины Цветаевой, Анастасия Ивановна Цветаева, к концу семидесятых годов пребывала уже в весьма преклонном возрасте, ей было далеко за восемьдесят. Но, несмотря ни на возраст, ни на болезни, Анастасия Ивановна продолжала интенсивно писать воспоминания о своем времени, спеша оставить потомкам бесценные свидетельства о жизни многих выдающихся деятелей культуры СССР, начиная со своей гениальной сестры Марины, ее поэтических единоверцев Осипа Мандельштама, Максимилиана Волошина и прочая, и прочая, и кончая признанным официальной идеологией классиком советской литературы Максимом Горьким.

Сейчас уже не помню, какую именно должность в журнале «Таллин» занимал поэт Светлан Семиненко, но именно он прислал в нашу редакцию рукопись Анастасии Цветаевой,

которая окончательно и бесповоротно была запрещена цензурой в «Таллине». В «Даугаве» рукопись легла на мой рабочий стол, хотя, по жанру, должна была попасть в отдел публицистики, которым заведовала благоразумная и осмотрительная Текла Шайтере. Почитав текст, я сразу поняла, что пробить через цензуру это будет непросто, но если все же удастся, то наша «Даугава» выйдет на новый виток популярности – фанаты Марины Цветаевой номер журнала будут передавать из рук в руки не только по всему Советскому Союзу, но и переправят на Запад в литературные круги русской эмиграции. Забегая вперед скажу – так все и вышло! В моем личном архиве сегодня хранятся письма с просьбой прислать номер журнала в разные города России, а также благодарственное письмо от рижанина Бориса Плюханова с сообщением о том, какие восторженные отклики на публикацию он получил от своих знакомых из Франции и Англии.

Но до того счастливого дня, когда на прилавках газетных киосков появился июльский номер «Даугавы» за 1980 год с заветной публикацией «Главы из книги» Анастасии Цветаевой, нам вместе еще предстояло пройти нелегкий путь. Лично для меня этот путь начался в Москве, в квартире Анастасии Ивановны на улице Большая Спасская. Когда Светлан Семенович узнал, что я все же попытаюсь в Риге пробить «непроходную» рукопись Цветаевой, он написал мне письмо, фрагмент из которого хочу сейчас привести:

«14 янв. (1980 г)

Дорогая Марина,

ну, Вы молодец! Я очень рад. Когда Вы будете у Анастасии Ивановны, попросите у нее добавку: она мне говорила, что есть еще чрезвычайно интересные главы, относящиеся к 1922 году (перед отъездом Марины), которые она еще никому не отдала.

Если поедете поездом (наверное, на Рижский вокзал), то езжайте на метро до «Комсомольской», выходите к Ленинградскому вокзалу. Прямо у вокзала на автобусе 85 или 19 две остановки до

Большой Спасской. Автобус останавливается прямо против дома А.И., у нее 2-й подъезд».

До этого я уже написала самой Цветаевой, что как редактор готова к сотрудничеству, и очень скоро получила в ответ телеграмму приблизительно такого содержания: «Приезжайте для работы ко мне. Цветаева».

И вот, проследовав по Москве согласно указанному Светланом маршруту до улицы Большая Спасская, я останавливаюсь у большого нового дома из желтого кирпича. Дохожу до второго подъезда, поднимаюсь по лестнице и нажимаю кнопку звонка у дверей квартиры № 58. От волнения сердце бьется не в груди, а где-то в ушах. За дверью раздаются шаркающие шаги, потом сама дверь приоткрывается на ширину предохранительной цепочки и маленькая женщина в длинном зеленом вельветовом платье с утвердительной интонацией в голосе спрашивает: «Вы Марина Костенецкая? Редактор из Риги?»

Командировка в Москву мне была выписана на три дня. Прежде чем идти к Цветаевой, я отнесла в заранее забронированную гостиницу дорожную сумку и оплатила там проживание за три дня вперед. Но второй раз до гостиницы дошла только через три дня за час до отхода поезда «Москва-Рига» – все три дня я безвыходно провела в однокомнатной квартире Анастасии Ивановны Цветаевой.

Эту благоустроенную квартиру практически в центре Москвы Цветаева получила только в конце семидесятых как незаконно репрессированная. Двадцать лет жизни с 1937 по 1957 годы пропшли в сталинских лагерях и ссылках, реабилитирована Анастасия Ивановна была в 1959 году. Наше очное знакомство началось за чашкой чая в довольно большой комнате, которая выглядела все же тесной, потому что была заставлена самой разнообразной мебелью – начиная от кабинетного рояля с водруженным на него гипсовым слепком головы античного философа и кончая покрытым каким-то тряпьем высоким сундуком у стены. В углу

комнаты был устроен небольшой домашний алтарь с иконостасом и круглосуточно горящей перед иконой Спасителя лампадой. Когда сели пить чай, Анастасия Ивановна попросила меня рассказать о себе и поподробнее о родителях. Видимо, хотела понять из какого «теста» сделана ее гостя. Я сказала, что мама у меня учительница музыки по классу рояля, а папа юрист, окончивший Московский Университет в 1915 году, когда это учебное заведение именовалось еще ИМПЕРАТОРСКИМ Московским Университетом. Рассказала и о десяти годах лагерного срока, который отец отбывал в Воркуте. Потом мы весь день работали над присланной в «Даугаву» рукописью, и дополнительно я читала те главы из «Воспоминаний», о которых мне написал Светлан Семенов. Где-то ближе к полуночи я спохватилась, что метро в Москве ходит только до часу и засуетилась уходить. Но Анастасия Ивановна тоном нетерпящим возражения спокойно сказала: «У нас очень мало времени. Я откланиваюсь, я ухожу... Вы будете ночевать у меня. На ночь я дам вам почитать рукопись моего романа «Амор». Может быть, какие-то куски из него ваша «Даугава» тоже сможет напечатать»

Она сама поставила и застелила мне в кухне кровать-раскладушку, положила на стол пухлую папку машинописного экземпляра рукописи и зажгла настольную лампу. Потом перекрестила меня «Спокойной ночи, храни вас Господь!» – и ушла к себе в комнату, где в углу под иконостасом стояла ее узенькая не то кушетка, не то кровать.

Я развязала на папке тесемки и бережно выложила на стол пухлую пачку листов размера А-4. Рукопись была отпечатана на дешевой серой бумаге и многократно перекроена ножницами. Сегодня, в век компьютерных технологий, это трудно себе представить, но в эпоху пишущих машинок именно так правились уже перепечатанные тексты. Если какой-то кусок манускрипта надо было перенести в другое место или просто заменить, в ход шли ножницы и конторский клей.

На потертой клеенке кухонного стола я начала читать роман «Амор» и... оторвалась от рукописи только когда услышала за спиной голос Анастасии Ивановны: «Доброе утро! Так вы и не ложились? Тогда идите примите душ перед завтраком».

Сразу признаюсь, Георг, – ни одной страницы из лагерного романа Анастасии Цветаевой «Амор» нам не удалось напечатать в «Даугаве». Цензура была непрошибаема. И лишь спустя 11 лет, в 1991 году, эта книга увидела свет в московском издательстве «Современник». Ну, а чтобы тебе было понятно, КАКОЙ текст я читала на кухне Анастасии Цветаевой январской ночью 1980 года, приведу здесь предисловие самого автора к первому изданию книги:

«Роман «Амор» насчитывает от рождения полвека. И пути, которыми ему пришлось идти, необычны настолько, что требуют о себе рассказа. О главном герое была задумана поэма, но она медлила, претерпевая сомнения и затруднения, и, наконец, была заменена – романом, иначе говоря, «Амор» родился из поэмы. Он рос, разгораясь, как одинокий костёр в лесу, с конца 1939 года, быть может, и был вчерне кончен в первые дни войны, в 1941-м... Он писался на Дальнем Востоке, в зоне, в часы отдыха после десятичасового рабочего дня, на нестандартной бумаге, на маленьких листах, чернильным карандашом, так мелко, что прочесть его не смог бы никто, кроме автора, – и то по его близорукости. Автор маленькими пачками передавал его на прочтение, и, прочтя очередные листы, её начальник по работе через вольнонаёмного пересылал, в письмах, в Москву, где он пролежал до дней освобождения автора, до 1947 года. Получая его (уже в Вологодской области, где работал сын) из рук родственницы, приехавшей из Москвы, автор с удивлением заметил, что в нем не хватает целой, отдельной части, которая была задумана позже, как вводная, тем помогая рукописи стать романом многоплановым. Возникла эта часть волею автора, чтобы – простой человеческой ароматностью противостояла

слишком отвлеченному, интеллектуальному стилю вещи. И вот этой части — не было. Но ларчик открылся просто: часть эта по недостатку бумаги была написана на папиросной, отделявшей листы чертежей, с которыми я имела дело. В те годы такая бумага, годящаяся для курения, была драгоценна: «ароматную» часть выкурили всю, без остатка. Остальная рукопись (простая бумага) уцелела. С грустью осознал автор неудачу своего предприятия: без этой части «Амор» перестал быть романом, делаясь одноплановым. И автор переименовал его в «Руины романа». Было написано маленькое предисловие — о трудных годах для курильщиков, им в извинение, но казалось оно выдумкой, неудачным авторским изобретением, литературным трюком... Усталость прожитого не в домашних условиях десятилетия помешала в 47- 48-м годах заняться романом — да и кому отдашь в перепечатку такое, кому доверишь? И пачка мелко исписанных карандашом листов, «Руины романа», — укромно ждала будущего. Оно не замедлило. Но тут отступление. В ссылке («навечно», но прожила там семь лет) я не писала, «Руин» не трогала, огород отнимал силы (об этих годах в моих «Сибирских рассказах»). С 1957-го начала «Воспоминания» (в 1959-м реабилитировалась). Растила двух внучек, учила их языкам. В 1968-1969 годах переписала «Руины» на большие листы крупным почерком. Только в 1972-м, когда младшей внучке было пятнадцать, у меня выпало свободное время, и я раскрыла рукопись, которую не перечитывала с 1941-го. Я сказала себе «Перечти!». Перечитала и одобрила. Написала и вставила в «Руины романа» новые главы — вместо выкуренных. И вновь стал «Амор», и дожил до нынешних дней.

☛ **Georgs:** Понятное дело! Но такой роман в «Даугаве» в те годы напечатать было немислимо.

☛ **Marina:** Тогда ты понимаешь, что я не могла оторваться от рукописи всю ночь... Мне, конечно же, было очень неловко

второй день жить на полном пансионе Анастасии Ивановны, и я спросила у нее, где здесь поблизости продуктовый магазин. Ответ прозвучал категорично: «Вы моя гостя. Я вас принимаю. Все нужные продукты принесут мой сын или внучка, а мы после завтрака продолжим работу. Сегодня вы будете читать вторую часть «Амор»».

Все же через несколько часов неприятно дало о себе знать ночное бодрствование — у меня вдруг сильно разболелась голова. Я сказала Анастасии Ивановне, что схожу в аптеку купить анальгин, но она ответила, что мне надо просто пару часиков поспать, а анальгин отравя, которую она мне пить не позволит. И добавила: «Я буду лечить вас гомеопатией». Так, впервые в жизни, я отведала маленькие белые шарики какого-то гомеопатического снадобья. Не знаю, гомеопатия или дневной «тихий час» привели в порядок мою голову, но к обеду я уже опять сидела у стены на большом сундуке, который служил мне и стулом, и письменным столом, и читала продолжение романа «Амор». За единственным в комнате столом, заваленным папками с рукописями, работала сама Анастасия Ивановна.

В течение дня в квартире действительно появился и сын Цветаевой Андрей Трухачев, и старшая внучка Рита. Они положили что-то в холодильник, а Рита в кухне и коридоре помыла полы. Делать уборку в комнате Анастасия Ивановна ей не позволила: «Не мешай! Мы работаем». Еще в этот день кто-то неожиданно позвонил в дверь. Все знакомые, как правило, предупреждали хозяйку дома о намерении зайти по телефону. Я вышла вслед за удивленной Анастасией Ивановной в коридор и невольно стала свидетельницей странной сцены. Через щель открытой на ширину предохранительной цепочки двери хорошо была видна лестничная площадка. На лестнице стояла женщина средних лет с огромным букетом цветов. Увидев Анастасию Ивановну, она вдруг упала на колени и, протянув ей цветы, умоляюще выдохнула: «Позвольте мне дотронуться до подола вашего

платья!» Цветаева приняла букет и спокойно сказала: «Позволяю». Женщина сжала в кулаке полу вельветового цветаевского платья и вздохнула, сообщив, что она из Новосибирска, что в Москве находится в служебной командировке, что боготворит стихи Марины Цветаевой и мечтала притронуться хотя бы к подолу платья живой сестры своего кумира. Выслушав эту тираду, Анастасия Ивановна все так же невозмутимо осведомилась: «Дотронулись?» После чего вежливо сказала: «Ну вот, ваша мечта осуществилась. Извините, дольше говорить с вами не могу – у меня редактор из Риги, мы работаем». И закрыла дверь.

Поучаствовать хотя бы в приготовлении обеда Анастасия Ивановна мне тоже категорически отказала: «Я все готовлю сама, вы моя гостья!» И я была выдворена из кухни обратно на свой сундук, где с упоением продолжала читать клеенные-переклеенные листы рукописи объемного романа. Время от времени автор ревниво спрашивал: «Какое место вы сейчас читаете?» Я начинала восторженно пересказывать своими словами только что прочитанный текст, но Анастасия Ивановна недовольно меня прерывала: «Вы медленно читаете! У нас очень мало времени. Я откланиваюсь, я ухожу...»

Но видит Бог – не могла я читать этот текст «по диагонали»! Мне действительно надо было и насладиться самим стилем изложения, и ужаснуться сценам лагерной жизни, и восхититься силой духа главной героини романа Ники...

На третий день Анастасия Ивановна в какой-то момент попросила меня встать с сундука. Сняв все тряпки, которые лежали на нем как мягкая подстилка для сиденья, хозяйка дома откинула тяжелую крышку и извлекла из сундука несколько потрепанных временем тетрадей. Постарайся, Георг, поставить себя на мое место и испытать то, что испытала я, когда поняла НА ЧЕМ СИДЕЛА ЦЕЛЫХ ТРИ ДНЯ! Это были рукописи Марины Цветаевой. А Анастасия Ивановна, как ни в чем ни бывало, раскрыла одну из тетрадей и с выражением прочла мне стихи, посвященные рождению первой Мариной дочке Али:

*Девочка! Царица бала!
Или схимница? Бог весть.
Сколько времени? Светало...
Кто-то мне ответил: шесть.
Чтобы тихая в печали,
Чтобы скромная росла,
Девочку мою встречали
Ранние колокола.*

Эти строчки врезались мне в память после того единственного прочтения. Наверное, где-то в нынешних полных собраниях сочинений Марины Цветаевой их может прочесть каждый, но я их в печатном виде больше не встречала.

• **Georgs:** Да, жизнь нас с тобой в XX веке баловала встречами с замечательными, уникальнейшими людьми. Я ведь тоже работал и много общался лично с гениальным режиссёром «Таганки» Юрием Петровичем Любимовым, и с Майей Плисецкой. Это только самые-самые вершины...

• **Marina:** Но всё в жизни имеет начало и конец. Трехдневный срок моей командировки истек, я вернулась в Ригу и тут же начала «пробивать» в печать привезенный из Москвы бесценный материал. Это требовало и сил, и времени, но через несколько дней на адрес редакции от А. Цветаевой мне пришло письмо с выраженным удивлением по поводу моего затянувшегося молчания. Прямо на самом конверте письма, помимо адреса, была написана странная фраза: «Со вложением тов. Цензору». Позволю себе привести здесь это первое письмо Анастасии Ивановны целиком. Да, первое, но – какое счастье! – не последнее... Наша переписка потом продолжалась несколько лет, и я уже не удивлялась, когда поверх адреса на конверте появлялась, например, такая приписка: «Ах, совсем забыла! Храни Вас и Вашу маму Господь!» И писалось это таким вот «открытым текстом» в стране воинствующего атеизма...

Ладно, Георг, читай обещанное письмо:

Адрес на конверте:

Заказное.

Латвийская ССР

г. Рига

Редакция журнала «Даугава»

Редактору

Костенецкой Марине

(со вложением письма к тов.Цензору)

2. I. 80

Москва

(В дате, указанной рукой А. Цветаевой, явно присутствует описка. По почтовому штемпелю правильная дата – 1 февраля 1980 г.; этой же датой помечено и приложенное к основному письму послание А.Цветаевой «тов. Цензору». М. К.)

«Мариночка! (Так я Марине писала...). Жду от Вас обещанной вести, запросила у т. Семененко Ваш адрес (не оставили!) – от Вас ни слова. А уже 2-ое, суббота, почти неделя? Потому (т.к. мы обе из-за Атога и спешки забыли о моем письме к – Цензору?) прилагаю его, шлю на Вас, на редакцию журнала. Думаю, дойдет. Жаль, если опоздало. Надеюсь, ни Вы не болеете, ни мама. Обнимаю вас обеих, молюсь о Вас и о ней, храни Вас Бог! Мои 85 лет полностью отвечают за эти строки. Жду от Семененко Ваш адрес, тогда еще напишу.

Отзовитесь, прошу, на получение и дайте о себе знать. Жму руку.

Ваша А.Цветаева

P. S. Поставьте заглавие другое, если оно негодно».

Вложенное в тот же конверт письмо А. Цветаевой к тов. Цензору:

1 февраля 80 г.

Москва

Тов. Цензору

материала, идущего в журнал «Даугава».

Пишет Вам А. И. Цветаева, пославшая с Вашим редактором мои воспоминания о 1913 – 1915 гг. (немного в Москве и много в Крыму), два куска по примерно 1 ¼ печатного листа. Объясню их происхождение в моем 2-ом томе «Воспоминаний» (1-ый, дважды выпущенный – 30 000 тиражом и 100 000 в 1971 и 1974 гг. в издательстве «Советский писатель», Вы, вероятно, знаете) – около 30 печатных листов. Но журнал «Москва» не мог в этом году взять более 12 печ. л., которые и выйдут перед летом, вероятно, в 3 №. Однако, я до 12 печ. л. сократить мой материал не смогла, хотя по содержанию хорошо известный и одобренный моим редактором – получился у меня 14 ½ печ. л. Тогда я решила, не комкая и не искажая стиля, просто вынуть 2 ½ печ. л. – главным образом, наш с сестрой моей Мариной Крым – с 1913 г., после смерти нашего отца, профессора И. В. Цветаева, основателя Московского Музея Изобразительных Искусств – зиму 1913-14 в Феодосии, лето 1914 в Коктебеле и Гурзуфе, и вновь там следующее лето, 1915-го года. Это и предложила Вам, вернее редактору Марине Костенецкой, которой он, как и редактору из журнала «Москва», показался интересным.

С сердечным товарищеским приветом –

член Союза Писателей Анастасия Цветаева.

Адр. Москва 129010, Б.Спасская, 8 кв.58.

Думаю, излишне объяснять тебе, Георг, что письмо члена Союза писателей Анастасии Цветаевой рижский цензор так никогда и не увидел. Во-первых, много чести! Ну, а во-вторых, наивная попытка автора защитить рукопись от цензуры сработала бы только против самого же автора. Ведь на рубеже 70-х - 80-х

годов имя Марины Цветаевой еще только начинало возвращаться в советскую литературу. И возвращалось оно со многими оглядками, оговорками и запретами как на конкретные стихи, так и на нежелательные имена современников поэта. Именно с этим столкнулась и я, когда гранки уже набранного в типографии текста попали на утверждение к цензору. Как руководство к действию, в Главлите (так невинно именовалось в СССР ведомство цензуры) лежал список «запрещенных» имен. В этом черном списке в 1980 году все еще оставались имена Осипа Мандельштама и Максимилиана Волошина, и цензор потребовал эти имена из материала убрать. Но как можно убрать имя Максимилиана Волошина, если именно на его даче в 1914 и 1915 годах жили в Коктебеле сестры Цветаевы?! Сейчас уже не помню, как именно мне удалось в конце концов отстоять имена опальных поэтов, но нервотрепка была та еще...

Вот только что написала о Коктебеле, где сестры Цветаевы жили на даче Волошина, и тут же вспомнила письмо Юрия Ларина, которое он написал мне после выхода журнала с публикацией Анастасии Ивановны. И опять — «Как причудливо тасуются карты!»... Вдова Максимилиана Волошина Мария Степановна Заболоцкая очень ревниво относилась к кругу людей, стремящихся побывать в ее доме не на официальной экскурсии, а на знаменитых в 60-х — 70-х годах посиделках интеллигенции. И вот что в этой связи написал мне Юрий в 1980 году о Цветаевой:

«Да, Мариночка, я 10 минут назад купил седьмой номер «Даугавы». Сердечный привет Анастасии Ивановне! Она хорошо знала мою сестру — это ты знаешь. Но она чуть-чуть знала и меня. В 1965 г (или в 1966?) я в Коктебеле. Пытался прорваться в дом Волошиных. Мария Степановна, не видя во мне известного ей человека, — никак не пускала. А Анастасия Ивановна пыталась мне помочь. Однажды мы (с Ирой) встретили ее на почте, и она сказала: «Я вам помогу — скажите, что вы к Цветаевой». И хотя я не воспользовался этим предложением, а попал в дом через

поэта Слуцкого, которого знал и которого случайно встретил в Коктебеле, я помню о ее сочувствии. А когда я попал в дом — было очень интересно. Но это — уже мои мемуары».

А теперь возвращаюсь к самой Анастасии Ивановне. После публикации наше знакомство с ней не оборвалось, наоборот, вышло на новый уровень очень доверительных и теплых отношений. Я не раз еще бывала в ее квартире в Москве и один раз, по настойчивому приглашению, даже гостила у Цветаевой в эстонском дачном поселке Кясма, где на берегу моря она снимала летом комнату. В течение нескольких лет мы продолжали активно переписываться, но потом в письмах Анастасии Ивановны стали все чаще появляться жалобы на слабеющее зрение: «Я слепну... Растет катаракта... Читаю с лупой...» Зная, как много Цветаева продолжает работать для своих мемуаров, которые действительно должны были стать документальным свидетельством истории XX века, я поняла, что просто не имею права тратить остатки зрения этого уникального человека на чтение моих писем и, тем более, на ответы на них самой Цветаевой. Наша переписка прервалась, как мне казалось, навсегда. Но... еще одно письмо я получила от Анастасии Ивановны в очень темный час своей жизни, когда была близка к суициду, и это неожиданное письмо стало для меня мистическим посланием Небес от еще одного Ангела-Хранителя.

☛ [Marina: Перерыв на обед.](#)

[После снесены возвращаюсь к компьютеру.](#)

Произошло это в марте 1989 года. За все время вхождения Латвии в состав СССР в республике впервые проходили выборы Народных депутатов СССР на альтернативной основе. Проще говоря, впервые в истории ЛССР депутаты действительно избирались, а не назначались по заранее утвержденным в партийных верхах спискам. Это было время горбачевской гласности и перестройки, на волне которой во многих республиках, и в Латвии в том числе, стихийно возникали Народные фронты. Народные движения,

как правило, создавала и возглавляла творческая интеллигенция – популярные писатели, художники, композиторы, артисты... Волей судьбы я оказалась втянутой в этот водоворот с первых же дней, и когда Народный фронт Латвии составлял свои списки кандидатов на выборы депутатов СССР, от призыва баллотироваться отказаться уже не могла. В противовес более национально выраженному Народному фронту из русскоговорящих граждан республики был создан Интерфронт, и во время предвыборной компании борьба между этими двумя идеологически непримиримыми фронтами велась не на жизнь, а на смерть. В Прейльском избирательном округе, где я шла кандидатом от Народного фронта, Интерфронт со своей стороны выдвинул высокопоставленного партийного функционера от весьма могущественной организации Агропром. Ставка делалась на то, что сельские жители, напрямую зависящие от централизованных поставок комбикорма для скота, проголосуют именно за Агропром. Однако, когда с приближением даты выборов стало понятно, что сельчане все же более склонны голосовать за писателя Марину Костенецкую, руководство Интерфронта решило использовать против меня грязные избирательные технологии. Сегодня ушатами помоев и компромата, выливаемых на любого кандидата в депутаты, уже никого не удивишь – это явление давно стало нормой поведения на сцене политической борьбы. Но в 1989 году свободные выборы у нас проходили впервые, и тогда грязные технологии относились еще как бы к запрещенным приемам. Тем не менее Интерфронт на это пошел. За три дня до выборов две главные русские газеты – «Советская молодежь» и «Советская Латвия» одновременно опубликовали материал о том, что отец кандидата в депутаты СССР Марины Костенецкой, якобы, активно сотрудничал во время войны с фашистами. Под обеими публикациями стояла авторитетная для советского человека подпись: «Прокуратура». В день выхода газеты у нас, обоих кандидатов по Прейльскому району, была встреча с избирателями в городе Ливаны. Зал дома культуры набит людьми

до отказа! Первым выступает представитель Агропрома товарищ Рымашевский. Уверенно обещает избирателям все блага мира и уступает трибуну мне. Но как только я начинаю что-то говорить, из зала один за другим организованно встают «избиратели», подходят к трибуне и кладут передо мной газеты: «Читай! Прокуратура!» К счастью, я еще не успела прочесть этот пасквиль, поэтому держалась относительно спокойно. Тогда из зала пошли провокационные записки: «Отрекись от фашиста отца, иначе мы за тебя не будем голосовать!». Помню, я ответила, что если сейчас отрекись от отца, то завтра с такой же легкостью отрекись и от них, своих избирателей, так что пусть лучше сразу голосуют против меня. Ответ на одну записку даже развеселил зал. Кто-то не очень умный написал: «Почему ты скрываешь свою национальность? Ты ведь не русская, а польская жиловка». На что я ответила: «Ну, вы уж как-нибудь определитесь – дочь фашиста или польская жиловка? Одно с другим не вяжется...»

Да, на эту встречу с избирателями в ливанском доме культуры выдержки у меня еще хватило. Но когда уже после встречи прочла обе газетные статьи, удар оказался ниже пояса. К счастью, зная об этих публикациях, активисты Народного фронта заранее решили, что оставлять меня на ночь одну в гостинице нельзя, и на ночлег устроили в частной квартире. Здесь, в кругу собравшихся за столом единомышленников, я, наконец, смогла дать волю слезам... Меня утешали, возмущались подлостью интерфронтцев, говорили, что выборы я еще могу выиграть, потому что люди не дураки и голосовать будут за меня, а не за моего отца. Но меньше всего в ту ночь меня волновал вопрос, проиграю или выиграю я эти несчастные выборы. Мой отец уже двадцать восемь лет как в могиле, сам он не может ответить клеветникам, а я ведь не знаю, на каких документах базируется подписанное прокуратурой сообщение!

В ту ночь я думала о добровольном уходе из жизни. Нет, не в этой квартире, конечно. Я не могу подставлять людей, которые

так искренне мне сочувствуют. Но завтра я вернусь в Ригу и надо будет куда-то ходить, что-то делать, смотреть людям в глаза...

В шесть утра в дверь квартиры, где я ночевала, позвонили. Хозяйка открыла дверь, и через минуту в комнату вошли двое из моих доверенных лиц по избирательной кампании. Они сказали: «Твоя честь спасена» и протянули мне пачку совсем свежих латышских газет «Падомью Яунатне». Еще они сказали, что внизу стоит автомобиль, что они выехали из Риги, как только дождались выхода из печатной машины первых экземпляров сегодняшнего номера газеты, что сейчас меня отвезут в Ригу и спрячут в надежном месте, потому что в своей квартире мне пока оставаться опасно. Сказали, что весь город гудит по поводу вчерашних публикаций в русских газетах, а в сегодняшнем номере латышской центральной газеты на первой полосе в мою защиту напечатано «Открытое письмо Марине Костенецкой»....

Привожу сейчас, Георг, это письмо в своем переводе с латышского:

«Уважаемая, смелая Марина Костенецкая! Неважно, кем были Ваши родители, важно кем являетесь Вы. В наших глазах – глазах латышского народа – Вы гуманист и защитник прав человека, защитник детей-сирот и народов-сирот. Только бы хватило у Вас сил выдержать все эти низменные нападки! Думаю, перед латышами и перед другими порядочными людьми Вы могли бы и не объяснять ничего по биографиям своих родителей.

Ваша биография, уважаемая Марина Костенецкая, записана в биографию пробуждения латышского народа и известна во всем мире. Спасибо Вам за это!

С уважением

А. Тимрота, латышка»

Письмо было опубликовано 24 марта 1989 года, а через два дня, 26 марта, должны были состояться выборы. Утром 24-го меня привезли в Ригу и спрятали на конспиративной квартире.

Я продолжала пребывать в тяжелой депрессии. Помню, просила оставить меня в комнате одну и весь день слушала на проигрывателе одну и ту же пластинку – «Жертва вечерняя» Чеснокова в исполнении Государственного камерного хора и Ирины Архиповой. Заново открылась уже зарубцевавшаяся было рана детства – я опять была изгоем, дочерью «врага народа», и мне не хотелось больше оставаться среди людей.

О моем местонахождении в штабе Народного фронта знали всего несколько человек, и вот через них в тот дом, где я ждала исхода выборов, был передан пакет, который в Штаб принес рижанин, только что вернувшийся из Москвы. Этот человек был знаком с Анастасией Ивановной, и именно в эти дни он привез мне от Цветаевой привет. Не застав меня дома, догадался искать Костенецкую в Народном фронте, там узнал о сложившейся ситуации и передал пакет в надежные руки.

В завернутом оберточной бумагой пакете оказалась книга Анастасии Цветаевой «Моя Сибирь» и письмо:

«Мариночка, мой любимый человек! НЕЕСТЕСТВЕННО, что мы не в переписке! Отзовитесь!

Я буду ОЧЕНЬ рада получить от Вас весточку! Я чувствую с Вами какую-то кровную связь! Шлю Вам свою недавно выпущенную книжку и жду на нее отклик. Храни Вас Бог!

Обнимаю.

Ваша А. Цветаева на 95-м году.

P.S. Я болею, Мариночка...»

Это коротенькое письмо потрясло меня до глубины души. Как после стольких лет молчания Анастасия Ивановна вдруг почувствовала, что со мной происходит что-то неладное?! И первой бросилась это молчание прервать...

Я написала ей в ответ какое-то вымученное вежливое письмо с бодрими фразами – повесить свои горести на больного человека в столь преклонном возрасте, конечно же, не посмела. И больше ни одного письма от Анастасии Ивановны в жизни уже не получила.

Цветаева умерла 5 сентября 1993 года, всего год не дожив до своего столетия.

На следующий день после переданной мне через нарочного посылке Цветаевой состоялись выборы Народных депутатов СССР, и в Прейльском избирательном округе с большим отрывом я победила своего соперника от Интерфронта товарища Рымашевского.

• Marina: Когда будешь в сети, Георг, жду от тебя реакции на то, что послала тебе сегодня и вчера после обеда. Думаю, после сегодняшнего куска в тексте книги был бы уместен вопрос о том, что же именно инкриминировала Прокуратура АССР моему отцу в 1989 году (через 28 лет после его смерти) и чем весь этот фарс в русской прессе потом закончился... Но у читателя не должно остаться ощущения, что в биографии моего отца что-то все-таки «нечисто» — я могу отбить все подозрения.

И еще — посмотри, по-моему, 15 страниц для третьего куска я уже написала....

• Georgs: Из сегодняшнего дня это всё яснее ясного, что вся эта заварушка с твоим отцом была белыми нитками шитая провокация КГБ!

• Marina: Вчера перебирала на столе бумаги и вдруг обнаружила среди них старую журнальную вырезку с текстом Антуана де Сент-Экзюпери. Это фрагмент из его письма некоей госпоже Н.

Я просто поразились, Георг, тому, как своевременно этот текст попал мне на глаза! Ведь он писался 70 с лишним лет назад, когда меня еще и на свете не было, а оказался один к одному созвучным с тем, что я ощущаю в своей душе здесь и сейчас. Случайность? Но ты ведь знаешь, что случайностей не бывает. Прочти этот текст глазами сердца, ибо, как сказал все тот же Экзюпери, «Зорко одно лишь сердце, самого главного глазами не увидишь».

«...Хочу закончить свою книгу. Вот и все. Я меняю себя на нее. Мне кажется, что она вцепилась в меня как якорь. В вечности меня спросят: «Как ты обошелся со своими дарованиями, что сделал для людей?» Поскольку я не погиб на войне, меняю себя не на войну, а на нечто другое. Кто поможет мне в этом, тот мой друг... Мне ничего не нужно. Ни денег, ни удовольствий, ни общества друзей. Мне жизненно необходим покой. Я не преследую никакой корыстной цели. Не нуждаюсь в одобрении. Я теперь в добром согласии с самим собой. Книга выйдет в свет, когда я умру, потому что мне никогда не довести ее до конца. У меня семьсот страниц. Если бы я просто разрабатывал эти семь сотен страниц горной породы, как для простой статьи, мне и то понадобилось бы десять лет, чтобы довести дело до завершения. Буду работать не мудря, куда хватит сил. Ничем другим на свете я заниматься не стану. Сам по себе я не имею больше никакого значения и не представляю себе, в какие еще раздоры меня можно втянуть. Я чувствую, что мне угрожают, что я уязвим, что время мое ограничено; я хочу завершить свое дерево. Гийоме погиб, я хочу поскорей завершить свое дерево. Хочу поскорей стать чем-то иным, не тем, что я сейчас. Я потерял интерес к самому себе. Мои зубы, печень и прочее — все это трухляво и само по себе не представляет никакой ценности. К тому времени, когда придет пора умирать, я хочу превратиться в нечто иное. Быть может, все это банально. Меня не уязвляет, что кому-нибудь это покажется банальным. Быть может, я обольщаюсь насчет своей книги; быть может, это будет всего лишь толстенный посредственный том, мне все равно — ведь это лучшее из того, чем я могу стать. Я должен найти это лучшее. Лучшее, чем умереть на войне.

... Будь смерть лучшим, на что я теперь способен, я готов умереть. Но я ощущаю в себе призвание к тому, что кажется мне еще лучше... Теперь я на всех смотрю с точки зрения своего труда и людей делю на тех, кто за меня и против меня. Благодаря войне, а потом и благодаря Гийоме я понял, что рано или поздно умру.

Речь идет уже не об абстрактной поэтической смерти, которую мы считаем сентиментальным приключением и призываем в несчастьях. Ничего подобного. Я имею в виду не ту смерть, которую воображает себе шестнадцатилетний юнец, «уставший от жизни». Нет, я говорю о смерти мужчины, О смерти всерьез. О жизни, которая прожита...»

Это письмо Антуан де Сент-Экзюпери писал г-же Н. по поводу книги «Цитадель», которую он так и не успел закончить, погибнув все же именно на войне. Но какое счастье для нас, поколения пришедшего в мир уже после ухода из этого мира Экзюпери, что ТАКОЙ ПИСАТЕЛЬ ЖИЛ И ТВОРИЛ ДО НАС И ДЛЯ НАС!!! Знаешь, из всего, что Антуан де Сент-Экзюпери написал, я больше всего люблю его небольшое произведение «Письмо к заложнику». Все остальное тоже, конечно, очень люблю и ценю, но в «Письме к заложнику» для меня сказано все о том, как надо уметь любить жизнь и людей...

☛ Marina: Добрый день, Георг! Надеюсь, сегодня ты, наконец, вернешься домой из Риги и дашь мне знать о том, что получил и прочел посланные за последние дни тексты. ОЧЕНЬ ЖДУ ТВОИ ВОПРОСЫ И КОММЕНТАРИИ, потому что считаю тебя отнюдь не только читателем моей биографии, но и полноправным СОАВТОРОМ КНИГИ. Мы должны написать ее вместе, это ведь будет совершенно новый жанр — «роман в Скайпе».

☛ Georgs: Ну, это не совсем «роман»... Да, возвращаясь к теме твоего отца... У меня всегда один вопрос к этой «публике»: они что, считают, что СМЕРШ, а затем и НКВД что-то пропустили, не заметили, плохо сработали, халтурщики(?!), что через столько лет опять стали говорить о «недобитых фашистах»? При том жутком проценте совершенно невинных жертв мышь не могла проскользнуть сквозь это сито. А ведь твой отец был реабилитирован, без малого тридцать лет прошло, как уже

упокоился на кладбище... Так что вся эта эпопея с прокуратурой накануне выборов означает только одно, — они не могли ничего другого накопать против тебя.

☛ Marina: Естественно! Их раздражала моя популярность как честного публициста. Ведь «всемирную любовь» мне принесли именно статьи о детских домах. В 80-ые годы, в эпоху застоя они стали настоящей бомбой! Читатель XXI века и представить себе не может, чего стоило эту «бомбу» разместить в прессе и как неожиданно горячо откликнулось общество на правдивую информацию о том, что происходит в детских домах Латвийской ССР. Ведь через сорок лет после окончания войны детских домов в советском обществе априори не должно было существовать как таковых! Эта тема для печати была запретная.

4.

● Marina: ТЕПЕРЬ ПОПЫТАЮСЬ ОТВЕТИТЬ НА ТВОЙ ВОПРОС О ТОМ, ЧЕМ ЖЕ ИМЕННО МОЙ ПОКОЙНЫЙ ОТЕЦ ТАК СТРАШНО ПРОВИНИЛСЯ ПЕРЕД ПРОКУРАТУРОЙ ЛССР В 1989 ГОДУ?

Все очень просто, Георг. В 1989 году огромный государственный корабль, семьдесят с лишним лет плавивший под флагом СССР в светлое будущее всего человечества, вдруг начал давать крен, и на капитанском мостике началась паника. С одной стороны, по всей стране начали создаваться демократические движения в поддержку объявленной Михаилом Горбачевым перестройки. А с другой – стали возникать такие же массовые движения не менее активной части населения, которая считала советский режим единственным приемлемым для своего существования и восставала против любых перемен в СССР. В Латвии в поддержку демократии, по инициативе творческой интеллигенции, был создан Народный фронт, а в противовес ему, с подачи партийных функционеров самого консервативного крыла КПСС, Интерфронт. В предвыборной кампании Интерфронт применил против меня не просто грязные технологии политической борьбы, а разыграл еще и бездарный фарс по возбуждению нового «дела» по якобы имевшим место быть «военным преступлениям» моего давно уже упокоившегося на одном из рижских кладбищ отца. Самое подлое в публикации газеты «Советская Латвия» (орган ЦК КП Латвии), обличавшей мое «фашистское происхождение», было именно то, что на полном серьезе, от имени прокуратуры, в статье черным по

белому было написано: «Всем, у кого возникнут какие-то вопросы, но главным образом те, кто могут сообщить сведения о службе Г. Костенецкого на оккупированной территории, могут напрямую обращаться в прокуратуру».

Вообще вся статья журналиста «Советской Латвии» Я. Гланца «Такие сведения» от начала до конца была выдержана в стиле газетных разоблачений «врагов народа» 30-х годов, когда в сталинском СССР не только осуждали, но и расстреливали невинных людей исключительно по просьбе трудящихся. Биографией моего отца до чрезвычайности озаботились рабочие и служащие Производственного Объединения «Коммутатор», написавшие в редакцию соответствующее письмо, которое заканчивалось классической для этого жанра фразой: «Народ должен знать правду о кандидате в Народные депутаты СССР». Под письмом стояло 16 подписей.

Знаешь, Георг, сегодня я уже не обижаюсь на этих людей. Я пытаюсь их понять и простить. Но простить – не значит забыть...

Ведь истерия вокруг «фашистского прошлого» моего отца раздувалась не только на страницах русских газет. На одном из митингов Интерфронта лидеры этого движения Татьяна Жданок и Виктор Алкснис публично в микрофон читали выдержки из «дела» моего отца. Здесь и двух мнений быть не может: как, каким образом, с чьей подачи эти совершенно посторонние люди заполучили «дело», с которым я в свое время безуспешно пыталась ознакомиться на правах дочери осужденного. Но так или иначе в тот день, когда на армейском стадионе проходил митинг Интерфронта, там анонимно, в качестве наблюдателей, присутствовали и некоторые члены Народного фронта. После митинга ко мне домой пришли сразу несколько взволнованных народофронтовцев, чтобы предупредить об опасности – сторонникам Интерфронта против меня дана команда «Фас!». В частности, пришел латышский писатель и профессиональный журналист Андрис Якубанс. У него под курткой был спрятан

портативный магнитофон, на котором удалось записать и выступление организаторов митинга, и реакцию толпы на сообщение о моем «фашистском происхождении». Весь стадион на магнитофонной пленке скандировал в мой адрес: «К стенке ее! К расстрелу!»...

Я хорошо понимаю, что толпу можно очень легко «завести», понимаю, что эти люди искренне видели во мне своего кровного врага и готовы были на все, чтобы не допустить моего избрания депутатом СССР. Но я знаю и то, что сама никогда бы не опустилась до такой подлости в отношении своего оппонента, на которую пошел Интерфронт, пытаясь снять меня с финишной прямой выборов.

Ну, а теперь конкретно о «преступлениях» моего отца во время Второй Мировой войны на территории Латвии. По возрасту он уже не мог быть призван ни в одну армию – ни в Красную, ни в легион СС, но, оказавшись с волной беженцев из России в Латвии, должен был где-то трудоустроиться, чтобы элементарно содержать себя и семью. Он женился на моей маме в 1944 году, официальное венчание прошло в Кафедральном Православном соборе 10 июня. Будучи юристом, начал, было, работать по специальности, но столкнувшись с тем, что ему в обязанности вменялось и оформление документов на отправку мирного населения в Германию на принудительные работы, сразу же ушел с хорошо оплачиваемой должности и устроился корректором в русской газете «За родину». Да, газета выходила на оккупированной территории. Но отец был в ней всего лишь корректором, а никак не редактором и даже не корреспондентом, то есть занимал чисто техническую должность! И вот через 28 лет после смерти отца Я. Гланц, штатный журналист уже совсем другой газеты, выходящей в Риге совсем при другом политическом режиме, сообщает своим читателям, что Г. Костенецкий работал в газете «За родину» **КОРРЕКТОРОМ** и призывает идти в прокуратуру доносить о совершенных этим

корректором преступления на территории оккупированной Латвии...

Ничего более «опасного» в газетных публикациях 1989 года о деятельности отца не сообщалось, но сам посыл текста подразумевал какие-то известные пока только прокуратуре чудовищные факты, поскольку прокуратура посчитала уместным **НАЧАТЬ НОВУЮ ПРОВЕРКУ ДЕЛА ЧЕЛОВЕКА, ОТСИДЕВШЕГО В ЛАГЕРЯХ ДЕСЯТЬ ЛЕТ, А ТЕПЕРЬ ВОТ УЖЕ 28 ЛЕТ КАК УШЕДШЕГО ИЗ ЖИЗНИ!**

Историю с арестом отца я поведаю тебе, Георг, попозже, когда дойду до описания своего собственного прихода в мир. Ведь я родилась 25 августа 1945 года, и большую часть из девяти месяцев на пути в этот мир провела под бомбежками в Германии в лагерях для перемещенных лиц. Сейчас же, чтобы поставить точку в рассказе о бездарном фарсе, разыгранном Интерфронтом, скажу, что став Народным депутатом СССР, я пришла-таки в Прокуратуру АССР и попросила показать, наконец, и мне личное дело отца. Далее цитирую свою собственную книгу «Письма из дома» (стр. 251): «Как известно, политические заказы партийной прессой не обсуждаются, а выполняются. Обе газеты (одна – орган ЦК комсомола Латвии, другая – ЦК компартии Латвии) просто выполнили полученное задание. Однако, после провала «операции» и моей победы на выборах, просуществовавшая еще целых два года прокуратура АССР так и не сумела довести вновь открытое для дополнительного расследования дело покойного Григория Костенецкого до какого-либо логического конца – ни до разоблачительного, ни до оправдательного. Более того, когда уже в статусе члена Верховного Совета СССР я официально записалась на прием к прокурору АССР Янису Дзенитису, принять меня рискнул только его первый заместитель В. Даукшис. Разговор происходил при свидетелях – в прокуратуру я пришла с поэтессой Людмилой Азаровой и своим секретарем. На конкретную просьбу показать личное дело отца,

по которому, якобы, назначено дополнительное расследование, государственный обвинитель блудливо отвел глаза и сообщил, что показать ничего не может, поскольку дело уже возвращено в Ленинград, в архив Военного Трибунала округа. Но ведь во время предвыборной кампании дело Григория Костенецкого, имеющее гриф «секретно», находилось в Риге?! Да, находилось. На каком же основании? По чьему запросу? По какому, в конце концов, праву? Ответить на эти вопросы блюститель законности Латвийской Советской Социалистической Республики в 1989 году так и не смог».

● **Georgs:** Какое государство – такие и прокуроры!

*Бог с вами!
Будьте овцами!
Ходите стадами,
стаями Без мечты,
без мысли собственной
Вслед Гитлеру или Сталину.
Являйте из тел распластанных
Звезду или свастики крюки.*

Марина Цветаева, 1934 г.

● **Marina:** Самое смешное в той ситуации это то, что в Латвии на тот момент существовало целых две прокуратуры: одна – АССР, вторая – Латвийской Республики. Так что пусть это останется на совести прокуратуры АССР. Кажется, я уже писала тебе, Георг, что при Союзе писателей существовала такая благословенная организация как Литфонд. Быть членом Литфонда означало пользоваться множеством благ, недоступных простым смертным. Ну, во-первых, это раз в год бесплатная путевка в Дом творчества (за сравнительно небольшие деньги

можно купить еще несколько путевок как для самого писателя, так и для членов его семьи). Во-вторых, оплачиваемые творческие командировки по всему Советскому Союзу. В-третьих, право пользоваться услугами писательской поликлиники, где медицинское обслуживание, мягко говоря, отличается от уровня обычной районной поликлиники. Ну, и так далее, вплоть до права по членскому билету Литфонда ходить в знаменитый ресторан ЦДА (Центрального Дома литераторов в Москве). Помнишь, как в «Мастере и Маргарите» Азазелло и кот Бегемот пытаются пройти в этот ресторан, а строгая вахтерша требует, чтобы посетители предъявили писательские билеты? И как Бегемот задает вахтерше в ответ ехидный вопрос: «А у Достоевского был членский билет?». Да, чуть не забыла о главной привилегии – члены Литфонда могли получить квартиру либо в новых домах, которые строились самим Литфондом, либо занять освободившуюся жилплощадь классика, который улучшил свои жилищные условия, переехав в новый дом. Ведь весь жилищный фонд членов Союза писателей принадлежал уже не городским властям, а именно Литфонду. Кстати, та двушка в спальном районе, в которой я живу и по сей день, досталась мне от Союза писателей на вполне законных основаниях в 1978 году. Теперь тебе легче понять, почему молодому автору так трудно было стать членом Союза писателей СССР! Принимали туда по очень строгим критериям, ибо, как поется в песенке Булата Окуджавы, «...И пряников, кстати, всегда не хватает на всех». А ведь от «пряников», которые гарантировал членский билет Союза писателей в судьбе пишущего человека, зависело очень многое. Например, право не числиться нигде на службе, а заниматься только творчеством и жить на гонорары. В свое время будущий нобелевский лауреат Иосиф Бродский просто писал стихи и делал переводы, не будучи членом Союза писателей. По приговору советского суда, его выслали из Ленинграда по статье «тунеядство» и принудили к полевым работам в забытом Богом колхозе на севере страны. К чему я сейчас все это пишу тебе,

Георг? А к тому, что в 1982 году мне наскучила рутинная работа в «Даугаве». Ведь такие праздники как публикация Анастасии Цветаевой случались крайне редко, а поток графоманских рукописей не только не иссякал, но и рос вместе с ростом популярности самого журнала. Все это мне надо было читать, каждому автору отвечать, и при этом параллельно готовить в печать то, что считала необходимым публиковать редколлегия. И вот ближе к лету 1982 года я написала заявление об уходе из редакции и с легким сердцем отбыла к себе на хутор. Отныне я числилась свободным художником, занимающимся только собственным творчеством, благо от опасной статьи «тунеядство» меня уже надежно защищал членский билет Союза писателей. Ты спросишь, на какие все же деньги я жила, уйдя с работы? Вопрос закономерный, и чтобы честно на него ответить, я должна рассказать тебе, Георг, еще об одной благословенной организации, существовавшей под крышей нашего Союза писателей.

Называлась эта организация «Бюро пропаганды литературы» и занималась она тем, что, в первую очередь, проводила ежегодные Дни Поэзии. Эти дни проходили в сентябре, были приурочены ко дню рождения Райниса, и, согласно тщательно спланированному сценарию, чуть ли не все писатели стройными рядами отправлялись в сентябре в народ на творческие встречи. Основные торжества проходили в Риге у памятника Райниса и в зале Союза писателей особняка Беняминов на улице Кришьяна Барона, но помимо этого отдельно сформированными бригадами писатели разъезжались по всей Латвии и встречались с читателями в самых разных аудиториях – от актовых залов педагогических институтов в Даугавпилсе и Лиепae до маленьких колхозных клубов и сельских школ. В сельской местности писателей принимали особенно радушно. После встречи с народом в сельском клубе или на открытой летней эстраде накрывались богатые столы в финских банях (признак благосостояния колхоза), и нередко застолье длилось до утра, когда надо было ехать уже в следующий колхоз,

но тут выяснялось, что некоторые члены «писательской бригады» не могут выйти на сцену по состоянию здоровья, так что их трезвым коллегам приходилось общаться с читателями с двойной нагрузкой. Как бы то ни было, Дни Поэзии действительно были праздниками в масштабах всей Латвии, и заявки на конкретных писателей приходили из районов в Бюро пропаганды литературы загодя в течение всего года. Итак, Дни Поэзии, как я уже сказала, были главным событием года и для писателей, и для штатных работников Бюро. В остальные же одиннадцать месяцев года писатели встречались с читателями в более будничной обстановке, и приглашали их на читательские конференции, авторские вечера, литературные кафе и т.д., и т.п. либо сельские библиотеки, либо учебные заведения, либо дома культуры. Бюро пропаганды литературы было официальным посредником между писателем и пожелавшей встретиться с ним организацией. На конкретного писателя приходила заявка. Бюро выписывало писателю путевку на творческую встречу, а приславшей заявку организации счет. В этот счет входили расходы за использование машины Бюро пропаганды литературы, на которой писатели привозили и увозили (если транспорт обеспечивала принимающая сторона, то эта статья расхода в счет не вписывалась), а также гонорар самому писателю. После вычета налогов и оплаты услуг Бюро писатель на руки получал довольно скромную сумму, но если в месяц случалось несколько выездов, то на эти деньги можно было уже прожить. И так уж получилось, Георг, что в начале 80-х годов я стала уже довольно популярным писателем, и в Бюро пропаганды литературы на меня приходило много заявок.

☛ Georgs: Ты можешь поподробнее описать особняк Беняминов того времени, в котором «свили свое гнездо» (с разрешения и по приказу – а как иначе! новых советских властей) несколько творческих Союзов, с годами высиживших в этом самом гнезде Песенную Революцию, то бишь, Атмоду? Даже после 30 лет

советской власти дом сохранял ауру его хозяйки. Кстати, известный в 30-ые годы рижский прорицатель Эйжен Финк предсказал ей: «Вы умрете от голода на кровати из досок, у вас не будет даже подушки под головой!» Она, будучи, как мы теперь говорим, медиа-магнатом, не поверила. А зря. Умерла в сталинских лагерях от голода. В Латвии до сих пор вспоминают еще одно из его последних предсказаний о том, что наиважнейшие для страны события произойдут, когда год будет читаться слева направо и наоборот. В 1991 году была провозглашена независимость Латвии, а в 2002 году Латвия получила приглашение вступить в Евросоюз и НАТО.

☛ **Marina:** Еще раз напомним, что Особняк миллионерши Эмили Бенямин (Emīlija Benjamiņa), владелицы одной из самых популярных в буржуазной Латвии газет «Jaunākās Ziņas» (Новейшие вести – латыш.) и еженедельника «Atpūta» (Отдых – латыш.) находится на улице Кришьяна Барона, 12. Сама Эмилия Бенямин после установления в Латвии Советской власти была арестована и выслана в ГУЛАГ. Она умерла 23 сентября 1941 года от голода и дизентерии в лагере города Соликамск. Более подробно с биографией одной из богатейших женщин в довоенной Латвии можно ознакомиться в Википедии, особенно в английской её версии, набрав в поисковике ее имя.

Ладно! По всем этажам пройдуся по порядку. Начнем мы нашу виртуальную экскурсию с полуподвала. Не знаю, что именно находилось в многочисленных комнатах полуподвала и частично первого этажа (со стороны черного входа) при жизни самой Эмили Бенямин. Для меня история этого помещения после водворения в особняк Союза советских писателей Латвии начинается с ностальгических воспоминаний писателей старшего поколения о том, что в полуподвале располагалось кафе под названием «Пегас». Переступив порог Союза писателей впервые в 1963-м году, я, начинающий молодой автор, этого божественного кафе

уже не застала. Но после своего возвращения с Чукотки в 1967 году, пребывая все еще в том же статусе всего лишь подающего надежды молодого автора, была все же прикреплена уже к элитарной поликлинике Литфонда. И находилась эта поликлиника именно там, где когда-то писатели наслаждались жизнью в кафе «Пегас», то есть в полуподвале.

Если входишь в особняк через парадную дверь, оказываешься сразу перед широкой парадной лестницей двумя полукругами – один направо, другой налево – ведущей в бельэтаж, самую элитарную часть дома. Ну, а аккуратно против тяжелой входной двери здесь же, на лестничной площадке, несколько ступенек ведут вниз к небольшой дверце тоже с ажурными металлическими решетками на застекленной ее части. Вот за этой-то дверцей и скрываются довольно обширные помещения писательской поликлиники. На первом этаже этого медицинского учреждения находится аптека, рентген-кабинет, небольшой холл для ожидания пациентами очереди к нужному специалисту и гардероб самообслуживания. Здесь же, в холле, сидит дежурная медсестра, но не в привычном белом халате, как это принято во всех городских поликлиниках, а в форменном голубом платье сестры милосердия и белом переднике с красным крестом на груди – приятный привет из буржуазного прошлого...

На первом этаже находится и несколько врачебных кабинетов – стоматолога, глазного, терапевта и лаборатория, а дальше, через коридор, внутренняя лестница ведет на первый этаж того непарадного крыла дома, который окнами выходит во двор. На этом этаже расположен кабинет хирурга, невропатолога, лора, процедурная, еще какие-то помещения...

Между прочим, болеть писателям в этой поликлинике было очень выгодно. Все тот же богатый Литфонд щедро оплачивал больничные листы. Правда, этим правом могли пользоваться только действительные члены Союза писателей. Сейчас вспоминаю, что когда я уже имела в кармане заветный

членский билет, однажды на воспалении легких наболела на целый холодильник (первый в нашей с мамой жизни!), сделать такую покупку только с маминой пенсии и моих нерегулярных писательских гонораров было абсолютно нереально.

Полуподвал описала, теперь, Георг, поднимаемся по парадной полукруглой лестнице в бельэтаж и попадаем в самые репрезентабельные апартаменты М-ме Беньямин. Именно здесь, с приходом советской власти, расположилась организация под названием Союз советских писателей Латвии. Правое крыло лестницы ведет к служебным кабинетам Союза писателей, левое – сначала в каминный зал, а через него уже и в главный зал приемов с витражными окнами в сторону двора и большими светлыми окнами с видом на старейший в Риге Верманский парк. В зале – лепные потолки и золотистые штофные обои, слева – небольшая ниша с зеркальной стеной, из нее дверь ведет еще в одну небольшую комнату, где во время публичных мероприятий отдыхают в антрактах артисты и музыканты. Справа у окна в зале высокая инкрустированная дверь ведет в более парадную комнату отдыха – здесь для высоких гостей накрывался кофейный стол. Сам стол, покрытый мрамором, а гнутые ножки с резными завитушками – позолотой, тоже, несомненно, принадлежал когда-то госпоже Беньямин.

☛ Marina: НАПИШИ, НЕ СЛИШКОМ ЛИ ПОДРОБНО Я ОПИСЫВАЮ ДОМ МАДАМ БЕНЬЯМИН? МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО НЕИНТЕРЕСНО...

☛ Georgs: Пока не вижу проблем. Это «лирическое отступление» читатель всегда сможет опустить. Зато как историческое свидетельство – оно уникально.

☛ Marina: Ладно, тогда продолжу... Тем более, что сейчас там все уже перестроено – литовцы купили этот особняк под 4-звездочную

гостиницу, установили лифт, в зале, который я начала описывать, теперь ресторан...

Вообще в помещениях Союза писателей сохранилось многое из мебели бывшей владелицы особняка – от массивных письменных столов и книжных шкафов до изящных соф и диванов.

Еще в правом крыле бельэтажа находился так называемый «Кабинет Андрея Упита» – вход из каминного зала налево. В мое время там сидел кто-то из литературных консультантов, то ли прозы, то ли драматургии, а также проходили заседания Правления Союза писателей. В левом крыле располагались все остальные служебные кабинеты. Первого, второго, третьего секретаря Союза и – святая святых! – штатного парторга, в прямые обязанности которого входило строго присматривать за вольнодумной писательской братией. В конце коридора располагалась комната с полукруглой стеной, из которой стеклянная дверь вела на открытую террасу с колоннами. На террасе, видимо, когда-то дышали свежим воздухом гости госпожи Беньямин, но в 60-ые годы стеклянная дверь была закрыта наглухо. Саму же комнату делили между собой два консультанта: по всем жанрам русской литературы консультировал прозаик Василий Золотов, а известная поэтесса Мирдза Кемпе консультировала только латышских поэтов, поскольку по остальным жанрам у латышей были отдельные консультанты.

По бельэтажу прошлись – поднимаемся на следующий этаж.

Здесь помещения уже не такие роскошные, зато чего здесь только нет! Ну, во-первых, уже известные тебе Литфонд и Бюро пропаганды литературы. Во-вторых, сразу две редакции ведущих литературных изданий на латышском языке – журнала «Karogs» («Знамя» – латыш.) и газеты «Literatūra un Māksla» («Литература и Искусство» – латыш.). Помимо этого – несколько больших комнат занимает библиотека. В библиотеке есть и подсобное помещение, и – как я узнаю уже только во время баррикад – эти помещения когда-то были кухней госпожи Беньямин. А во время

баррикад на этой кухне вдруг вновь закипели котлы — известные и любимые в народе поэтессы варили в них сразу несколько разных супов и потом с кастрюлями спускались на этаж ниже. Через весь каминный зал по диагонали стояли накрытые белыми скатертями столы, и защитники баррикад, заросшие щетиной трактористы, приехавшие в Ригу из районов на своей колхозной технике, степенно черпали ложками из фарфоровых тарелок писательское угощение... Впрочем, я опять нарушаю хронологию! Так что прощай, возвращаюсь на второй этаж особняка.

На этом же этаже базируется еще и такая скромная организация, как Клуб Союза писателей. В Клубе тоже есть пара штатных работников, и они отвечают не только за обслуживание разного рода культурных мероприятий, которые в своем доме проводят писатели, но и за «буфет» на писательских партийных собраниях. Эти собрания бывают двух видов: открытые и закрытые. На закрытые мне, слава Богу, ходить не надо (я не член КПСС), а на открытые явка обязательна, хотя и считается добровольной. Так вот, самое приятное на этих собраниях — это импровизированный буфет, который Клуб устраивает в каминном зале бельэтажа. На столе стоят термосы с кофе и чаем, чашки, тарелки, большие подносы с пирожками и булочками. В «буфете» полное самообслуживание. Каждый может подойти к столу взять себе и кофе, и выпечку, а деньги честно положить на стоящую здесь же тарелку (ко всему съедобному, что стоит на столе, указаны ценники). Чтобы кто-нибудь все же не смухлевал, рядом со столом в роли наблюдателя сидит безмолвная сотрудница Клуба. Само партийное собрание проходит в соседнем большом зале, «буфет», по идее, должен функционировать только в перерыве, но послушно выслушав часть доклада, писатели все же сбегают по одному из большого зала в каминный за чашечкой кофе. Потом с недопитой чашкой в руках возвращаются на свое место в большой зал, чтобы и другие коллеги тоже могли перевести дух в соседнем помещении

— демагогию как самого докладчика, так и дежурных ораторов, выступающих в прениях, никто всерьез не воспринимает.

● Georgs: О, мне тоже приходилось бывать на подобных собраниях — только на Латвийском радио. Эта мука случалась раз в два месяца. Когда обсуждались «гениальные произведения «дорогого» Леонида Ильича Брежнева» — «Малая земля», «Возрождение», «Целина», решения очередного пленума или съезда КПСС. Это было невыносимо — два часа бреда, но с другой стороны интересно наблюдать, как нормальные люди слушают эту ложь и демагогию, а потом спешат назад к своим редакторским столам, стараясь не встречаться взглядами друг с другом. И за всеми нами с улыбкой наблюдал главный гебист, Начальник Первого отдела. Он-то точно знал, что ни выступающие, ни слушатели не верят тому, о чем говорят, но никто не пикнет даже слова против — так все были запуганы. Впрочем, и те, кто писал эти документы на Старой площади в Москве, и кто читал их с трибун кремлёвских съездов, в равной мере не верили ни слову написанному ими. Мы жили в стране тотальной лжи. Такая мерзость — эти «открытые партсобрания»! Ложь пронизывало всё общество с детских, детсадовских лет. Она не изжита до сих пор, — вот в чём наше горе. Нам, бывшим «советским», соврать, что два пальца... Кстати, а знаешь, какая из десяти заповедей нарушается при этом?

● Marina: Неужели — «Не убий»?

● Georgs: Ну, не так страшно... но всё же... «Не укради». Это мне когда-то отец Фиофилат объяснил. Обманывая, человек крадёт у тебя правду. Крадёт сознательно. А если правду крадут у целого народа? Подумай о последствиях для него и его потомков. Вопросы нет.

☛ **Marina:** Правда, ситуация резко изменяется, когда на писательских партсобраниях обсуждаются вопросы, связанные с изгнанием из СССР Солженицына или еще что-нибудь в таком роде. Тут атмосфера в большом зале накаляется до опасной отметки, ораторы рвутся взять слово, председатель собрания бессилён навести порядок – по всей стране начинают пробуждаться протестные настроения, и именно писатели передают через самиздат и личные контакты эстафету этих настроений из одной республики в другую.

Ну, и наконец, на третьем этаже особняка Эмилии Беньямин нашли пристанище сразу два творческих Союза – художников и композиторов. Там вплоть до 1988 года я практически не бывала, но с началом Атмоды именно в этих помещениях всюду забурлила политическая жизнь – Джемма Скулме, Председатель Союза художников Латвии, разрешила в помещениях своего Союза открыть пункт записи в Народный фронт, и скоро домуправ особняка всерьёз забил тревогу – далеко не новая деревянная лестница, ведущая с первого до третьего этажа, может рухнуть под тяжестью народных масс. Люди шли записываться в Народный фронт двумя непрерывными потоками: по одной стороне лестницы дисциплинированно поднимались, по другой также вежливо, без толкотни, спускались. И так с раннего утра до позднего вечера!

Но до рассказа об Атмоды мы с тобой, Георг, еще дойдем.

НА СЕГОДНЯ ЭТО ВСЕ. ВЧЕРА ТЫ ПРОСИЛ МЕНЯ ОПИСАТЬ ДОМ БЕНЬЯМИН – Я, КАК СУМЕЛА, СЕГОДНЯ ЭТО СДЕЛАЛА.

☛ **Georgs:** когда-то Бродский сказал – «Моя родина – русский язык». Я помню, как меня удивил тот русский, на котором говорили русские рижане, когда я переехал в Ригу. Кальки с немецкого, сильное белорусское влияние и островки великолепного классического русского у «старых русских», с которыми я имел счастье познакомиться. Интереснейший микс.

Ты родилась в старорусской семье, где говорили на правильном, чистом русском языке. Мама воспитывала тебя на классической русской литературе. Но потом ты поехала по России (СССР), встречалась с другими различными пластами русского языка, его наречий и диалектов. Как этот языковой опыт повлиял на тебя?

☛ **Marina:** Вопрос, конечно, интересный... Так сразу с кондачка и не ответишь! Да, с одной стороны, меня воспитывали на классической русской литературе. Я еще сама не умела читать, когда мама читала мне вслух рассказы Чехова (те, что были понятны ребенку) – «Ванька», «Беглец», «Лото», «Спать хочется»... Когда я рыдала навзрыд над судьбой Ваньки Жукова, мама не спешила меня утешать, не говорила, что «писатель это все просто придумал, а в жизни так не бывает» – нет, наоборот, мама осознанно обнажала мое сердце для сострадания. Но я сейчас о другом... Еще мне мама читала сказки Пушкина и детские рассказы Льва Толстого. Рассказ Толстого «Пожар» я с маминого голоса выучила наизусть и «декламировала» гостям от начала до конца, приводя в изумление взрослых. В то же время мама читала мне и в русском переводе рассказы Бирзниека-Упитиса «Пастариныш дома» и «Пастариныш в школе», и я с первых лет жизни приобщалась к ментальности хуторской жизни латышей. Ну, и главное – во дворе у нас детей латышей было больше, чем русских, и я в детстве заговорила ПРАКТИЧЕСКИ СРАЗУ НА ДВУХ ЯЗЫКАХ – русском и латышском. Сама мама, помимо латышского, свободно владела еще английским, неплохо немецким и немного французским. Но русский у нее был ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ОТ СТАРОЙ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ по воспитанию и, чистый по истокам – ведь ее отец был купцом второй гильдии, но в Ригу приехал только в конце 19-го века. Приехал как сын крестьянина Санкт-Петербургской губернии из деревни Мыслино. Бабушка, бабушкина жена, родом тоже была из тех же мест – из соседней деревни. Да, потом меня жизнь много мотала по свету, я замечала и окаяющий говор в Архангельской области (туда меня носило

в ранней молодости, еще до Чукотки, на Соловки – посмотреть на места сталинского ГУЛАГа), и мягкий говор с неповторимым произношением русских слов на Украине (родина моего отца), и сленг советского новоязыка в Москве... Потом, как ты знаешь, я много жила в разных регионах Латвии, и здесь столкнулась не только с РАЗНЫМ РУССКИМ ГОВОРом, но и с непривычным для уха рижанки произношением латышских слов. Короче говоря, я хоть и русский писатель, но, конечно же, «латвийского разлива»

• Georgs: Марина, приятель прислал мне ссылку – удивительно мыслящий актёр был.

Дневник актёра Георгия Буркова: СССР – это огромная зона.

Советский актёр Георгий Бурков всю жизнь вёл дневник. В нём он не только размышлял о кино и театре, но и о – русском обществе и истории. Он не верил, что русские смогут перестать быть расходным материалом государства, а итогом перестройки видел разграбление советских активов и появление новой номенклатуры.

Большевикам нужна атомная бомба для того, чтобы удержаться у власти, т. е. против своего же народа. Пройдет немного времени, и они начнут шантажировать весь мир, чтобы весь мир умолял нас, народ, не делать революции и терпеть этих упырей и содержать их. Непрекращающаяся гражданская война против своего народа, колониальный режим, незаметное военное положение, а проще – всесоюзная зона. Все это измотало народ. Он уже понял, что сегодняшняя передышка (ухудшение) несет нечто новое для него, народа-то. Новое и страшное. Если раньше разбазаривали природные ресурсы и культуру, то теперь, похоже, собираются торговать нами.

• Marina: А еще спасибо большое за дневники актёра Георгия Буркова! Какое счастье, что у России в конце XX века были и такие сыны... Сегодня их голос звучит ещё актуальнее! Ведь пока

не прочтёшь в самом конце текста, что это выдержки из дневника 80-х годов, кажется, что написано ИМЕННО СЕГОДНЯ!

• Georgs: А я опять о языке. Дело в том, что я приехал в Ригу в 1972-м году, как говорится, «migrantus vulgaris», и моё филологическое ухо сразу уловило эту заметную языковую разницу между метрополией и окраиной. Я понимал местных русских, но, порой, не понимал, как они строят фразы, иногда казалось, будто они подстрочный перевод читают. И сегодня вопрос сохранения русской культуры по большому счёту значит и сохранение чистого русского языка. Я по своим студентам вижу, как им, бедным, трудно выразить свои простейшие мыслишки. У меня были такие экземпляры, которые предпочитали рефераты писать сразу по-английски.

• Marina: А где он сегодня сохраняется чистым?! В России?! Не смей мои тапочки... Боюсь, что сегодня чистым русский язык остается только у потомков первой волны эмиграции в Европе. Да, в Латвии, конечно, говорить о сохранении русской культуры сложно. Сегодняшние «хранители» скорее озабочены сохранением советской культуры – а это далеко не то же самое, что русская культура. Нас, потомков старых русских, идеологи могущественного Интерфронта всех скопом объявили пособниками фашистов, мои книги в Риге к продаже отказались принять так называемые «русские» магазины. Впрочем, я попала в хорошую компанию: эти же магазины объявили, что не будут принимать к распространению книги Михаила Булгакова, как сатаниста, разрушающего духовные скрепы... В Латвии вместо русского языка существует смесь советского (из Зощенко), белорусского, латгальского и латышского – всего понемногу. Но зато какие амбиции у целого десятка общественных организаций, как бы представляющих «русскую культуру»!

☛ Georgs: Да, конечно. Я знаю многих настоящих местных русских интеллигентов, которые не входят ни в одно из этих обществ. Зато мне посчастливилось работать на радио, например, с Марией Сергеевной Плюхановой, племянницей Александра Блока. О, какой же у неё был русский язык! Это как дышать! При этом она знала прекрасно и латышский, и эстонский, поскольку семья после революции эмигрировала в Таллинн. Кстати, все старые русские, а я познакомился с несколькими семьями, все знали по нескольку языков – немецкий, английский, французский и латышский само собой. Для них это не было проблемой. Почему? У ТЕХ русских были другие мозги? И еще... Они не боролись за право «не знать».

☛ Marina: ПОЗДРАВЛЯЮ!!!! Мария Сергеевна Плюханова – близкий друг нашей семьи! Для меня она в детстве была просто тётей Мулей. Отец ее мужа (Бориса Плюханова) был крестным отцом моей мамы! А их дочери – Наташа и Мариша брали у моей мамы уроки музыки и были моими подругами детства... Искрывающий ответ же на твой вопрос о том, были ли у русской интеллигенции довоенной Латвии другие мозги, в статье, которую ты же мне и присылал, дал актер Георгий Бурков: советская власть уничтожила в России два основополагающих класса нации – интеллигенцию и крестьянство. Отрицательная селекция. Делала это системно и целенаправленно. Вот и всё. Об этом сняты целые фильмы о тайных опытах биолога Ильи Иванова.

Кстати, именно Борис Плюханов поддерживал переписку с русской интеллигенцией и в Европе, и в Канаде, и в Америке, не боясь преследований в брежневские времена, хотя после войны тоже успел какое-то время провести в ГУЛАГе, после возвращения женился на Марии Сергеевне и у них родились две девочки. Да, Мариша живет в Италии, а Наташа стала хирургом-стоматологом и работала в рижском Институте стоматологии. Сейчас связь у нас

прервалась. Последний раз все встречались на похоронах Бориса Плюханова.

Тот рижанин, которого я упоминаю в связи с распространением публикации Цветаевой в «Даугаве» в Англии и Франции – это именно Борис Плюханов, для меня просто дядя Боря...

Но вообще-то пути русского языка неисповедимы! Как ты можешь объяснить тот факт, что чукотский пастух (чистокровный чукча по седьмое колено!), попав в первом поколении в русскую школу у себя в Заполярье (хотя школа опять-таки уже не русская, а советская) за восемь лет выучил русский язык так, что не только писал без грамматических ошибок, но использовал, записывая легенды чукотского народа, редко встречающиеся обороты русского языка! Ведь у меня этому есть документальное доказательство – тетрадь, где почерком Кувлюка записаны собранные им сказки и легенды. Да, но ты, Георг, выбил меня своими вопросами из колен повествования! То особняк Эмилии Беньямин просишь описать, то о нюансах русского языка порассуждать... А до этого мы остановились на том, что Бюро Пропаганды Литературы давало возможность безработным писателям иметь хоть какой-то прожиточный минимум в виде гонораров за выступления, и что я этой благословенной возможностью активно пользовалась. Так вот, возвращаясь к теме Бюро, еще раз повторю, что главным событием года для этого учреждения все же были сентябрьские Дни Поэзии. В эти Дни от особняка Беньяминов отбывали автобусы с писательским десантом по разным городам и весям всей Латвийской ССР, при этом творческие бригады формировались с учётом языковой аудитории в разных регионах.

В 1982 году я, единственный прозаик в компании латышских и русских поэтов, попала на Дни Поэзии в Латгалию. Бюро Пропаганды литературы доверило мне поговорить с местным населением за жизнь не стихами, а на понятном и русским сельчанам языке. Конечно, стихи (особенно латгальских поэтов)

здесь тоже воспринимались на ура! Переполненные залы хором подпевали Петерису Юрциньшу песню на его слова «Valodžīte» (Иволга – латыш.), знаменитые латгальские гончары приурочивали к Дням Поэзии открытие своих обжиговых печей с вазами, подсвечниками, декоративными тарелками... Латгальский мед и пиво, яблоки и сливы, пироги и копчёности – от всего этого ломились столы в каждом колхозе! Ведь увидеть живую поэта, которого до этого видели только в телевизоре, для сельской публики было событием неординарным. Но у меня, как прозаика, была своя собственная ниша. Люди читали в газетах мои статьи и рассказы, так что в меньшей мере со сцены, а в большей – уже в непринуждённой обстановке застолья со мной доверительно велись весьма раскрепощённые разговоры. И вот в один из таких вечеров мне вдруг сказали, что завтра мы будем выступать в Калупской школе-интернате, но в этой школе с детьми надо говорить очень осторожно – лучше совсем не упоминать слова «мама». Почему?! Ну-у... Понимаете, это только на вывеске школы написано «Школа-интернат», а на самом деле это детский дом. Полное название школы: Школа-интернат для сирот и детей, лишенных попечителей.

☛ Marina: Ну вот, Георг, я уже на низком старте... Завтра напишу то, что планировала успеть сделать сегодня. Не сердись, что не получилось! Только что полчаса проговорила с Инессой по телефону – обе отвели друг другу душу. Я теперь знаю, почему тебе пришлось землю носить на кладбище, а Инесса знает, как больно мне было читать некролог о Юрисе Закисе, бывшем ректоре Латвийского университета, в котором ни одним словом не было упомянуто, что Закис был Народным депутатом СССР. Про то, что был депутатом которого-то там Сейма, написали, про то, что был депутатом Рижской Думы – написали. а вот быть Народным депутатом СССР в новейшей истории Латвии, оказывается, уже зазорно. За что же тогда я боролась в Москве? И

за что была осквернена память моего отца?... Знаешь, сейчас я всё лучше начинаю понимать – НАША КНИГА КАК ДОКУМЕНТ ИСТОРИИ МОЖЕТ ОЧЕНЬ ЕЩЁ КОМУ-НИБУДЬ ПРИГОДИТЬСЯ... ЛЕТ ЧЕРЕЗ 50...

Сегодня в это трудно поверить, но в 80-ые годы подавляющее большинство советских людей и не подозревало о том, что в стране развитого социализма все ещё существуют детские дома. Ведь в газетах писали, что советские дети – самые счастливые дети в мире! Что у них есть свои дворцы пионеров, пионерский лагерь «Артек», спортивные и музыкальные школы, множество других земных благ. Что ничего подобного нет в странах загнивающего капитализма, где дети с ранних лет вынуждены сами зарабатывать себе на хлеб.

Почему-то в советских газетах не писали о том, что без малого через сорок лет после окончания войны, когда поколение осиротевших в лихую годину детей давно уже выросло, детские дома в СССР не только не исчезли, а наоборот – с каждым годом открывались всё новые и новые. Ну, а уж если о каком-то явлении в жизни советского общества не писали в газетах, то оно, это явление, априори, и в природе не могло существовать! Так что на Днях Поэзии в 1982 году все участники нашего писательского десанта были поражены увиденным в Калупской школе-интернате.

Помню, как нас шокировал в зале вид некоторых остриженных наголо девочек. После выступления мы обедали в школьной столовой с педагогами и спросили у них, почему у девочек-подростков такая странная причёска. Нам ответили с обескураживающей прямоотой: персонал не успевает бороться со вшами. Ещё мы спросили, почему у многих детей ботинки одеты на босу ногу, а не на колготки или хотя бы на носки. И опять получили очень простой и честный ответ: по нормам мягкого инвентаря чулок на одного воспитанника интерната в год выделяется в несколько раз меньше, чем их ровесники снашивают в обычной семье. При этом в семье ещё может быть бабушка,

которая прохудившийся носок заштопает, а в интернате на двести с лишним детей нет ни одной бабушки. Носки и колготки воспитатели берегут к холодам, в сентябре можно ещё и на босу ногу ботинки обуть.

Но больше всего меня поразил директор интерната Александр Яковлевич Городинский. Совсем ещё молодой человек, потомственный педагог, выпускник физико-математического факультета Даугавпилсского Педагогического института, на эту должность он был назначен всего несколько месяцев назад. Так вот, Городинский не только не боялся говорить с нами открытым текстом обо всех проблемах интерната и своих конфликтах с районным руководством, но, как выяснилось, это именно он настоял на том, чтобы в план встреч писателей с читателями на этих Днях Поэзии была включена и его школа-интернат. Я спросила у Александра Яковлевича, сможет ли он принять меня в интернате на неделю в качестве корреспондента газеты, если мне удастся получить командировку? Он мне ответил встречным вопросом: «Вы всерьёз думаете о нас написать? Думаете, вам позволят?» Я пробормотала что-то вроде того, что под лежачий камень вода не течёт, и Городинский поспешил меня заверить, что в интернате на неделю мне, конечно, выделят комнату и позволят увидеть всё, что я пожелаю увидеть как журналист.

В Риге, вернувшись с Дней Поэзии, я сразу же пошла в редакцию «Padomju Jaunatne» выбивать командировку. Почему я, русский писатель, решила обратиться в латышскую газету «Padomju Jaunatne», а не в аналогичную русскую «Советская молодежь»? По двум причинам. Во-первых, это были два разных издания, с отдельными редакциями (хотя обе газеты являлись органом ЦК ЛКСМ), публикации в них не дублировались, но латышская газета иногда могла позволить себе печатать более острые материалы. Объяснялось это тем, что пресса на русском языке распространялась и за пределами республики, так что за «Советской молодежью» цензура, соответственно, присматривала

построже. У меня не было ни малейших иллюзий насчёт возможности пробить в «Советской молодежи» крамольный материал о детском доме! А с «Padomju Jaunatne» у русского писателя Марины Костенецкой давно сложились хорошие отношения. Там в переводах печатались мои рассказы и статьи. Основное же преимущество латышской газеты заключалось в том, что заместителем главного редактора в «Padomju Jaunatne» был очень светлый и бескомпромиссно порядочный человек Дзинтра Криеване, с которой мы к тому времени, как говорится, уже пуд соли вместе съели. Выслушав рассказ о Калупе, Дзинтра без колебаний выписала мне командировку и благословила на написание статьи.

☛ **Georgs:** Да, на таких людях, на профессионалах, держались лучшие издания. Я помню рижский журнал «KINO», где главным редактором была Нина Колбаева, а её замом прекрасный кинокритик Галина Фролова. Это издание было зарегистрировано не как журнал, что было принципиально в Союзе, а как бюллетень, именно этот статус позволял им быть более свободными в выборе тем и текстов. Мы рассылали этот журнал повсюду Союзу, поскольку «Советский экран» в то время уже просто невозможно было читать.

☛ **Marina:** Позже, во времена Атмоды, когда главным редактором в «Padomju Jaunatne» был назначен бывший инструктор ЦК КПЛ Андрей Цирулис, самые острые статьи на страницах этой газеты появлялись в дни, когда главред бывал в отъезде, и номер в печать подписывала его заместитель Дзинтра Криеване. Но это так, к слову... А в ещё застойном 1982 году в Калупе я вернулась с тяжёлым чемоданом, нагруженным детскими книгами из моей домашней библиотеки. Не раздумывая, смела с полок всё, что годами собирала в раздел «Детская литература», когда на Днях Поэзии убедилась, что в школьной библиотеке нет ничего из того, что есть в моем доме.

Дело в том, что в самой читающей в мире стране СССР практически невозможно было купить хорошую книгу. И отнюдь не потому, что хорошо иллюстрированные книги той же детской классики не издавались — издавались, и притом огромными тиражами! Но страна действительно читала запоем, и очень редко что-то из стоящих книг можно было купить в обычном книжном магазине. Поэтому у Литфонда в городе была собственная Книжная Лавка со специальным отделом, обслуживающим только членов Союза писателей. В этом отделе у каждого из нас был свой собственный шкафчик. Все издательства СССР в конце года выпускали тематические планы, мы делали по этим планам заказ, и когда соответствующая книга доходила до Книжной Лавки Литфонда, продавцы клали её в шкафчик конкретного писателя.

☛ Marina: Странно сейчас всё это писать... За какие-то неполные тридцать лет ситуация изменилась с точностью до наоборот! Сегодня книжные магазины завалены самыми дефицитными в своё время в Советском Союзе книгами, самыми роскошными изданиями всех жанров литературы, а читатель ушёл в интернет, и «бумажные» книги теперь годами ждут своего покупателя.

☛ Georgs: Ну, ты не права, — не все. Есть такие книги, что разлетаются, как горячие пирожки. Кстати, я (в качестве маркетингового исследования) пытался найти хоть одну твою книжку в магазинах. Вотще! Продавцы сказали сразу: И не ищите — всё давно распродано.

☛ Marina: Прости, Георг, опять отвлеклась. Итак, я приехала в Калупе в командировку и целую неделю прожила там как бы в шкуре с одной стороны воспитанников интерната, а с другой — педагогов. Я приходила утром в спальни на подъём, а вечером на отбой, днем сидела в классах на уроках, а после уроков в кружках и спортивных секциях. После отбоя каждый

вечер в кабинете директора проходил педсовет и, помню, как меня потрясали отчёты воспитателей за прожитый день: Таня сегодня плакала три раза... Игорь получил от матери письмо из тюрьмы... Коля опять прячет в шкафу спальни приبلудную собаку... И директор уточнял, из-за чего именно Таня плакала три раза, что мать написала Игорю, и как он воспринял письмо. Колиной собаке решено было позволить на ночь оставаться в спальне, а на день все же нужно уговорить хозяина отводить ее в кочегарку, чтобы, неровен час, не нарваться на проверку санэпидстанции...

Самое трудное для меня во время этой командировки было попасться на глаза детям с зарёванным лицом. Нервы сдавали по несколько раз в день. Помню, как-то раз зашла в спальню старших мальчиков пожелать им спокойной ночи, а они мне вдруг говорят: «Хотите, наш гимн послушать? Мы его каждый вечер поём». И сегодня ещё у меня перед глазами чётко стоит эта картина, Георг: подростки сидят в вылинявших майках на железных кроватях, руками обхватили горкой согнутые под байковым одеялом ноги и ломающимися голосами вместо колыбельной сами себе поют странный гимн:

*Над нашим домом целый год мели метели,
И дом по крышу замело.
А мне сказали, что за тридцать земель
В домах и сухо, и тепло.
И я, узнав о том, покинул отчий дом.*

*Меня с улыбкою встречали тут и там,
Сажали есть, давали пить.
А я устал скитаться по чужим домам,
А свой никак не мог забыть.
И темной ночью, и самым светлым днём
Как хорошо иметь свой дом...*

Короче говоря, моя статья «Репортаж из страны детства» не вместила и малой доли того, что я в этой скрытой от посторонних глаз стране пережила за неделю в реальной жизни.

Но очень скоро выяснилось, что неделю прожить в детском доме и написать саму по себе статью только полдела! Надо было ещё, чтобы этот материал напечатали в газете. Да, Дзинтра Криеване приняла текст сразу и без сокращений, но Дзинтра была всего лишь заместителем главного редактора. В случае чего, большие неприятности, вплоть до увольнения, грозили именно главному редактору Монике Зиле, и она приняла решение подстраховаться: отнесла статью на утверждение даже не в ЦК комсомола, курирующего газету напрямую как свой печатный орган, а сразу в ЦК компартии. Из своего сегодняшнего дня я прекрасно понимаю, что это было мудрое и единственно возможное для всех решение. Однако когда в 1982 году я увидела вернувшийся из ЦК машинописный текст своей статьи, густо исчерканный сокращениями и назидательными комментариями, в глазах у меня потемнело! Я категорически заявила, что в таком изуродованном виде публиковать статью не позволю. Хорошо помню разразившуюся в кабинете главного редактора сцену. Я порываюсь схватить со стола исчерканный экземпляр своего детища, чтобы тут же порвать его на мелкие кусочки, а Дзинтра Криеване и Моника Зиле, в буквальном смысле слова, держат меня за руки и убеждают, что лучше напечатать статью со всеми сокращениями, чем не печатать её вообще. Но я ведь написала чистую правду! И ещё далеко не всю! Если нельзя говорить, что в Советском Союзе существуют детские дома, в которых живут сироты при живых родителях только потому, что родители либо сами их бросили, либо лишены родительских прав за пьянство, то никто ведь ничего не поймет! И то, что игрушек в этом детском доме нет, и что инвентаря катастрофически не хватает и... Помню, Дзинтра Криеване на мою пылкую тираду с убийственным спокойствием ответила: «Мы будем материал

печатать. Будь это художественный рассказ, вы имели бы право как автор забрать его назад. Но это документальная публицистика, за ней стоят живые дети».

Статья и после всех сокращений всё же оставалась большой. Она была напечатана с продолжениями в трёх номерах газеты: 8-го, 10-го и 11-го декабря 1982 года. Я была в полной уверенности, что читатель ничего из изуродованного текста не поймёт, но оказалось, что и в таком виде «Репортаж из страны детства» всё равно произвёл эффект разорвавшейся бомбы – на редакцию обрушился шквал телефонных звонков и поток читательских писем...

Городинский тоже прислал мне письмо с благодарностью за статью и приглашением приехать в Калупе на школьную ёлку. Так что в конце декабря я опять отправилась поездом в Даугавпилс, где на сей раз директор калупского интерната встречал меня прямо на перроне. Едва мы сели в интернатский москвич-пикап, как Александр Яковлевич разразился эмоциональным монологом: «Машина не успевает ездить на почту за посылками! Вы не представляете, что вы натворили! Я никогда не запираю от детей на ключ свой кабинет, а сейчас вот вынужден запереть... Подождите, сами сейчас всё увидите!»

Как только мы с Городинским вошли в вестибюль школы и приблизились к его кабинету, тут же, откуда ни возьмись, у двери возникла толпа из учеников младших классов. Александр Яковлевич обратился к ним со странной фразой: «Как мы договаривались? Глазками смотреть, ручками не трогать!»

Да, Георг, и эта картина тоже стоит у меня перед глазами так ярко, как будто всё произошло только вчера. Просторный кабинет директора школы сейчас выглядел каким-то сюрреалистическим складским помещением, по которому было невозможно нормально передвигаться. Чтобы дойти до своего кресла, Городинский вынужден был буквально лавировать через завалы из мягких игрушек, кукол, заводных машин, спортивного инвентаря, мешков со сладостями... Всё это горами возвышалось

также на столе, на стульях вдоль стен, на подоконниках. Я не успела ничего спросить, потому что в этот момент толпившиеся у дверей малыши вслед за директором ворвались в кабинет и... тут же дисциплинированно сами выстроились в ряд и, сложив руки за спиной, гуськом медленно пошли вокруг кабинета по свободному ещё от вещей пространству на полу. К горлу у меня подкатил комок. Почему-то в этот момент я вспомнила картину Ван Гога «Прогулка заключённых» – там также гуськом, по тюремному дворику, руки за спиной... Но дети, проделав полный круг по кабинету, вышли в коридор с таинственной улыбкой на лице и уже у дверей радостным шёпотом сообщили мне: «Завтра Дед Мороз всё это принесет нам на ёлку!». Только теперь я осознала, что «натворила» своей статьёй: две недели со всех концов Латвии на почту в Калупе приходили адресованные детскому дому посылки, и, как выяснилось потом, своим транспортом приезжали даже целые делегации от рабочих коллективов с мешками подарков.

☛ Marina: БОЮСЬ СЛИШКОМ УГЛУБИТЬСЯ В ЭТОТ РАССКАЗ – ПОЭТОМУ СЕГОДНЯ ПОКА СТАВЛЮ ТОЧКУ. Ведь одно дело рассказать в деталях всё Георгу за чашкой кофе, а другое – предложить читателю слишком подробное описание «чуда». Завтра подумаю, стоит ли писать о поездке на Карпаты. Сейчас иду на кухню кормить Катю, а заодно и «себя любимую». Напиши, получил ли текст.

☛ Georgs: Нет, про Карпаты обязательно надо написать! Это очень красивая история. Она показывает, как любовь рождает встречную любовь. Я всё-таки придерживаюсь мнения, что люди агрессивные, нечистоплотные, не порядочные – это те, кто недополучили любви в детстве. Многие их поступки – это крик о любви: Ну, полюбите меня! Это психологи могут лучше меня объяснить. Помнишь, в наше время была популярной фраза «Мы все родом из детства»? Так вот, сердца этих несчастных

детей, которые с рождения были лишены родительской любви и ласки, открылись, как только они встретили искреннего человека, заинтересованного в их судьбе.

☛ Marina: Ну, хорошо... Итак, в ночь перед ёлкой все воспитатели и учителя школы в поте лица укомплектовывали в кабинете директора мешки Деда Мороза. Мешков получилось много – по два, по три на каждый класс, а чтобы Дед Мороз чего-нибудь не напутал, к каждому подарку была прикреплена записка с именем конкретного получателя. Всё равно игрушек оказалось больше нужного, и излишки из директорского кабинета той же ночью были перенесены на вещевой склад как резервный фонд для празднования в будущем дней рождений учеников младших классов. Старшеклассникам кукол и заводных машинок в мешки, конечно, не клали. Им, помимо общих для всех сладостей, достались настольные игры, спортивный инвентарь и... солидная денежная сумма, которую делегаты какого-то рабочего коллектива привезли директору школы со словами: «Купите своим детям то, что не предусмотрено статьями расхода из государственного бюджета». Поразмыслив, Городинский решил, что никакими статьями из школьного бюджета невозможно оплатить поездку учеников на лыжный курорт в Карпаты. Будучи сам заядлым горнолыжником, он бывал в Карпатах не раз, знал, где по сходной цене можно снять на неделю жилую избу человек на тридцать (спать в спальниках на полу для интернатских не проблема!), лыжи и ботинки напрокат можно взять здесь же, в Латвии; на железнодорожные билеты в плацкартном вагоне денег из подаренной суммы тоже вроде хватает... Итак, решено: самых «трудных» подростков, которым просто необходимо ощутить выброс адреналина, Городинский везёт на горнолыжный курорт. Ведь самая высокая гора в Калупе это школьный погреб – какой уж тут адреналин!

Возвратившись после ёлки в Ригу, я обнаружила у себя в почтовом ящике письмо от восьмиклассников из Калупе. Ребята

спрашивали, какого размера лыжные ботинки надо брать для меня напрокат, потому что я обязательно тоже должна ехать с ними на Карпаты. Письмом я, конечно, была очень тронута, но честно написала детям, что у меня бывают проблемы со спиной, так что в горах я могу стать для них обузой. Через пару дней из школы пришел ответ, который я запомнила на всю оставшуюся жизнь: «В войну с поля боя раненных выносили под пулями. Неужели наш интернат не снесёт вас с Карпат?!». После такого письма не ехать было уже нельзя, и я отправилась в спортивный магазин покупать лыжный костюм.

Тридцать пять лет в моём доме хранится буковая дощечка из шалевых дров, которыми мы топили на Карпатах нашу избу. Красивыми буквами ножом на дощечке вырезано слово «Калупе». Этот самодельный сувенир ребята подарили мне на горнолыжном курорте, где на обычных деревянных лыжах они выделяли виражи покруче, чем их ровесники из состоятельных семей на слаломных. Да, они не могли купить мне дорогой памятный подарок в сувенирном магазине, но чтобы их сувенир всё же больше походил на покупной, свою дощечку с названием родной школы ребята обожгли на плите. И знаешь, Георг, почему я так дорожу этим подарком? Потому что это была благодарность от тех мальчишек, которые в интернате пели себе вместо колыбельной этот странный гимн:

*Над нашим домом целый год мели метели,
И дом по крышу замело...*

Ну, а дальше с газетными статьями о детских домах всё пошло по нарастающей. Неожиданно выяснилось, что общество, зомбированное идеологической ложью, испытывает острый дефицит сострадания и правды. Что в сердцах бодро марширующих в светлое будущее советских людей чужая боль способна всколыхнуть самую разнообразную гамму нормальных человеческих чувств... Люди звонили и писали в редакцию

газеты, сами узнавали адреса других детских домов, брали сирот в семью на выходные и каникулы, а нередко и сразу усыновляли. Я продолжала писать на эту тему и очень скоро открыла для себя новые острова Архипелага маленьких изгоев, говорить о которых в обществе победившего социализма было не принято.

В этом Архипелаге Детского Одиночества были разные острова. Некоторые, наподобие Архипелага ГУЛАГ Солженицына, были даже обнесены колючей проволокой. Но все вкуче они были отгорожены от общества высокой стеной замалчивания самого факта своего существования. Ещё раз напомним: если о каком-то явлении в СССР не писали в газетах, значит этого явления просто не могло существовать в природе. Но то, что я сейчас называю социальными островами маленьких изгоев, существовало рядом с нами. И в конце эпохи брежневского застоя пришло время заговорить обо всём этом во всеуслышание. В конце концов, все люди хотят знать правду.

Итак, на одном из островов находились вспомогательные школы. Туда по направлению психиатрической экспертизы направлялись дети с задержкой умственного развития, но чаще уже с пожизненным клеймом диагноза «олигофрения в стадии дебильности». В основном это тоже были школы-интернаты, но у воспитанников этих интернатов были родители, к которым дети могли приезжать на выходные дни и на каникулы.

Интернатами же эти школы были по той простой причине, что туда собирали относительно немногочисленных больных детей с целого региона, то есть учились они далеко от дома. Одна из таких школ находилась на берегу моря в Мазирбе, и там учителем рисования работал удивительный человек Андрис Гринбергс. Собственно, он мне и открыл этот остров. И не просто открыл. С первых дней знакомства Гринбергс стал горячо убеждать меня в том, что его дети очень талантливы. То, что им не по силам освоить курс физики и высшей математики, ещё не означает, что они не имеют преимуществ перед своими «нормальными» сверстниками

в других сферах. Они, например, очень тонко чувствуют музыку и прекрасно рисуют. Просто они другие.

Вокруг здания школы в Мазирбе был большой яблоневый сад, и учитель рисования Андрис Гринбергс предложил мне поучаствовать в проекте, который он придумал для своих учеников. Поскольку эти дети очень болезненно воспринимают свой статус изгоев общества (здоровые ровесники дразнят их, что они, мол, учатся в школе для дураков), они рано начинают в себе замыкаться. Им нужен взрослый мудрый друг, который сможет их понять и помочь преодолеть комплексы. На роль такого друга Гринбергс меня и определил. Он сказал детям, что если дома во дворе с ними не хотят дружить их сверстники, то в школе у них будет совершенно особенный друг – Яблоня в саду. Каждый сам себе выберет дерево и даст ему имя. За своим деревом надо будет ухаживать, выпиливать сухие ветки, летом белить ствол известью, на зиму укрывать еловыми ветками от зайцев... Ещё мы Яблоню будем рисовать в разное время суток и года. Рано утром, до завтрака, придём сказать «Доброе утро» и нарисуем её в лучах восходящего солнца, а другой раз вечером придём пожелать своему дереву спокойной ночи и изобразим его на закате. Но самое главное! Яблоне, как самому верному в мире другу, можно будет писать откровенные письма обо всём, что тебя интересует и волнует, и... Яблоня обязательно ответит на твоё письмо! Как ты понимаешь, Георг, честь писать ответы от имени Яблони выпала мне, и в один прекрасный день я извлекла из своего почтового ящика целую пачку писем, на конвертах которых помимо моих имени и фамилии было написано имя Яблони. Имена своему другу дети дали совершенно необычные, таких слов нет ни в русском, ни в латышском языке, это было их собственное лингвистическое изобретение: Ахолса, Дитраг, Касевон – ну, и тому подобное... Да, разобрать написанное подчас было непросто. В силу болезни, эти дети иногда писали слитно по несколько слов сразу. Но когда я расшифровала

тексты и расставила логично знаки препинания, потрясение было огромное! Не могу сейчас, в силу формата нашей переписки, привести здесь все письма целиком, но несколько фрагментов всё же процитирую. Отмеченные диагнозом «олигофрения в стадии дебильности» дети писали своей Яблоне:

«Куаба, ты зимой хорошо спала? Куаба, нравится ли тебе дождливая погода, когда твои ветки мокнул на дожде? Как странно, правда? Знаешь, у меня есть некоторые недостатки: я немножко курю и изредка выпиваю. Но теперь это больше никогда не повторится. Точка на все времена. Потому что я много читал о том, что это человеку вредно и сокращает его жизнь. Но тогда я больше не увижу тебя, а ты, в свою очередь, меня. Я странный человек. Сам не знаю, почему так получается, но я обижаю маленьких. Не всегда, но случается...»

«Добрый вечер, Дитраг!

Я пишу тебе первый раз. Я сижу у одинокого стола и пишу. Я пишу и слушаю одинокую музыку Бетховена и Вивальди. Я хочу, чтобы у тебя было хорошее лето... Быть может, ты спросишь, почему я учусь в этой школе? Я не знаю. Наверное, не хотел учиться, не могу точно сказать, почему. Я, наверное, в своей жизни многое потеряю, но может быть и нет, если ты будешь моим другом всю жизнь. Тогда я, наверное, ничего не потеряю. Я тебя нарисовал уже два раза. Ты ещё голое дерево, но подожди, скоро зазеленеешь, расцветёшь тысячами прекрасных цветов!»

В некоторых письмах меня поразили отдельные строчки:

«Не страшно тебе одной стоять ночью в саду? Мне было бы страшно...»

«Ты очень одинокое дерево, поэтому ловишь ветками птиц, когда они пролетают над садом...»

«Долго я искала себе друга, и вот, наконец, нашла тебя. На берегу родного моря за многими белыми дюнами. Я хочу видеть тебя живого, такого, который говорит на языке людей, Касевон!»

Но больше всего меня потрясло письмо от мальчика, который назвал свое дерево Кентой:

«Добрый вечер, Кента! Я подружился с тобой потому, что никто другой с тобой не дружил. Теперь мы будем вместе, и я очень рад этому. Тебе не больно, когда воры ломают твои ветки? Расскажи, что ты с этими мальчишками делаешь. Я самый сильный и самый смелый во всём мире! Скажи, кто эти мальчишки, которые тебя обижают! Ни один мальчишка не устоит против меня! Пусть только попробует... Я ему так дам, что он целый день не встанет! Ладно, больше не хочу хвастаться. Хочешь, я научу тебя драться? Ты тогда сможешь всем давать сдачи. И вот ещё что я тебе скажу: когда дерёшься – никогда не бей лежащего...»

Учитель Гринбергс подтвердил то, что я сразу угадала об авторе письма: это был самый слабый и тихий мальчик в классе, которого бьют все кому не лень. И такой вот человек обещал меня научить драться и просил никогда не бить лежащего... Уроки морали и нравственности, которые мне преподали в те годы эти больные дети, невозможно переоценить.

Да, конечно, я отвечала на каждое детское письмо. Через какое-то время съездила в Мазирбе сама, и дети увидели свое «дерево» живым, которое говорит на языке людей. Наша дружба после очного знакомства укрепилась ещё больше – осенью, например, дети сами, тайком от учителя, сходили на почту, на деньги, которые родители давали им на неделю для покупки сладостей в местном магазине, купили посылочный ящик, заполнили его яблоками с разных деревьев, а под крышкой выложили красочный ковер из осенних хризантем... Яблоня, которая говорила на языке людей, получила в Риге посылку с собственными плодами в прямом и переносном смысле слова.

Позже по моему сценарию на Рижской киностудии был снят документальный фильм о мазирбских воспитанниках Андриса Гринберга «Гадкий утенок - дитя человеческое» (режиссер Лайма Жургина).

☛ **Georgs:** Да, мы с Лаймой хорошо знакомы. Более того, лет двадцать назад мы снимали с ней документальный фильм о концертах Раймонда Паулса в Нью-Йорке, Питере и Москве.

☛ **Marina:** Ещё один социальный остров, на котором проживали дети-изгой, находился в Риге на улице Кулдигас. Это была спецшкола для малолетних правонарушителей, которым ещё не исполнилось 14 лет. В школе учились только мальчишки. С малолетними девочками инспектора по делам несовершеннолетних могли иметь дело лишь в пределах детской комнаты милиции. С 14 лет в СССР наступала уголовная ответственность. В этом возрасте за преступления можно было уже судить по статьям Уголовного Кодекса, и подросток получал реальный срок в колонии для несовершеннолетних в Цесисе. Для девочек на этот случай уже имелось закрытое профессиональное училище в Алсвики. Ну, а в Риге на улице Кулдигас изолированные от общества правонарушители были ещё совсем детьми. В Цесисской колонии территория была обнесена уже забором с колючей проволокой, как в тюрьме. В рижской спецшколе двор от свободы отгораживал глухой, без единой щели забор, поверх которого тянулась хоть ещё и не колючая проволока, но всё же уже широкая, с наклоном во двор сетка. Сами воспитанники спецшколы гордились тем, что у них, как во взрослой колонии, есть карцер. И хотя официально это небольшое тёмное помещение с забраным решёткой окном называлось «дисциплинарной комнатой», иначе как «карцером» мальчишки его не называли. За свою писательскую жизнь мне довелось не раз бывать в тюрьмах на встречах с заключёнными, и я могу согласиться с гордыми малолетками – их «дисциплинарная комната» действительно больше походила на настоящий карцер. Однажды, уже в мою бытность, в спецшколе произошёл случай, о котором написать в то время, конечно, было абсолютно невозможно: посаженный в карцер ученик четвертого класса повесился на решётке, использовав вместо веревки спортивные трикотажные штаны.

Впервые на этот остров я попала на «родительский день». Почти у всех здешних воспитанников на свободе оставались родители, братья и сестры, дедушки и бабушки. Исключение составляли всего несколько мальчишек, удививших за высокий забор уже из другого госучреждения, то бишь, из детдома. Так вот на «родительский день», который проводился раз в месяц, к своему непутёвому чаду приходили целые семейные кланы с сумками, кастрюлями, термосами... Общение с родственниками происходило в спортивном зале, который одновременно был в школе и кинозале. Для кино в зале стояли низкие скамейки, и на этих скамейках устраивалась родительская кормёжка: бритоголовый мальчишка в чёрном спортивном костюме сидел в тесном окружении семьи и наслаждался принесёнными деликатесами. Рядом вплотную к этой семье сидела другая, тоже с бритоголовым пацаном в центре, и так пчелиным роем за едой и разговорами о жизни гудел весь большой спортивный зал. Я зашла туда, имея задание от редакции, написать статью о спецшколе. Первое, что бросилось мне в глаза в гудящем зале, была одинокая фигурка бритоголового мальчишки в чёрном трико. Он стоял у стены на фоне белого киноэкрана, лицом к залу и напряжённо глядел в одну точку. Я подошла к нему и спросила, почему он здесь стоит. Не отрывая взгляда от своей точки, мальчишка спокойно ответил, что там, в зале, к его другу пришли родители. Когда друг сам поест, он и его позовет отведать домашней еды. К этому моменту я уже прекрасно знала, что дети в спецшколе не голодают. Их кормят отнюдь не тюремной баландой. Обильная кормёжка на родительский день это, скорее, такое своего рода выражение любви... Я спросила у мальчишки: «А к тебе что, не пришли сегодня?» Он также отрешённо ответил: «Ко мне никогда не приходят. Я из детдома». Потом я стала свидетелем унижительной сцены. Один из бритых мальчишек в зале встал со скамейки, подошел к экрану и покровительственно взял моего собеседника за запястье — они вдвоем вернулись на скамейку, и детдомовец стал доедать то, что осталось после трапезы друга.

Выйдя из зала, я тут же разыскала директора школы и попросила после окончания свидания с родителями позволить мне с глазу на глаз встретиться с тем детдомовцем. Директор не только разрешил мне сверхурочное общение, но и уступил для нашего разговора свой кабинет. Правда, предупредил, что мой визави чемпион школы по побегам. Умудряется ночью спуститься с третьего этажа из окна на простынях, а через высокий забор перелетает как воробей. Для того, чтобы получить право на свидание с родственниками, воспитанники в течение месяца должны заработать положительным поведением минимум 10 баллов. За каждое правонарушение баллы снимаются, и если у мальчишки «черная доска», то его лишают свидания. Ну, а поскольку детдомовцы никого на родительский день не ждут, то у моего нового знакомого никогда ещё не было в активе ни одного положительного балла — сплошная «черная доска».

И вот мы сидим с Гиртом (имя изменено, конечно) в кабинете директора, и я спрашиваю его, чем он угощался в семье своего друга в зале. Отвечает тихо, опустив голову: «Бутерброды с творогом». Ему стыдно признаваться, мне стыдно слушать. Творог со сметаной в школе дают на завтрак. И тогда я ему говорю: «Если за этот месяц ты заработаешь 10 баллов, в следующий «родительский день» я приду к тебе одному и тебе одному принесу передачу».

Конечно, в течение месяца я звонила в школу и узнавала, как у Гирта дела. Педагоги с удивлением отвечали, что он всё ещё в школе, пока не сбежал и даже стал зарабатывать какие-то плюсовые баллы... Короче говоря, когда я пришла на следующий «родительский день» с большой сумкой домашней снеди, в активе у Гирта было не десять, а тридцать два положительных балла.

Этот парень прошёл потом через всю мою жизнь. Много чего с ним довелось пережить, и переживания были отнюдь не радужные. Но когда я пришла в ЗАГС поздравить Гирта в день свадьбы и протянула ему цветы, он вдруг одним прыжком оказался возле окна, выхватил спрятанный там за шторой собственный букет и

на глазах изумлённой родни своей молодой жены преподнёс его мне со словами: «Спасибо за всё, Марина».

Вот ради таких моментов, Георг, и стоило открывать в прессе острова Архипелага, на которых жили дети, отчуждённые от строящего коммунизм советского общества.

МОЙ XX ВЕК

В ФОТОГРАФИЯХ

Осень 1973 года, я поселилась в рыбацком поселке в Кестерциемсе Энгурской волости.

Вот, это та самая «банька» в Кестерциемсе, где я написала свою вторую книгу. После того, как в Москве на семинаре молодых публицистов Марина Костенецкая была признана «восходящей звездой», в экзотичную баню на рыбацком хуторе стали наведываться известные столичные писатели. На соседнем хуторе, с моей подачи, снял летом комнату популярный московский прозаик и драматург Леонид Жуховицкий.

На пороге собственного дома на хуторе «Драудзини» я сижу рядом со своим благодетелем Янисом Круминьшем, директором торфяного завода «Миса»

Около восстановленного колодца

Учитель Красной яранги на своём рабочем месте летом. От центральной усадьбы колхоза до этого стойбища мы с проводником три дня шли пешком, делая по пути привалы в белой ночи под открытым небом. Зимой же, когда на Чукотке воцарялась на несколько месяцев полярная ночь, а позже и ранней весной, пока вернувшись на небо солнце не растопило ещё в тундре снежный покров, к своим ученикам я добиралась уже с комфортом – на собачьей упряжке.

По штату мне, как учителю «Красной яранги», полагалась собственная собачья упряжка. Я честно посылала в РАЙОНО накладные для оплаты китового мяса, которое колхоз выделял на прокорм моим собакам, но самой упряжкой управлять, конечно, не рисковала – для этого в «Красной яранге» был опытный каюр.

В начале 80-х годов практически каждый день у меня проходили встречи с читателями по всей Латвии. На календаре не оставалось свободного места – каждый день куда-то надо было ехать...

Чернобыль 1986 г. У палатки медсанчасти Латвийского полка, в которой поселили командированных в зону писателей.

Икона Казанской Богоматери, которая лежала в маминном чемодане во время бомбежки в лагере для перемещенных лиц в Германии. Вмятины на серебряном половнике от осколка снаряда, попавшего в чемодан.

Последняя фотография с мамой. 1987 год.

В ГУЛАГе отец сидел в одном бараке с художником и, поскольку фотоаппарат заключенным был недоступен, отец попросил товарища сделать свой карандашный портрет. Этот портрет с дарственной подписью отец прислал на Маринин девятый день рождения.

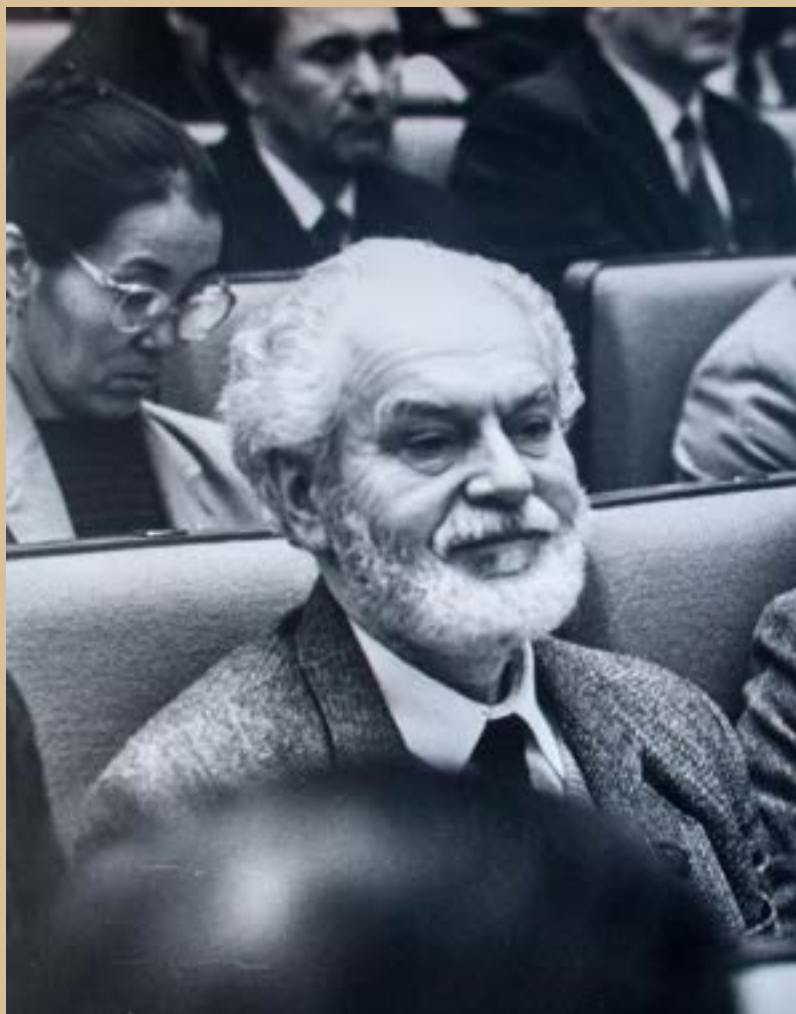
Наша последняя фотография с мамой в 2013-м. Марина в 10 лет впервые встретила своего отца, а моя мама в десять лет потеряла своего, став дочерью «врага народа» в чёрном 37-м году.

18 ноября 1989 года. Георг Стражнов и Рута Земитане возле Клуба кинолюбителей (позже - Киногалереи) на Яуниела, 24.

На первый Съезд народных депутатов СССР в Москву избранных от Народного фронта Латвии депутатов провожали «с черного хода», то есть с базарной площади, поскольку устраивать митинг со стороны вокзальной площади нам запретил председатель Рижского горисполкома А. Рубинкс. Стоя перед многотысячной толпой на импровизированной трибуне (кузов грузовика), лидер Народного фронта Дайнис Иванс объявил, что мы едем в Москву расторгать «незаконный брак» между Латвией и СССР...

Легендарный депутат от Латвии Виден Толпежников, поднявший Первый Съезд народных депутатов СССР на минуту молчания в память по невинно убиенным в Тбилиси прежде, чем руководство страны успело занять свои места в президиуме Съезда.

Жаркие дискуссии в Кремлёвском дворце съездов продолжались в зале и в перерывах между заседаниями. На снимке слева направо депутаты от Латвии: Виктор Скудра – Министр юстиции Латвийской ССР, Андрис Плотниекс – профессор Латвийского государственного университета им.П. Стучки, Марина Костенецкая – член Союза писателей Латвии, Джемма Скулме – председатель правления Союза художников Латвийской ССР, секретарь правления Союза художников СССР.

Конец двадцатого века для меня ознаменовался двумя значимыми знакомствами. Первое – с гениальной балериной Майей Плисецкой. В рамках её юбилейного турне мы организовали её гастроль в Риге на сцене Национальной Оперы. В Риге, едва ли не в последний раз, она танцевала «Умиравшего лебедя», а также балет «Айседора», специально поставленный для неё Морисом Бежаром.

Это фото сделано 9 марта 1996 года, наш «прощальный ужин» в гостинице «Rīga» (теперь «Kempinski»).

Октябрь 1997 года, нью-йоркский аэропорт JFK. Десять дней я провёл в Нью-Йорке вместе с легендарным режиссёром театра на Таганке Юрием Петровичем Любимовым. Наш проект с Юрием Петровичем занял более двух лет, поэтому мы часто и подолгу засиживались за разговорами, гуляли по осеннему Нью-Йорку, по Риге. Это общение оставило в моей памяти неизгладимый след. Юрий Петрович не просто гениальный режиссёр, он обладал энциклопедическими знаниями, был хорошо знаком с величайшими людьми века – писателями, учёными, артистами, музыкантами, политиками. По его рассказам можно было составить уникальную картину успешного века. Это был человек-легенда.

Записная книжка, раскрытая на тексте «Самообладание в поступках». Образец самиздата эзотерической литературы, подаренный старыми рериховцами Марине Костенцкой. Книга Алсиона «У ног Учителя» мелким шрифтом переписана от руки в записную книжку.

Раритетное репринтное издание речей экс-депутатов СССР на юбилейной встрече. Тираж книги 500 экз.

Сразу два московских литературных журнала напечатали в 1974 году рассказы Марины Костенецкой. Конечно, самым популярным в стране в те годы был журнал «Юность» - тираж конкретно этого номера составил 2 миллиона 600 тысяч экземпляров. Но и у куда более консервативного «Октября» по сравнению с нынешними временами тираж тоже был впечатляющим - 204 тысячи экземпляров.

Книги М.Костенецкой на чешском и словацком языках, которые переводчики по собственному выбору предложили для издания в своей стране: «Луна Холодного Лица» (1980, Прага), «Завтра на рассвете» (1980, Братислава)

Андрей Эйзанс, будучи заместителем главного врача Вентспилсской центральной районной больницы, был избран народным депутатом СССР именно от Вентспилса. 24-го августа 1991 года, в день, когда Москва прощалась с павшими в ночь на 21-ое августа защитниками баррикад, мы с Эйзансом, как представители латвийского депутатского корпуса, шли вдвоём по московским улицам за гробами героев в нескончаемом людском потоке.

А. Яковлев, Ю. Афанасьев, М. Костенецкая и капитан первого ранга Михаил Тужилов во время экскурсии по Рижскому музею баррикад 18 ноября 2001 года. В борьбе за восстановление независимости Латвии на Съездах народных депутатов СССР нас горячо поддержали российские демократы. В частности, неоценимый вклад в этот процесс внесли Александр Николаевич Яковлев – секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС и Юрий Николаевич Афанасьев – ректор Московского государственного историко-архивного института. А. Н. Яковлев возглавил созданную на Первом Съезде в июне 1989 года комиссию по правовой оценке Пакта Риббентропа-Молотова, а Ю. Н. Афанасьев был активным членом этой комиссии. Академику А. Н. Яковлеву, историку по образованию, удалось добиться, чтобы 26 декабря 1989 года Второй Съезд народных депутатов СССР принял Постановление о признании преступными и не имеющими юридической силы с момента подписания тайных протоколов к Пакту Риббентропа-Молотова. Именно это Постановление открывало реальный путь к восстановлению независимости Балтийских Республик. После распада СССР в 1993 году А. Яковлевым был основан Международный фонд «Демократия». Этот фонд занялся изданием архивных документов по истории СССР. До 2017 года Фондом Александра Н. Яковлева опубликованы 88 книг серии «Россия. XX век. Документы» и 70 выпусков альманаха «Россия. XX век».

В гостях у Георга в Плиеньциемсе. Июль 2017 г.

Наш друг Михаил Мошенков.

В гостях у Михаила Мошенкова в доме *Reiki*. Сентябрь 2017 г. ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР!

5.

• **Marina:** Мои статьи о детдомах, вспомогательных школах, местах лишения свободы несовершеннолетних, пансионатах для детей-инвалидов стали появляться на страницах «Padomju Jaunatne» регулярно. И чем больше я открывала новых островов детского «Архипелага ГУЛАГ», тем больше приходило заявок в Бюро пропаганды литературы на встречу именно с Мариной Костенецкой. В первой половине 80-х годов я стала одной из самых востребованных в Латвии писателей на очное общение с читателями. Как правило, залы и сельских, и городских клубов и домов культуры были на этих встречах переполнены. Люди не просто слушали мои рассказы о трагических судьбах детей, но и сами задавали вопросы. Причём не только по теме детских домов. Близилась к концу эпоха брежневского застоя, в воздухе уже чувствовался запрос на перемены, люди читали между стихотворных строк любимых поэтов зашифрованные призывы к пробуждению. Конечно, я отдавала себе отчёт в том, что на каждой встрече с читателями в зале могли присутствовать стукачи, поэтому на подозрительные записки отвечала осторожно, взвешивая каждое слово. И всё же, всё же... Когда у меня спрашивали, почему я так рьяно бросилась вдруг писать о детях-изгоях, честно и не таясь отвечала, что сама росла с клеймом «дочь врага народа», что отец был арестован за месяц до моего рождения, а реабилитирован уже после десяти лет проведенных в ГУЛАГе. Человек, прошедший в детстве через те испытания, которые выпали на долю мне, не может оставаться безучастным к страданиям детей.

Сейчас у меня уже нет ни малейших сомнений в том, что присутствовавшие в читательских аудиториях стукачи исправно писали свои отчёты в КГБ. Ведь в явно заказной статье журналиста «Советской Латвии» Я.Гланца «Такие сведения...», призванной дискредитировать меня накануне выборов Народных депутатов СССР в 1989 году, в письме от имени бдительных рабочих и служащих Производственного Объединения «Коммутатор» так и было написано: «Костенецкая на встречах с читателями часто ссылается на своего репрессированного отца и говорит, что берёт с него в жизни пример. Однако в народе ходят слухи, что Костенецкий был репрессирован вполне обоснованно! Кто же прав? Народ должен знать правду о кандидате в депутаты СССР».

О том, что эта грязная операция КГБ с треском провалилась, и на выборах я с большим перевесом победила своего соперника от коммунистического Интерфронта, на страницах этих воспоминаний уже все сказано. Но, как теперь доподлинно известно, в КГБ активно и плодотворно работало и такое экзотичное подразделение, как «отдел слухов». И уже спустя много лет после Атмоды, время от времени до меня доходили такие невероятные слухи о «преступной деятельности» моего отца в 1944-м и 1945-м годах на территории Германии, что я просто не имею права не оставить потомкам своего собственного свидетельства о том, как и где на самом деле оказалась наша семья в Германии в последний год войны. Никому ничего не хочу доказывать с пеной у рта – каждый волен верить любому бреду, распространявшемуся не к ночи помянутым «отделом слухов». Как очень точно заметил идеолог фашизма Геббельс: «Для того, чтобы ложь была правдоподобной, она должна быть чудовищной». А ведь ложь, распространявшаяся «отделом слухов», бывала воистину чудовищной! И это давно уже доказано множеством исторических фактов на судьбах незаслуженно репрессированных и посмертно реабилитированных советских людей.

Следует сказать, что мой отец уже изначально провинился перед советской властью самым фактом своего рождения в

классово чуждой семье – он был сыном, внуком и правнуком православных священников. Незадолго до революции женился на внучатой племяннице адмирала Нахимова Александре Нахимовой, бывшей придворной фрейлине Императрицы. Естественно, после революции молодая семья была сослана из Петрограда в Сибирь, где Александра Нахимова вскоре скончалась от скоротечной чахотки. Спустя какое-то время, мой будущий отец, окончивший юридический факультет Императорского Московского Университета, смог вернуться теперь уже в Ленинград и устроиться на работу в бюро адвокатов. Однако ненадолго. 1 декабря 1934 года в Смольном был убит Сергей Киров, и это убийство послужило поводом для новых массовых репрессий в СССР, известных как «Большой террор». После убийства Кирова из Ленинграда потянулся «кировский поток» высланных и репрессированных. Мой отец тоже оказался в этом потоке и после отбытия лагерного срока был выслан на поселение в Псковскую область в город с красноречивым названием Дно. Здесь его и застало начало войны 1941 года, когда в считанные дни немцы сумели вторгнуться глубоко на западные территории СССР. С потоком беженцев из Псковской области отец вскоре оказался в Латвии, сначала в Резекне, а потом и в Риге.

Интересна история знакомства моих будущих родителей. В довоенной Латвии разместить частное объявление в газете было довольно дорого, поэтому существовал обычай наклеивать на окна белые полоски бумаги в знак того, что в квартире сдаётся свободная комната. Этот обычай сохранился в Риге и во время немецкой оккупации. Моя мама в сороковые годы давала частные уроки музыки и с этой целью снимала комнату в аристократическом районе города на улице Альберта. В 1944-м году хозяин квартиры решил сдать там ещё одну комнату и наклеил на окна белые полоски бумаги. Григорий Костенецкий шел по улице Альберта именно в поисках жилья и, увидев «объявление», поднялся в обозначенную квартиру. Состоявшееся

ся вскоре на общей кухне знакомство с учительницей игры на фортепиано закончилось предложением руки и сердца с последующим венчанием в Рижском Кафедральном соборе. Венчались мои родители 10 июня 1944 года, и проводилась церемония венчания той же иконой Казанской Божьей Матери, которой отец венчался со своей первой женой Александрой Нахимовой. Ещё из дома Нахимовых через все перипетии судьбы у отца чудом сохранилось несколько предметов столового серебра с монограммами. Этими серебряными ложками я пользуюсь по сей день и говорю здесь о них сейчас не случайно: икона Казанской Богородицы и серебряный суповой половник попали в Германию под бомбёжку, когда чемодан с вещами стоял у ног моей мамы, а я ждала часа своего прихода в мир у неё под сердцем. Но – обо всём по порядку.

Законный брак родители оформили в июне 1944 года, а уже в середине сентября началась массированная операция наступления вооруженных сил СССР по освобождению Латвии. В конце лета немцы начали эвакуироваться из Риги, и вместе с ними по ещё не отрезанным железнодорожным путям бежали на Запад многие рижане, не желавшие после ужасов, пережитых при советской власти в 1940-1941 годах, вновь оказаться в объятиях сталинского режима. О депортациях и массовых репрессиях латвийской интеллигенции за этот короткий довоенный период наше с тобой поколение, Георг, практически узнало ведь только во время Атмоды – в советской школе на уроках истории ничего подобного нам не рассказывали. Ну, а поколение моих родителей не только в теории знало, но и на собственной шкуре успело испытать все прелести отношения советской власти к классово чуждым ей элементам. Отцу, в лучшем случае, светило возвращение в город Дно Псковской области – место последней его высылки в статусе «врага народа». Но, скорее всего, его ожидал очередной лагерь. В этой ситуации мои будущие родители предпочли стать беженцами, но свободными на Западе.

Поскольку родилась я 25 августа 1945 года, нетрудно вычислить, что мой путь в этот мир начался под бомбёжками в лагерях для перемещённых лиц. Уезжая из Риги, родители взяли с собой кое-какие ценные вещи в надежде обменять их в пути на хлеб. Так, в чемодане, рядом с не подлежащей ни обмену, ни продаже семейной реликвией – иконой Казанской Богородицы – оказалось и столовое серебро, которое предполагалось в трудный момент обменять на продовольствие. С детства я помню, как мама часто мне говорила: «Тебя спасла икона Богородицы». И только когда я была уже вполне взрослой, мама показала мне на нашем серебряном суповом половнике странные вмятины и объяснила, что это следы от осколков, попавших в чемодан во время одной из бомбёжек. Чемодан стоял у маминых ног. Между помятым осколками снаряда половником и маминым животом в чемодане лежала икона...

Не знаю, в каком немецком городе моих родителей застало окончание войны. Отец умер, когда мне было 16, а мама об этом времени рассказывала очень мало и неохотно. Всё же из ее скудных рассказов я знаю, что в городе ходил трамвай и что лагерь, в котором после капитуляции Германии находились мои родители, оказался в зоне советских войск, а всего через две трамвайные остановки была уже зона союзной американской армии. Знаю ещё, что когда в барак для беженцев пришёл советский патруль, всех его обитателей тут же увели в фильтрационный лагерь, а маму единственную оставили в бараке. Она была на восьмом месяце беременности и ей уже трудно было ходить не только из-за меня, но и от голода. Наверное, военные просто махнули на нас с мамой рукой – мол, сами помрут. Но мы не умерли. Через несколько дней мама оказалась в странном женском лагере, о котором я что-то узнала лишь шестьдесят с лишним лет спустя, когда прочла мамины письма к отцу в ГУЛАГ. Все мамины письма отец совершенно непостижимым образом сумел сохранить в воркутинских лагерях и, умирая уже в Риге в онкологическом диспансере, в 1961 году

завещал маме отдать мне эти письма в день совершеннолетия. Мама волю отца выполнила. В свои восемнадцать лет я начала читать письма и... поняла, что прочесть все не смогу – просто сойду с ума. Мне понадобилось прожить целую жизнь, прочесть тома Солженицына, книги Шаламова и Гинзбург, множество других документально-исторических источников, чтобы уже на пенсии, отойдя от политики и суеты будней, положить перед собой заветную папку и бережно вынуть из конвертов все письма – от первого до последнего. Это произошло в моей жизни в 2009 году. А в 2010 я издала эти письма в книге «Письма из дома».

Как теперь я знаю из этих писем, советский Военный трибунал, действовавший в 1945 году на территории Германии, приговорил отца к 20 годам лагерей. Провидению было угодно, чтобы после вынесения приговора конвоиром у отца оказался его земляк украинец. Он согласился не только разыскать потерявшуюся в городе маму, но и сумел привести отца попроситься с женой перед отправкой на этап. Из маминого письма, датированного 20 января 1949 года, сейчас я знаю подробности о последнем свидании родителей в Германии:

«...Когда мы виделись в последний раз с тобою, тогда, помнишь, я совершенно неожиданно для себя попала в среду женщин с сомнительной репутацией в смысле нравственности. По крайней мере, большинство из них были такие. Но я тебе скажу, что ко мне они хорошо относились, и мне легко видеть было в них друзей, так как они стремились к свету. Оговариваясь, конечно, не абсолютно все, но были и такие, которых мне удалось уговорить оставить скользкий путь. Одна в особенности – так привязалась ко мне: чутко прислушивалась к моим словам и свою искреннюю благодарность за них каждый день старалась выразить в том или ином сюрпризе, как то: яблоко, картофель, морковь и другое. Мне было самой трудно уже ходить, и она старалась все добыть для меня. Другая говорила: «Вы такая интеллигентная!» и с большим вниманием слушала, как я рассказывала ей о детях. Эта делилась

ну буквально всеми крохами лакомств, какие выпадали ей на долю. Потому, когда ты застал меня там в последний раз, я тебе и сказала, что мне неплохо там. Меня никто не осуждал за ребенка там, не искали во мне пороков, недостатков, чего-либо, за что можно было бы критиковать, осуждать и т.д.»

☛ Marina: На сегодня это всё, Георг. Завтра тему продолжу. Дай знать, что получил сегодня отправленное...

☛ Georgs: Добрый день, Марина! Только что встал. Вчера по приезде сразу пришлось идти на кладбище, оно тут у нас рядом, – мастера привезли и установили цветочницу на могилу Инессины мамы. Инесса спешила, сегодня 29 июня, завтра здесь у нас в посёлке Kapu svētki, а для латышей это святое, ты же знаешь. Когда все приходят к назначенному часу, приезжает пастор, читает небольшую проповедь, всем раздают буклеты с текстами соответствующих песен. Обычно бывает какой-то небольшой хор. И, разумеется, все сравнивают, как у кого оформлен «участок».

А на кладбище, надо сказать, здесь у нас совершенно фантастическое, – в дюнах, на берегу моря под соснами, такое уютное и старинное... Встречаются ещё захоронения 18 века. Кстати, вот как перевести на русский Kapu svētki? «Праздник кладбища» – звучит совсем как из фильмов про вампиров, сюрреалистично. А по-латышски – нормально и само собой. Само слово КЛАДБИЩЕ имеет столько для русского мрачных, негативных коннотаций, чего нет в протестантских странах. Я помню, как удивился в Эдинбурге, где на погосте готического храма, куда я зашёл осмотреть витражи, продавали мороженое, а люди сидели на газонах (там нет могил, лишь памятники) и ели сэндвичи, играли с детьми. Смерть, для них, – часть жизни, не более. Этой весной в Глазго Кэти (ну, я тебе рассказывал, – моя приятельница, театральная режиссёр Cathie Donna Boyd) тоже повезла меня на старинное кладбище, что находится на высокой горе и как бы

висит над городом, отсюда открывается чудесная панорама на Глазго. Как говорится – могила с видом...)))

Ну, всё — иди пиши.

Помнишь, как у НАШЕГО ВСЕГО:

II мысли в голове волнуются в отваге,

II пальцы просятся к перу, перо к бумаге,

Минута — и «посты» свободно текут.

☛ Marina: Добрый день, Георг! Какое тонкое наблюдение за местом упокоения предков... Знаешь, а ведь и в России в разных регионах отношение к смерти различно. Например, в Архангельской области (в районе Соловков) я слышала от крестьян определение смерти очень поэтичное и с верой в продолжение жизни в будущем – «на долгий отдых повалился...» Но ты прав – в Латвии отношение к могилам очень трепетное. Мой папа после возвращения из ГУЛАГа любил гулять по рижским кладбищам и всегда восхищался ухоженными могилами: «Какая любовь к предкам!» Поэтому и я даже в прошлом году, когда за весь год смогла всего дважды выйти из дома – один раз это было мое присутствие на свадьбе Андрея, а другой – визит к родителям на кладбище. Ты большой молодец, что вчера нашёл силы, чтобы помочь Инессе привести там всё в порядок!

☛ Georgs: Когда говорят – в России, я всегда спрашиваю – в какой России? Я поездил по стране и вижу разницу – северяне, Архангельск, например, Новгород, совсем не то же самое, что Ростов-на-Дону или Воронеж, Омск и Улан-Уде – большая разница. Да, Москва и Питер – уже два полюса, - всё другое. Почитай классику, Толстого хотя бы, – там всё это описано. Или у Мельникова-Печерского «В лесах и на горах». Я знаю людей Заволжья и людей нагорной части, – сколько отличий! И не только в языке. В принципе это

характерно для всех больших стран. Особенно, если они вытянуты по вертикали (т.е. по меридианам). См. Италию – ярчайший пример: дизайнерский (читай – промышленный) Север и сельскохозяйственный Юг. А наши три Балтийские республики! Совершенно разные по менталитету страны. Поэтому слово «прибалты» – нонсенс.

☛ Marina: Да, это так. А я только сейчас сажусь за работу, но ОБЕЦАЮ ТЕБЕ СЕГОДНЯ НОРМУ ВЫПОЛНИТЬ!!! (rofl) В голове всё уже выстроено... Просто сегодня меня немножко выбила из ритма наша знакомая. Она собиралась сегодня ко мне в гости. Правда, договаривались неделю назад, но договорились вроде бы точно и окончательно – в субботу в 11 утра. Вчера она не написала и не позвонила, и я вдохновилась надеждой, что СЕГОДНЯ ОНА НЕ ПРИДЁТ... Но всё же утром была готова к звонку и жила в некотором напряжении. Впредь ни о каких свиданиях с людьми, которые не умеют ценить чужое время, договариваться не буду. Я не нуждаюсь в пустом времяпровождении. Больше тратить время на этого человека не хочу. А сейчас – за работу!

☛ Georgs: Не зря же существует пословица – «Точность – вежливость королей». Кстати, знаешь, как звучит полностью эта фраза? Там есть еще продолжение – «... и долг всех добрых людей». Фразу приписывают Людовику XIV. А мы ж даже не графья...)))

☛ Marina: Продолжение следует. Не отвлекай меня теперь

В 1945 году все советские граждане, оказавшиеся по той или иной причине на территории Германии, проходили фильтрацию. Кого-то после проверки отдавали под трибунал, кого-то депортировали на родину по месту прежнего жительства. Папа, как давний «враг народа», попал под трибунал, донашивавшую под сердцем ребенка маму депортировали в Ригу. Только через год

отцу из лагеря на Воркуте удалось разыскать маму через «адресный стол», и он узнал, что год назад у него родилась дочь.

Когда в августе 1945 года мама вернулась в Ригу, в её съёмной квартире на улице Альберта жили уже другие люди, и она нашла приют у младшей сестры, которая продолжала жить в одной из квартир трехэтажного дома, построенного в начале прошлого века моим дедом. В этой квартире, по адресу Большая Молочная, 16, кв.20, я и появилась на свет. В квартире моя тётя жила с пятилетним сыном (его отец в вихре войны на долгие годы пропал без вести), и, встав на третий день после родов, мама добровольно взяла на себя все обязанности по ведению хозяйства. Стирала, убирала, готовила еду, колола и носила на третий этаж дрова, выстаивала длиннющие очереди, чтобы отоварить продуктовые карточки и одновременно умудрялась нянчить ещё двух маленьких детей! Ведь мамина сестра работала на государственной службе и домой усталая приходила только вечером.

Первый год нашего совместного проживания в доме деда прошёл более ли менее спокойно. Но когда через год установилась переписка с отцом, отношения между «ответственной квартиростьёмницей» и мамой резко испортились: тётка стала требовать, чтобы мы как можно скорее съехали с квартиры. Куда съехать?! В 1946 году, когда по всем квартирам шло сплошное уплотнение! В относительно благополучную Ригу из разбомбленной России валом повалил советский народ... Сейчас я понимаю, что тётка боялась за себя и своего сына – ведь она дала приют семье «врага народа», и за это её семья тоже могла быть репрессирована. Но ещё раз повторю: понять и простить – не значит забыть. С того дня, когда от отца пришло первое письмо, моё детство превратилось в ад.

Из маминих рассказов знаю, что в те первые годы каждую ночь она ждала ареста. Как только под окнами дома тормозила машина, мама выхватывала меня из кровати, чтобы прижать к

груди прежде, чем нас разлучат – маму по этапу отправят в лагерь, а меня – в детский дом.

Жили мы с продажи вещей, которые носила на барахолку давнишняя мамина добрая знакомая. Когда спрос на вещи упал, наступил настоящий голод...

Эту историю мне, уже взрослой, мама рассказывала как чудесную сказку. Помимо того, что в первые годы моей жизни каждый день был заполнен мучительной борьбой за выживание в смысле элементарного пропитания, сплошным кошмаром для мамы оставались и ночи. Звук проезжающей под окнами машины заставлял её вскакивать в холодном поту.

И вот однажды рано утром (на улице было ещё темно) это случилось. Под нашими окнами затормозила грузовая машина, хлопнула дверца кабины. На лестнице раздались шаги, потом стук в дверь. Мама выхватила меня из кровати, прижала сонную к груди, услышала, как тётка в коридоре спрашивает сквозь закрытую дверь: «Кто там?» и как мужской голос отвечает ей вопросом: «Здесь живут Костенецкие?»

Как мама оказалась в коридоре, она не помнила. Увидела только уже распахнутую на лестничную клетку дверь и на пороге мужчину в штатской одежде. «Я вам привез привет от мужа, – спокойно сказал мужчина. – Не закрывайте дверь, я сейчас вернусь».

Потом он несколько раз спускался к своей машине и возвращался на третий этаж с мешками. Мешок картошки, мешок капусты, брюква, морковь, несколько килограммов муки, крупа, масло, что-то еще и ещё... Это были первые алименты мне от отца из ГУЛАГа. Шёл 1946 год. Страна жила продуктовыми карточками. О голоде же, царившем в те годы в лагерях, мы знаем теперь достаточно хорошо из документальных свидетельств выживших там узников.

Когда Август Пертус (так звали незнакомого мужчину) поднялся с последней ношей, он прошёл в комнату и рассказал маме всё по порядку. Выяснилось, что мой отец отбывает в Воркуте наказание вместе с шурином Августа – Янисом Клявиньшем, у которого в

Латвии осталась жена Милда с четырьмя детьми. Живет Милда Клявиня на хуторе «Stameri» в Алуксненской волости Валкского уезда. У неё хозяйство, братья помогают обрабатывать восемь гектаров земли. Григорий Костенецкий, как юрист, оказал в лагере Янису существенную услугу – написал в какую-то государственную инстанцию прошение, в результате чего приговор Клявиньшу был пересмотрен в лучшую для него сторону. Вознаграждение заключённый Костенецкий через родственников Яниса просил целиком передать своей жене, Екатерине Тимофеевне Костенецкой, проживающей с дочкой по адресу: Рига, Большая Молочная, 16, кв. 20.

Всякий раз, вспоминая пережитое в то утро, мама заканчивала свой рассказ словами: «Накануне вечером в доме не было буквально ничего, чем тебя покормить. Ты долго кричала от голода и, наконец, уснула, всхлипывая во сне. А когда Август всё это принёс, у меня подкосились ноги, и не было сил сразу подняться, чтобы приготовить тебе еду. Я просто сидела и плакала. Плакала и благодарил Бога».

В связи с тем, что отец отбывал срок в лагере, маме было сложно устроиться на работу. В отделе кадров любого советского учреждения надо было заполнять подробную анкету с указанием данных о близких родственниках, а поскольку мама не отрекалась от отца как от врага народа, она и сама автоматически пребывала в статусе «жены врага народа». Паузы между случайными работками повторялись всё чаще и становились длиннее. Жили впроголодь, и когда мне было три года, случилась беда – мы с мамой обе заболели брюшным тифом. Сейчас, читая мамины письма отцу в ГУЛАГ, я не перестаю поражаться силе духа хрупкой пианистки, которая для описания даже самых трагичных событий нашей жизни находила в себе силы для оправдания всех выпавших на её долю испытаний. Знаю, что после выписки из больницы врачи маме сказали: «Ваша девочка выходец с того света». Но об этом она отцу, конечно, писать не стала. Зато вот

что он смог узнать о нашей болезни из письма датированного 27 октября 1948 года:

«Дорогой Гриша!

На прошлой неделе послала тебе письмо, в котором писала – как мы обе с Мариночкой попали в больницу. Болели тифом. Если ты это письмо получил, то тебя, вероятно, удивило оно очень. Но всё так должно было быть. Под личиной этого заболевания тифом пришло большое благословение. Я отдохнула за все три года – и физически, и морально, и духовно, и умственно. Когда вначале появилась сильнейшая головная боль, я боялась сойти с ума. И только мысль, что я сама это ещё взвешиваю, что сумасшествия поэтому ещё нет, утешала меня. Ведь все время после рождения Мариночки я мечтала хотя бы о самом непродолжительном отпуске (...)

Я тебе никогда не писала, как я ехала домой до ее рождения. Очень, очень было тяжело! Я попала в вагон тогда, когда он был уже настолько переполнен, что места даже в проходах не было. Перешагивая через людей, сидевших в проходе, я старалась пробраться вперёд в надежде получить место. Вдруг в конце вагона увидела в проходе между скамейками маленькое свободное место. Обрадовавшись, я пробралась к нему, надеясь хотя бы немного спокойно постоять. Тут сидела такая циничная женщина, стала издеваться надо мною, смеялась, говорила, что ребёнок незаконнорожденный, что если я надеюсь, что мне удастся здесь хотя бы чуточку посидеть, то чтобы я не мечтала об этом. И так я добралась до самого конца, где ещё у уборной было маленькое местечко. Там сидеть было невозможно, а ехать надо было ещё 6 часов, и стоять было невыносимо. Я взяла какой-то тюк, села на него, но сидеть было тоже невозможно – почти непрерывно входили и уходили люди. Это было сплошное мученье, так как ко всему этому не только не было воздуха, но приходилось буквально задыхаться. Через пять дней после приезда родилась Мариночка...»

Как видишь, Георг, женщины с сомнительной репутацией в смысле нравственности, среди которых мама случайно оказалась в лагере, не только не осуждали её за ребенка, но и подкармливали меня в чреве матери всеми крохами лакомств, которые самим им в голодной разбомбленной Германии тоже доставались не даром... А вот в переполненном вагоне высокоморальные советские люди были бдительны: клеймо незаконнорожденной, то есть «дочери фашиста», на меня поставили ещё до моего рождения.

Чтобы окончательно закрыть тему обвинений моего покойного отца в преступном сотрудничестве с фашистами, которую КГБ наспех сфабриковал в 1989 году перед выборами Народных депутатов СССР, приведу документ, который отец сам получил ещё при жизни. Напечатано письмо на бланке ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА Ленинградского военного округа и датировано 25 ноября 1956 года:

«Гражданину КОСТЕНЕЦКОМУ Григорию Федоровичу
г. Рига, ул. Б. Молочная, д. 16 кв. 20

На Ваше заявление от 19 октября 1956 года сообщая, что дело в отношении Вас пересмотрено Военным трибуналом Ленинградского военного округа 20 января 1956 года. Приговор Военного трибунала тыла советских оккупационных войск в Германии от 4 августа 1945 года изменён: исключена из приговора ст.2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. и действия Ваши переквалифицированы на ст. 58-3 УК РСФСР. Мера наказания снижена до 10 лет лишения свободы.

На основании ст. ст. 1 и 6 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. об амнистии Вы считаетесь не имеющим судимости и поражения в правах.

Полный текст определения о пересмотре Вашего дела Военный трибунал выслать не может, поскольку определение имеет гриф «Секретно».

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВТ Лен. ВО Полковник юстиции
/Ананьев/»

Остается добавить, что в 1955 году под Указ об амнистии не попадали реальные пособники фашистов (власовцы, полицай, каратели, охранники и т.д., и т.п.), так что все «сенсационные заявления» от лица прокуратуры АССР о, якобы, преступном сотрудничестве отца с нацистами не имеют под собой никаких оснований. Интересно другое. Текст о пересмотре дела отца в Военном Трибунале имеет гриф «Секретно». Этот текст не смог увидеть ни сам отец, ни, спустя многие годы, я, его дочь. Но для лидеров латвийского Интерфронта Татьяны Жданок и Виктора Алксниса в 1989 году грифа «Секретно», оказалось, не существовало! Они с упоением цитировали «Дело» моего отца на митинге своих сторонников, хотя в Прокуратуре мне потом так и не смогли объяснить каким же таким чудесным образом «Дело» на время выборов оказалось не в архиве Военного Трибунала Ленинградской области, а в кабинетах Латвийской Прокуратуры, тесно сотрудничавшей с просоветским Интерфронтом.

Надеюсь, теперь, Георг, у тебя уже не осталось сомнений в том, что с раннего детства я имела все основания недолюбливать советскую власть. Ну, а советская власть с годами получала всё больше оснований недолюбливать писательницу Марину Костенецкую. Все просто и закономерно.

☛ Georges: Марина, а кто, как ты считаешь, оказал на тебя наибольшее влияние в формировании твоей личности? Кто был в твоей судьбе «главными людьми», можешь сказать?

☛ Marina: Да, но пока идём дальше. Сейчас читаю в «Новой газете» статью Дмитрия Быкова «Роман для власти» (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/07/29/73276-roman-dlya-vlasti>) – очень вовремя читаю, ибо от этой печки и буду танцевать, когда стану отвечать на твой вопрос, кто и как формировал моё мышление в молодости... Быков смотрит на XX век глазами писателя, сформировавшегося уже в XXI веке, а моему поколению

выпало жить и творить в ХХ... И речь идёт отнюдь не о масштабах дарования — я ни в коем случае не претендую на Олимп, на котором уже сегодня стоит Дмитрий Быков. Просто одно дело рассуждать сейчас о прошедшем времени и совсем другое было в том времени по возможности честно жить... ради того, чтобы сегодня Быков мог уже ТАК ГЛУБОКО И ОТКРОВЕННО ТО ВРЕМЯ АНАЛИЗИРОВАТЬ.

Ну, первым человеком, который сформировал меня как личность, был, конечно, отец. Хотя до конца я это осознала только будучи уже на пенсии, когда прочла, наконец, гулаговскую переписку родителей. Оказывается отец и из сталинских лагерей зорко следил за моим воспитанием и давал маме наставления о том, какие черты характера необходимо сформировать в его ребенке в первую очередь. Вот только несколько выдержек из его писем к маме в 1955 году, когда мне должно исполниться уже 10 лет, то есть накануне вступления в сложный подростковый возраст.

«Сообщи мне, правдива ли Марина. Это больной для меня вопрос. Я бы хотел, чтобы она была не просто правдива, а совершенно кристально правдива, правдива до готовности на жертвы, правдива как первые христиане» (Письмо от 30 января 1955 года)

«...было бы, главное, покойно, светло на душе, была бы гармония в семье, а бедность ещё терпима, хотя, повторяю, знаю, как она бывает тяжела. Приучай Маришу беречь семейный покой, беречь тебя, жертвовать личным эгоизмом...» (Письмо от 22 мая 1955 года)

«К слову, мне бы хотелось, чтобы ты сказала правду Мариночке, почему я до сих пор не еду. Ведь ей уже почти 10 лет, и она должна знать правду. Мне хочется, чтобы она смотрела на меня так, как есть на самом деле. Не хочу лжи даже здесь... Так бы мне хотелось воспитывать и моего ребенка. Чтобы он был правдивым исчерпывающе, во всем, всегда...» (письмо от 10 июля 1955 года)

«Родная, осторожнее, осторожнее подходи к девочке с требованием часто признавать свою вину, соединяя это требование с принесением усиленных извинений. Знаешь, почему я так говорю? Я боюсь, что этим будет незаметно создаваться какая-то приниженность в её душе, а этого я не хочу. Она должна быть в жизни орленком гордым и независимым (надеюсь, поймёшь, в какой степени и понимании). Я далёк от мысли, чтобы она стыдилась признать свою вину или вообще неправоту. Нет, нет! Не так! Но не надо её слишком часто к этому понуждать...» (Письмо от 20 сентября 1955 года)

«Я рад, что Мариша вежлива и предупредительна со старшими (имею в виду случай, когда она одна из всего класса поздоровалась с учительницей перед гимнастикой). Вот только бы, не дай Бог, не развилось у нее угодничество и подхалимство. Не дай Бог! Только не это! Гордость, гордость здоровую воспитывай!» (Письмо от 15 октября 1955 года)

Не удивляйся. Георг, что по объёму пока сегодня написала так мало — мне пришлось «перелопатить» письма отца, чтобы отыскать те цитаты, которые смутно помнила по памяти, но которые считаю необходимым предпослать описанию круга друзей уже потом, в молодости... Ведь основы характера во мне закладывали и родители.

Это последнее письмо от отца из ГУЛАГа. Оно было написано 15 октября 1955 года, когда заключённый Костенецкий Григорий Федорович (лагерный номер Х-282) ещё не знал, что буквально через несколько дней начальник лагеря зачитает приказ об его освобождении.

На перроне рижского вокзала мы с отцом увидели друг друга впервые в жизни 31 октября 1955 года.

Маленькая деталь. Освобождавшимся заключённым в лагере на руки выдавался железнодорожный билет для проезда до места жительства семьи и минимальная сумма денег на пропитание в дороге. У отца в Ленинграде была пересадка на рижский поезд,

и на выделенные на питание деньги он успел там купить книгу Даниэля Дефо «Робинзон Крузо». Эта книга свято хранится в моём доме. На титульном листе надпись:

«Моей Ненаглядочке, моему Маринку от татуса на память о нашей встрече 31 - X - 55г. Рига.

Будь в жизни такой же настойчиво трудолюбивой как Робинзон Крузо, и ты всегда и во всём будешь победительницей».

☛ Georgs: Удивительно, ещё одно совпадение, но моя мама тоже была дочерью «врага народа». Дедушку, который был директором парфюмерной фабрики ТЭЖЭ, а до этого – участником гражданской войны, коммунистом, арестовали по ложному доносу в 37-м. Маме тогда было десять лет, они друг в друге души не чаяли. А через два года в их дом пришёл военный (были и среди охранников порядочные люди) и сообщил, что дед находится в лагере, в Рыбинске – это городок, расположенный сравнительно близко по российским меркам от Горького, в Ярославской области. Мама с двоюродной сестрой отправились в путь, чтобы навестить папу. Им обоим в то время было едва по 12 лет. И, как ни странно, родители их отпустили, хотя плыть пароходом тогда до Рыбинска нужно было двое суток. Мама описывала, как он был счастлив встрече, как переживал за неё. И ещё одно впечатление врезалось ей в память: рядом с лагерем для взрослых – они там строили Рыбинскую ГЭС (ведь заключенные для Сталина были почти дармовая рабсила, фактически – рабы), находился и лагерь для детей «врагов народа». Мама говорила, что никогда в жизни она не видела таких отчаянных глаз, какими те дети смотрели сквозь щели в заборе на них, свободных девочек. Кстати, человек, написавший донос на деда, потом пришёл к ним домой, валялся в ногах у бабушки, просил прощения. Но что это меняло! Дело было сделано. В 39-м дед в составе штрафного батальона участвовал в агрессии против Финляндии. Наступал в первых рядах пехоты с деревянной винтовкой-муляжом, с настоящими винтовками за их

спинами шли чекисты. Был тяжело ранен, но после выздоровления смог участвовать и в Отечественной войне. После смерти Сталина его, естественно, реабилитировали. Только восстанавливаться в партии он не стал. Так до пенсии и работал юрисконсультom...

Еще в нашей семье трое репрессированных – дядя, Иван Яковлевич Хорошилов, был, по семейным преданиям, комдив, заместитель маршала Блюхера, награждён орденом Красного знамени. Расстрелян в 1938-м (ему было 40 лет), его жена – это уже само собой, и еще одна тётка, как говорили „за анекдот». На самом деле, - её соседка приревновала к мужу и написала донос. 18 лет лагерей. Вернулась, как и твой, Марина, папа.

И всё-таки, Марина, мне хотелось бы узнать о круге твоих друзей, о твоём круге общения. Ведь в советское время ничего важнее друзей у нас не было. Друзья – это было наше всё. По крайней мере, я очень счастлив был в друзьях.

☛ Marina: Да, конечно, мне очень повезло с ранним кругом общения в среде рижских литераторов. А попала я в этот круг в возрасте 18 лет, когда набралась наглости переписать в общую тетрадь аккуратным школьным почерком несколько своих первых рассказов и отнести эту тетрадь не куда-нибудь в литературное объединение при молодежной газете, а сразу в Союз писателей Латвии. Сейчас, конечно, уже не помню, откуда я тогда узнала, что в Союзе писателей сидит консультант по русской литературе и что этому человеку можно показать рассказы. Но зато хорошо помню, как этот самый консультант, писатель Василий Золотов, положил мою тетрадь в ящик письменного стола и равнодушно сказал: «Позвоните мне недели через две, не раньше...»

Только выйдя из фешенебельного особняка миллионерши Беньямин на улицу Кришьяна Барона с привычными взгляду трамваями и скамейками в Верманском парке, я вдруг до конца осознала, куда именно осмелилась отнести на суд своё детище. Сюда ведь вхожи настоящие состоявшиеся писатели! Не мне чета...

Позвонить Золотову, как было велено через две недели, у меня уже не хватило духу. Какое-то время я ещё маялась, обдумывая, как бы через кого-нибудь заполучить обратно свою несчастную тетрадь, но в конце концов все же решила, что двум смертям не бывать, а одной не миновать. Зашла в телефонную будку-автомат и мужественно сообщила снявшему трубку консультанту, что звонит Марина Костенецкая. Золотов перебил меня на полуслове, не дав договорить: «Куда вы пропали?! Даже телефона своего не оставили!» Я не сразу сообразила, что мне немедленно надлежит явиться в Союз писателей и принялась было объяснять, что у нас в квартире нет даже водопроводного крана, не то что телефона... Но Золотов не слушал и продолжал кричать в трубку свое: «Надо срочно перепечатать рассказы в пяти экземплярах, мы выдвигаем вас на обсуждение на семинар молодых авторов!» Короче говоря, Георг, когда я во второй раз в жизни оказалась в апартаментах госпожи Бенъямин, выяснилось, что ежегодный весенний семинар молодых авторов вот-вот должен уже начаться. И тут же на мою голову обрушилась феерическая и совершенно фантастическая информация! Один из моих рассказов бесплатно перепечатала машинистка Союза писателей, сам Золотов лично передал его в редакцию газеты «Советская молодежь», требуется моё авторское согласие на публикацию, поскольку она должна быть приурочена к началу семинара.

Ну, как ты понимаешь, за авторским согласием дело не стало – рассказ «Хозяйство» был напечатан в газете аккурат в день открытия семинара. Этот семинар молодых авторов в 1963 году и стал для меня пропуском в среду той литературной братни, где по рукам ходили отпечатанные на папиросной бумаге запрещённые стихи Цветаевой и Мандельштама, а с клееных-переклеенных уксусной эссенцией магнитофонных лент звучали песни Александра Галича и Булата Окуджавы

НА СЕГОДНЯ ЭТО ВСЁ. ЗАВТРА УЖЕ ВПЛОТНУЮ ПОДОЙДУ К ЗНАКОМСТВУ СО ЖДАНОВОЙ, АНДРЕЕВЫМ, ИЛАНом ПОЛОЦКОМ И Т.Д.

☛ **Georgs:** Спокойной ночи. Я просто валяюсь с ног. До завтра.

☛ **Marina:** Конечно, в 60-ые годы основной костяк русской секции Союза писателей Латвии состоял из писателей старшего поколения, опаленных войной. Многие из них только после войны в Латвии и оказались, и, естественно, жизненный опыт этих писателей, базировавшийся на советской идеологии, диктовал им свой кондовый стиль взаимоотношений в роли наставников с молодыми авторами. Но, к счастью, они уже были не единственными нашими наставниками. Помню, как в перерыве после обсуждения моих рассказов на семинаре ко мне подошла молодая поэтесса Лидия Жданова. Была она всего на семь лет старше меня, но уже автор изданных книг и полноправный член Союза писателей. Лида показала рукой на сидящего в углу худощавого сублильного человека с чеховской бородкой и сказала: «Вон тот седой человек – мой муж. Его зовут Виктор Андреев. Он прочитал твои рассказы, и хочет поговорить о них с тобой отдельно».

В тот же день я была приглашена в дом Лиды и Виктора – легендарную в среде рижской богемы комнату в коммунальной квартире на бульваре Райниса. В эту узенькую комнату с белой кафельной печкой в углу, видом из окна на Рижский канал, громоздким катушечным магнитофоном «Комета», журнальным столиком, заставленным кофейными чашками, блюдами с окурками и винными бокалами, народу по вечерам набивалось не меньше, чем в кабинете Золотова на официальных писательских мероприятиях. Но в отличие от кабинета консультанта по русской литературе, в доме Лиды и Виктора вместе собирались и русские, и латыши – интеллектуалы и тайные бунтари нового послевоенного поколения.

На том же семинаре я познакомилась, а потом и подружилась с другим молодым автором – Иланом Полоцком. Он тоже пригласил меня в свой дом и, помню, впервые попав в комфортабельную

квартиру на улице Мичурина (теперь Томсона) в районе рижского ипподрома, была поражена книжными полками, на которых в открытом доступе стояли такие книги, о которых я, в лучшем случае, знала лишь понаслышке. Илан не только разрешал брать домой почитавшуюся книгу, но и тактично расширял мой кругозор, открывая новые для меня имена в мировой литературе. Он активно занимался горнолыжным спортом, много ездил по стране, много чего знал о полузакрытых ещё регионах сталинского ГУЛАГа. Именно от Илана я узнала, что на Соловки, где в свое время находился знаменитый СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения) теперь можно съездить дикарём на экскурсию и увидеть монастырь-тюрьму собственными глазами. Поскольку к этому времени я уже знала кое-что о лагерном прошлом своего отца, перспектива побывать в одном из самых страшных мест заключения русской интеллигенции и духовенства, показалась мне заманчивой. Я стала приставать к Илану с просьбой помочь осуществить эту поездку, и очень скоро он познакомил меня со своим другом Володей Раппапортом, который собирался добираться до Соловков автостопом и искал себе для этой авантюры попутчика. Помню, как Илан при знакомстве сказал Володе: «За Марину отвечаешь головой!» и благословил нас обоих на путешествие в руины советской истории.

☛ Georgs: Марина, вопрос – а ты не была знакома с литературоведом и переводчиком Юрием Абызовым? Я считаю его работы по изучению русского языка в Прибалтийских странах совершенно уникальными. А какой он был переводчик! Вот кого полезно было бы сегодня переиздать!

☛ Marina: Вопрос наивный! Как я могла не быть с ним знакомой, если это именно мы, четыре русских писателя – Абызов, Авзрова, Добровенский, Костенецкая – создали ЛОРК (Латвийское Общество Русской Культуры), который стал на сторону Народ-

ного Фронта во время Атмоды! Мы с Абызовым были не просто знакомы, мы были друзьями.

☛ Georgs: Отлично. Поговорим о дружбе. Кажется, что у нас, у русских, в их иерархии ценностей, феномен дружбы поднят на какую-то совершенно небывалую высоту, неведомую для других народов, уж протестантов, как минимум, у которых на первом месте всегда стоит ценность семьи. Думается, так сложилось исторически, поскольку подавляющая часть народа в России никогда ничем не владела (да и сейчас не владеет). Любая, самая ничтожная собственность, включая семью, всегда была и по сей день остаётся достаточно эфемерной. Фактически священные права собственности могли быть нарушены в любую минуту самим государством, помещиками, другими разнообразными заинтересованными лицами, как теперь, типа чёрными маклерами, судебными исполнителями и иже с ними. Уважения к частной собственности на нашей территории так и не выработано. Совок forever!

Более того, не было уважения и к самой жизни человека, особенно мужчины. Государство всегда рассматривало «свой» народ как ресурс для достижения тех или иных материальных целей: обогащения путём сбора налогов, для захвата новых территорий, разработки полезных ископаемых или для работы на государственных предприятиях и проч. (Помнишь, в школе учили страшное стихотворение Некрасова «Железная дорога»? А много ль изменилось с той поры?). Поэтому человек продолжает искать хоть какую-то опору в жизни. И эту опору, взаимовыручку, душевный покой он находил даже не в семье, а чаще всего, в друзьях. Понятие дружбы стало священным для советских людей. Общение с друзьями – единственные моменты свободы, когда человек чувствует себя безопасно и комфортно эмоционально.

Я был и продолжаю быть счастливым в друзьях. Большими моими друзьями были и остаются Шегельманы, Семён и Юла. Когда в 1975-м они эмигрировали, это была такая боль! Но они

оставили мне в наследство другого своего друга, известного кинорежиссёра Ансиса Эпнерса. Ансис ушёл из жизни в 2003-м году, подцепив на съёмках в Африке редкий вирус. Всё это были мои старшие товарищи. А теперь уже наоборот, - все мои друзья моложе меня.

И хотя ведутся споры, могут ли быть друзьями мужчина и женщина, скажу, что у меня было несколько женщин в друзьях. Это и Чарна Рыжова, одна из лучших рижских журналисток, и Светлана Хаенко, с ней ты тоже была знакома, и, наконец, Кэти Бойд, режиссёр из Глазго. Наши отношения с Кэти, начавшиеся двадцать лет назад, легко могли бы перейти в более интимные. Но мы оба решили, что нам этого не надо. Моя жена легко читает по моему лицу всё, что со мной происходит. Кэти тоже была в отношениях и не хотела доставлять боль партнёру. Это очень крепкая дружба, хотя мы и встречаемся раз или два в году.

И то, что мы сегодня с тобой обрели друг друга в дружбе – тоже результат настоящих и глубоких отношений в прошлом. Если бы я не принял участия в твоей судьбе и не попросил своего друга Михаила Мошенкова помочь тебе, то сегодня, возможно, мы бы и не писали бы друг другу эти заметки. Кстати, как мы встретились с Михаилом – тоже совершенно отдельная, удивительная история.

☛ Marina: Стоп! С этого места поподробнее... Меня как раз всё время интересовало, а как ты познакомился с Михаилом?

☛ Georgs: Это было уже шестнадцать лет назад. Кэти Бойд как раз работала над своим вторым рижским проектом «Books of Silence» на стихи Оскара Милоша. Удивительный литовский поэт, живший в Париже и писавший по-французски. Он дядя знаменитому Чеславу Милошу. Так вот... Проект был очень тяжёлый. Да еще, как обычно, тёмный ноябрь, один из самых тёмных наших месяцев. Мы шли с Кэти после репетиции по Старой Риге, и она пожаловалась, что в гостинице, где она остановилась,

уехала массажистка. Но она была уверена, что у меня-то точно есть кто-то по этой специальности. На тот момент у меня тоже не было никого в этой области, но у одной моей знакомой был, по её словам, специалист высокого класса. Мы шли, как сейчас помню по Вальню, и я позвонил этой своей приятельнице – Ирине – на этот предмет. Ирина через пять минут перезвонила и сказала, что я могу отвезти Кэти на приём завтра в 19.00 на Стабу, 63 в Школу Света Рэйки (когда-то она находилась ещё там) к Михаилу Мошенкову.

Я боялся отпускать Кэти одну. Как она пойдёт куда-то вечером, чуть ли не в конец улицы Стабу (всё-таки не самое людное место!) в чужом для неё городе без сопровождающего?! Ведь Кэти не говорит ни по-русски, ни по-латышски.

В общем, на следующий вечер мы пришли по указанному адресу. Я решил дождаться результата, чтобы проводить Кэти обратно в отель. Через час она как-то то ли выплыла, то ли выпала из двери кабинета и сказала: «Знаешь, я бывала на массаже в Таиланде, в Египте, но здесь... Это – нечто! Ничего подобного я в жизни не испытывала! Мне, как минимум, ещё пару раз надо сюда прийти!».

Пока мы общались, вышел двухметровый такой мужчина. Это и был Михаил. Мы познакомились. Он взглянул на меня и сказал: «А что это вы чужих-то водите? Вам бы о себе стоило подумать».

- Вы серьёзно? – удивился я.

- Более чем! Запишитесь у моей помощницы.

Я записался, как помню, попал только через две недели. Так мы познакомились. Сам сеанс описывать не буду – Михаил действительно творил чудеса! Я стал его клиентом. Потом он реально помог нескольким моим друзьям. По его совету я и сам прошёл три курса системы Рэйки, в которой он работает и даже могу теперь иногда какие-то проблемы решать самостоятельно. Это действительно доступная, простая система оздоровления, разработана японским доктором Микао Усуи в начале XX-го

века. Она не связана ни с мистикой, ни с религиями, а лишь с теми бесконечными энергетическими возможностями, которые скрыты в организме каждого из нас. Так, при содействии Кэти, я познакомился с тем самым человеком, с которым до этого Ирина меня безуспешно пыталась познакомить лет пять. Я не слишком доверяю всякого рода целителям, слишком много среди них парлатанов, но Михаил, как оказалось, действительно целитель от Бога! Так что, как я ни сопротивлялся, всё-таки сама судьба свела нас вместе. Представляешь, как ангелы там, наверху, выстраивали всю эту логистику?

☛ Marina: Так ведь более того — со мной всё это повторилось один к одному! Я тоже абсолютно не доверяю никаким экстрасенсам (имею горький опыт общения с такого рода публикой!), и сейчас честно признаюсь, что просто не хотела обидеть тебя отказом от предложенной помощи, только поэтому и согласилась на встречу с Михаилом. Но после первого же сеанса, так же, как и ты, поняла, что целитель этот послан мне самим небом! Тому лучшее доказательство — наша книга. Ведь год назад я уже практически не вставала с постели, а сейчас не только работаю за письменным столом, но и выхожу из дому, путешествую по всей Латвии! И это с учётом того, что живу на четвёртом этаже, без лифта.

☛ Marina: Но возвращаясь к Илану Полоцку и Соловкам... Не знаю, помнишь ли ты, Георг, что в советское время существовал такой вид «общественного транспорта» как автостоп? Это ведь был вполне легальный способ путешествовать по всей стране практически бесплатно. В туристических клубах за копейки можно было приобрести книжечки с отрывными талонами, на которых были указаны разные цифры с километражем — 10, 20, 50, 100... Отправляющийся в путешествие турист голосовал машинам на трассе специальной книжечкой, и взявший в машину туриста шофер получал потом за проезд талончики с указанием

километража. Сейчас уже не помню, что шоферы имели в виде бонусов за эти талончики, но почему-то им было выгодно брать на трассе голосующих автостопом путешественников.

☛ Georgs: Да, прекрасно помню, как зарождалось это движение, — оно пришло к нам из Польши, а туда — от битников и хиппи Великобритании и США. Не имеющая средств для путешествий молодёжь могла передвигаться по бескрайним просторам.

☛ Marina: Вот, вот... Мы с Володиёй Раппапортом и были теми самыми советскими то ли битниками, то ли хиппи! Собрали рюкзаки, вышли из трамвая на конечной остановке в районе Юглы и — подняли книжечку автостопа на обочине шоссе. И поехали с пересадками с грузовика на грузовик сначала через Латвию, потом через Эстонию и Карелию, пока не оказались в славном городе Медвежьегорске.

Во времена сталинских репрессий в Медвежьегорске находилась комендатура, ведавшая всеми лагерями Северо-Западного региона. Уже в XXI веке под Медвежьегорском были обнаружены массовые захоронения расстрелянных узников Соловецкого лагеря. Ну, а тогда, в 1963-м, мы с Володиёй оценили этот город только как конечный пункт для возможностей автостопа — дальше шло сплошное российское бездорожье. К счастью, с тех времен, когда Медвежьегорск был цитаделью НКВД, там сохранилась тупиковая железнодорожная ветка до станции Северодвинск на берегу Белого моря. Не знаю, ходили ли в Северодвинск в 1963 году пассажирские поезда, но если и ходили, то все равно лишних денег на билет у нас не было, так что к Белому морю мы прибыли «зайцами» на открытой платформе товарняка. Здесь, на пристани Северодвинска нас встретили толпы туристов, которые, так же, как и мы, жаждали попасть на Соловки. Попасть туда можно было на катере. Был этот катер какой-то полулегальный — наполовину пассажирский, наполовину

грузовой... Как заведённый волчок он мотался от пристани Северодвинска до Большого Соловецкого острова и обратно.

Выстояв честно очередь на посадку и уплатив за проезд ведающему дощатыми сходящими матросу, мы, наконец, оказались у конечной цели своего путешествия – в стенах метровой толщины то ли келий, то ли тюремных камер монастыря. Незадолго до нашего приезда там был открыт филиал Архангельского краеведческого музея, так что теперь туристы могли не только знакомиться с достопримечательностями монастырского комплекса, но и располагаться на ночлег прямо на полу в этих кельях-камерах. До создания гостиницы с кроватями и постельным бельем руки у музейщиков еще не дошли, поэтому проживание в монастыре было бесплатным: разворачивай свой спальник, занимай приглянувшуюся камеру и – спокойной ночи! Мы с Володей прибились к компании москвичей из какого-то НИИ, забронировали вместе с ними комнату побольше, поужинали с песнями под гитару... А ночью со мной случилось ЧП – живот свела сильная боль. Не помню фамилии младшего научного сотрудника московского НИИ, который первым забил тревогу, но звали его точно Женя. Этот Женя заставил меня среди ночи встать и отправиться с ним в расположенный тут же на острове 80-ый Военно-морской базовый лазарет. Как это медицинское учреждение правильно называется, я узнала, конечно, потом, но остаток своей первой ночи на Соловках провела уже на чистых простынях больничной палаты. Дежурный врач поставил диагноз «подозрение на аппендицит» и не разрешил мне покидать лазарет до прихода хирурга.

Капитан Уткин, хирург военно-морского лазарета, появился в палате утром, и вскоре после нашего знакомства я отправилась на каталке в операционный зал. Однако ещё раньше капитана Уткина, ни свет ни заря прорваться в палату пытался «отвечающий за Марину головой» бедолага Володя. Почему-то его ко мне не пускали, и медсестра взяла на себя функции

почтальона – носила туда и обратно наши записки. Когда я сообщила Володе, что сейчас меня повезут на операцию, связь оборвалась, и встретились мы уже после операции только на следующий день. Обсудили сложившуюся ситуацию. По прогнозу капитана Уткина в лазарете мне надлежало провести ближайшие две недели. Это теперь, в XXI веке после операции аппендикса из больницы выписывают чуть ли ни на следующий день, а в далеком 1963 с таким диагнозом под надзором врачей полагалось оставаться до полного заживления шва. Володе сидеть две недели на Соловках без дела (и без денег!), только ради того, чтобы потом в кузовах грузовиков мы тряслись до Риги вдвоём, а не порознь, было, конечно, nonsens. Но и одной мне возвращаться домой автостопом с тяжелым рюкзаком на плечах немыслимо. Посчитали имеющуюся у нас на двоих наличность, после чего почти все деньги Володя оставил мне на железнодорожный билет, сказав, что сам в пути продержится на подножном корме. Помню, как после возвращения в Ригу Илан Полоцк с пристрастием допрашивал меня, достойно ли повёл себя Володя? Конечно, достойно! Я и сейчас вспоминаю его только с благодарностью. Просто так уж, видно, на роду мне было написано, что поклониться жертвам сталинских лагерей на Соловках я поехала именно с Володей Раппапортом, а оценить подвиг ликвидаторов последствий радиоактивной катастрофы в Чернобыле должна была именно с поэтом и переводчиком Улдисом Берзиньшем. Случайных встреч в жизни не бывает! Так что усаживайся, Георг, поудобнее и приготовься выслушать, какое очередное коленце выкинула моя судьба двадцать три года спустя после путешествия на Соловки.

На сегодня это всё, Георг! Меня, к сожалению, выбивает из колен наша общая знакомая – звонит по телефону (я не поднимаю трубку), пишет в Скайпе... Я ей ещё раз написала, что работаю и прощу меня не беспокоить!!! Но в Скайпе вижу уже 4 послания от неё – не хочу читать...

● **Marina:** Многие историки и политологи считают, что последний гвоздь в гроб СССР вбила чернобыльская катастрофа. Вернее, не столько даже сама катастрофа, сколько замалчивание советским руководством ее трагических масштабов. Насчёт последнего гвоздя судить не берусь, но через несколько месяцев после взрыва на атомной электростанции даже привыкшие доверять советским газетам аполитичные обыватели уже не сомневались, что народ дураят – за бодрыми репортажами о подвиге наших людей, успешно справляющимися с последствиями аварии, скрывается чудовищная ложь. Зловещая тень Чернобыля нависла не только над СССР, но и над другими странами. Конечно, я внимательно следила за информацией о катастрофе не столько по советской прессе, сколько через «вражеские голоса» зарубежных радиостанций, так что на сей раз даже моя родственная Остапу Бендеру натура не соблазнялась увидеть всё собственными глазами. Однако вот что произошло со мной поздним октябрьским вечером 1986 года в Риге на троллейбусной остановке возле Матвеевского рынка. Это была суббота. Я возвращалась со дня рождения подруги уже около полуночи и ждала троллейбус на совершенно пустой улице Ленина (нынешняя Бривибас), чтобы ехать домой. Вокруг ни души! И вдруг, как из-под земли, прямо передо мной вырастает фигура поэта Улдиса Берзиньша. Я, конечно, обрадовалась знакомому человеку, потому что ждать в одиночестве последний троллейбус становилось уже неудобно.

Мы обменялись несколькими незначительными фразами, после чего Улдис безо всякого перехода задал мне дурацкий вопрос: «Хочешь в понедельник лететь в Чернобыль?»

Конечно, сказанное я всерьёз не восприняла, подумала, что коллега шутит, но прежде чем успела сказать ему, что шутка неудачная, поэт Улдис Берзиньш ровным монотонным голосом, как некую рутинную информацию, стал излагать суть дела. Очевидно, в предыдущие дни я была в разъездах по Латвии на встречах с читателями, поэтому до меня не смогли дозвониться, и я просто была не в курсе, что Союз писателей проводит акцию по сбору книг с автографами для отправки в латвийский полк ликвидаторов, работающих на устранении последствий аварии в Чернобыле. Библиотечку собрать удалось быстро – ни один писатель не отказался подарить свою книгу со словами благодарности и поддержки ликвидаторам. Но дальше возникли проблемы: необходимо было найти трёх писателей-добровольцев, которые согласились бы доставить собранные книги в радиоактивную Зону. Но почему же книги нельзя отправить просто посылкой, без персонального сопровождения? И тут, в ответ на мой логичный вопрос, всё тем же ровным монотонным голосом Улдис Берзиньш сообщил главное: приказ об акции по сбору книг пришёл в Союз писателей из ЦК партии. Дело в том, что в латвийском полку случилось подряд два ЧП: не выдержав эмоционального напряжения, повесился один из врачей медицинской роты, а через день его примеру последовал и рядовой... В ЦК партии забили тревогу – суицидальные настроения могут принять характер эпидемии, необходимо срочно поднять боевой дух посланных в зону резервистов! Самое подлое заключалось в том, что сразу же после аварии людей призывали, якобы, на обычные военные сборы сроком на два месяца. Где эти «сборы» будут проходить и в каких «учениях» резервистам предстоит участвовать, никому не говорили. О том, что послушно отправившийся из дома по повестке в военкомат

человек нежданно-негаданно оказался в радиоактивной зоне, родственники зачастую узнавали лишь спустя несколько дней... Но – со дня призыва и сам резервист, и родственники начинали считать дни до окончания сборов. Два месяца. За лето часть резервистов действительно сменили другие люди, но большинству в сентябре вдруг объявили, что они уже все равно получили «свою дозу радиоактивности», новую партию резервистов отправлять в Зону на облучение нет смысла. Так что придется призывникам первой волны оставаться здесь до конца, то есть до момента завершения строительства защитного саркофага над четвёртым взорвавшимся блоком электростанции. Вот это циничное заявление военного командования и стало спусковым крючком для самоубийств в латвийском полку. Отменить решение армейских чинов ЦК партии не мог, но поднять в полку боевой дух можно было попытаться. Однако и тут случилась осечка: на весь Союз писателей Латвии нашелся всего один человек, согласившийся добровольно ехать в Чернобыль – поэт Улдис Берзиньш. Как он позже сам мне то ли в шутку, то ли всерьёз объяснил – двое детей у него уже есть, третьего заводить не планирует, так что облучения он уже не боится...

Вторым сопровождающим писательскую библиотечку в Зону по партийной линии был назначен уже не писатель, а журналист Андрис Спрогис. На тот момент Спрогис на непродолжительный срок был утверждён главным редактором газеты Союза писателей «Литература ун Максла», и его ЦК мог отправить в Чернобыль добровольно-принудительно. Ну, а третьего так и не нашли... Лететь надо в понедельник утром. И вот около полуночи в субботу мы с поэтом Улдисом Берзиньшем стоим на абсолютно пустой улице Ленина (нынешняя Бривибас) возле Матвеевского рынка, и коллега спокойно объясняет мне, что приезд двух мужиков в Зону никак особенно не скажется на настроении уставших резервистов, а вот если бы они увидели у себя в полку популярную писательницу, женщину...

Короче говоря, последний ночной троллейбус 17 маршрута ещё не успел доехать до Матвеевского рынка, когда я сказала Улдису: «В понедельник летим вместе».

Третье командировочное удостоверение в Союзе писателей выписали в воскресенье, а рано утром в понедельник к дому каждого из нас троиц подъехала машина «Волга» из гаража ЦК, и писательский десант с комфортом был доставлен на военный аэродром, откуда спецрейсом нам надлежало лететь в Чернобыль. Помимо нас в самолете летело человек двадцать новых резервистов («партизан», как их называют в народе) на смену комиссованным в Зону по состоянию здоровья ликвидаторам. Выглядели «партизаны» весьма живописно: средних лет мужчины в военной форме БУ, с длинными, свисающими из-под пилоток волосами, с одинаковыми вещевыми мешками, небрежно накинутыми на одно плечо – военной выправки нет и в помине. Это были люди сугубо штатских в мирной жизни профессий – шоферы, инженеры, художник – некоторых из них военкомат, как выяснилось, забрал на сборы среди ночи прямо с постели.

Не берусь назвать точно географический пункт, где наш самолёт совершил посадку на Украине, но сели мы однозначно в тридцатикилометровой Зоне отчуждения. Когда заходили на посадку, в иллюминаторе были видны заброшенные фермы, фруктовые сады и поля с неубранным урожаем, улицы и дома без каких-либо признаков жизни. Прямо на лётное поле к самолёту подкатил военный уазик, и мы распрощались у трапа с «партизанами». Прибывших поддержать дух латвийских ликвидаторов писателей в палаточный городок доставили на личной машине командира полка.

Палатки стояли на болоте. Как нам потом объяснили, выбор рельефа для дислокации полка определялся, в первую очередь, наиболее безопасными природными условиями. Считалось, что там, где нет деревьев, радиация представляет меньше опасности, поэтому по весне лагерь разбили на сухом болоте.

Однако, к октябрю вместе с осенними дождями в палаточный городок пришла сырость, и теперь походные солдатские койки во многих палатках стояли буквально в воде. Нас, как дорогих гостей, на постой определили в медпункт, большую армейскую палатку с красным крестом у входа. Внутри медпункта было несколько помещений. Стены между помещениями изображали простыни с черными инвентарными штампами и надписанными каллиграфическим почерком бумажными табличками: «терапевт», «перевязочная», «операционная», что-то ещё в таком же роде... Для меня походная солдатская койка на три дня была установлена в «операционной», а в «кабинете» терапевта за простыней почему-то на носилках (не хватило армейских раскладушек?) устроились оба моих попутчика, Улдис и Андрис.

Курировать наше пребывание в полку было поручено политруку. Он сообщил, что привезенную библиотечку мы торжественно передадим личному составу во время вечернего построения, а некоторые книги с писательскими автографами отличившимся ударным трудом ликвидаторам надо будет вручать индивидуально. Политрук будет оглашать по списку фамилии, а мы вручать и пожимать руку вышедшему из строя ликвидатору.

С того дня прошло тридцать с лишним лет. Но знаешь, Георг, меня по сей день не покидает то чувство неловкости и опереточной фальши, которое я испытывала, пожимая на осеннем болоте руки «партизан» и бубня им какие-то слова благодарности и восхищения. Нет, не потому что я неспособна была искренне оценить их труд в Зоне! Просто я ведь прекрасно осознавала, что мы сюда приехали всего на три дня, что нам никто ничего здесь не может приказать, а эти взрослые мужчины – мужья, отцы, сыновья – должны были беспрекословно выполнять ту грязную и в основном абсолютно бессмысленную работу, которая, как считалось, спасает мир от распространения радиоактивной пыли.

Но, как бы то ни было, в первый же вечер мы раздали все привезённые книги по заявленному политруком сценарию

и после совместного с личным составом ужина в палатке-столовой собрались на частную беседу с медиками полка в своем импровизированном госпитале. Тут разговор пошёл уже начистоту.

Пили крепкий чай с глюкозой из ампул – шлёпать за сахаром по ночной грязи до столовой хозяева посчитали просто снобизмом. Раскрепощённый от прямых обязанностей политрук оказался вдруг вполне коммуникабельным и словоохотливым собеседником. Между делом, он попросил медиков среди ночи сделать ему анализ крови, и тут же, за чаем, с чувством глубокого удовлетворения убедился, что с лейкоцитами у него всё пока остается в норме...

Слово за слово, мы договорились, что утром на полковой машине «скорой помощи» съездим на обзорную экскурсию по тем объектам Зоны, куда не требуется пропуск высшей категории – например, на могильники бытовых вещей и кладбище радиоактивных машин.

Тех врачей, которые сопровождали нас в «скорой помощи» на той необычной экскурсии, давно уже нет в живых. Они были моложе меня. Сергей Беген, Леонид Серебров... Как сейчас помню огромное поле, обнесённое колючей проволокой, за которой стоят сотни и совсем новеньких, и не очень легковых машин, грузовиков, автобусов. Всем им вынесен смертный приговор – машины настолько заражены радиацией, что дезактивации уже не подлежат. Что с ними теперь делать, никто не знает. Сжигать нельзя – радиоактивный дым ветер разнесёт далеко за тридцатикилометровую зону отчуждения. Закопать в землю тоже нонсенс – никаких бульдозеров не хватит! И вот стоят машины на «вечном покое» за колючей проволокой, и наши экскурсоводы объясняют, что пассажирские автобусы на автокладбище попали после того, как вывели из Зоны в эвакуацию людей...

[Останови меня, Георг, если я слишком увязла в черновыльских подробностях – мне просто трудно отделить главное от второсте-](#)

пенного, очень хочется отделить главное от второстепенного, передать атмосферу тамошнюю...

☛ **Georgs:** Пиши, не останавливайся, потом сократим, ежели что...

☛ **Marina:** Домой, в палаточный городок, мы возвращаемся по шоссе, через каждые несколько километров перегороженное шлагбаумами блокпостов. На блокпостах ликвидаторы, одетые в белые защитные костюмы и с марлевыми медицинскими масками на лице, проверяют уровень радиоактивности на колёсах всех машин, выезжающих из более грязной зоны в более чистую. Если колёса «грязные», машину тут же подвергают санобработке – моют из шланга мощной струей мыльного раствора из стирального порошка. Вода стекает в кювет, выложенный километрами полиэтиленовой пленки. По этой пленке она дотекает до скважин, там вроде бы уходит под землю... Я спрашиваю у наших врачей, в чем смысл такой «санобработки», если заражённая радиоактивная вода всё равно через скважины смешается где-то с грунтовыми водами, наполняющими колодцы питьевой воды? Врачи в ответ пожимают плечами.

Уже потом, спустя несколько лет, я узнаю, что и кладбище машин за колючей проволокой оказалось, в конечном счёте, таким же театром абсурда, как и выложенные дорогостоящим полиэтиленом кюветы в Зоне. Когда в последующие годы в Чернобыль отправляли шофёров для восстановления городов и сёл на латвийских колхозных машинах, при поломке на месте негде было взять запчасти, и тогда наших шофёров уже вполне легально и официально отправляли на кладбище снимать с радиоактивных машин нужную для ремонта деталь.

Переведу дух, чтобы совсем уж неприлично не удариться в воспоминания. Мне всё же важно в Чернобыле доехать до самой станции (я ведь и там сумела побывать) и до того солдата, который

укрыл меня ночью своей шинелью... Может быть, продолжу всё-таки уже завтра.

☛ **Georgs:** Вот тебе цитата из «последнего» Дмитрия Быкова. Слушал его ночью: «Сверхчеловеком становятся там, где нет возможности человеческого, где нет перспективы, нет веры, нет мира, где нет человечности во взаимоотношениях. Потому что каждый – и это особенно заметно в «Герое нашего времени» – каждый стремится только к самоутверждению. Выход один: отринуть постепенно всё человеческое, перерасти его и сделаться тем чудовищным, тем ненавистным для всех существом, которым мы застанем в финале Печорины».

☛ **Marina:** Быков, как всегда блестящ!... Я его очень ценю. И эта цитата, кстати, тоже очень вовремя пришла к тебе.

Для меня сейчас Чернобыль именно УРОК ЧЕЛОВЕЧНОСТИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ. Именно поэтому такая ностальгия... Там, в Зоне, я узнала по-настоящему в первый и, боюсь, в последний раз в жизни, что такое «роскошь человеческого общения» по Экзюпери. Это правда. Без ложного пафоса и саморекламы...

☛ **Marina:** Аппетит, как известно, приходит во время еды. После того как нам удалось «выклянчить» у политрука экскурсию сначала на кладбище машин, а потом и на могильники бытовой техники, вывезенной из домов эвакуированных, чтобы телевизоры, магнитофоны, холодильники и прочее не растащили по всей стране мародёры, во мне проснулся чисто журналистский азарт. Во что бы то ни стало я должна побывать и на самом месте катастрофы, то есть на атомной электростанции! Иначе какое же у меня будет моральное право писать статью о Чернобыле? Раз уж доехали до Зоны... Но тут уговорить политрука оказалось намного сложнее. Въезд на территорию электростанции гражданским

лицам категорически запрещён. Это связано с реальным риском для здоровья, и машину с пассажирами, не имеющими прямого отношения к работам по ликвидации последствий аварии, ни один блокпост не пропустит. Стыдно признаться, Георг, но кажется никогда в жизни до этого я так не кокетничала с мужчинами, как кокетничала во время очередного вечернего чаепития с отвечающим за нашу безопасность политруком. И в конце концов он сдался.

Конспиративный план был разработан в деталях.

Мы поедem на личном военном уазике командира полка. На ветровом стекле этой машины установлен пропуск с магическим словом «ВСЮДУ!», а это означает, что дежурные на блокпостах не имеют права машину останавливать, им просто автоматически надлежит «брать под козырек». Рядом с шофёром на переднем сиденье поедет политрук в военной форме, а мы трое будем сидеть сзади и при виде шлагбаума на шоссе тут же пригнуться к полу, так, чтобы у постовых не возникло подозрения о нелегальных гражданских пассажирах.

Выехали глубокой ночью, когда без важного дела по Зоне вроде бы уже никто не должен шастать. Между тем работы по строительству защитного саркофага над взорвавшимся четвёртым блоком электростанции идут круглосуточно, машины со свежим бетоном идут туда непрерывным потоком, и в этом потоке наш уазик должен проскочить без проблем...

Проскочили. Машина остановилась на ярко освещённой прожекторами площадке возле третьего блока электростанции, и политрук честно нас предупредил: «Если выйдете из машины и постоите здесь на земле, сапоги потом придется выбросить. Отмыть подошвы вряд ли удастся – реальный уровень загрязнения вокруг блока гораздо выше, чем даётся в оперативной сводке по полку...» Конечно, я вышла. Конечно, постояла. И отнюдь не из жажды острых ощущений, а просто потому, что из машины невозможно было толком разглядеть крышу третьего блока, на которой, как мы уже знали, с реальным риском для жизни работали ликвидаторы

из полков разных республик Советского Союза. Впрочем, слово «работали» здесь не совсем уместно. Люди находились на крыше всего одну минуту. За эту минуту каждый из поднявшихся на третий блок ликвидаторов должен был успеть схватить щипцами и сбросить вниз кусок радиоактивного графита, который взрывной волной забросило из реактора четвертого блока на крышу третьего. Ровно через минуту над станцией раздавался воющий звук сирены, и люди, одетые в защитные костюмы со свинцовыми пластинами, которые условно, как фиговый листок, прикрывали от радиации только грудь и спину, бегом устремлялись обратно к люку с ведущей внутри блока вниз лестницей.

Снизу на самом краю крыши нам был хорошо виден ярко-оранжевый японский робот, который, как мы тоже уже знали, не выдержал огромной радиации и просто-напросто вышел из строя. За робот государством были заплачены огромные деньги в валюте, но когда он сломался, вместо дорогостоящей техники на крышу стали подниматься живые люди. На одну минуту. Увы, для большинства из них эта минута впоследствии стала роковой – в лучшем случае инвалидность, в худшем – летальный исход.

Конечно, я не могу знать, сколько именно ликвидаторов прошло через крышу третьего блока, но знаю, что много. Ведь определённое количество людей из личного состава туда должен был выделить чуть ли не каждый полк, а полков со всего Советского Союза в Чернобыле дислоцировалось множество – пропорционально населению каждой союзной республики. Точно знаю, что в дни нашего пребывания в Чернобыле на крышу поднимались и ликвидаторы из латвийского полка. Подробнее об этом расскажу ниже.

Постояв у третьего блока, мы сели в машину и поехали посмотреть на Припять, полностью эвакуированный город атомщиков всего в нескольких километрах от самой станции.

Теперь я знаю, Георг, как будет выглядеть наша планета после ядерной войны, если человечество окончательно сойдет с ума...

К Припяти подъехали ночью. Стояло полнолуние, небо было без единого облачка, и в этом колдовском лунном свете мы увидели сюрреалистичную картину мертвого города. Без единого горящего фонаря на улицах, без единого светящегося в домах окна, но зато с нескошенной на газонах травой, которая под воздействием радиации за лето вымахала выше человеческого роста. Сам город был обнесён высоким забором из колючей проволоки с пропущенным по верху током высокого напряжения. О токе потенциальных мародеров предупреждали установленные по периметру ограждения фанерные щиты.

Мы опять вышли из машины, и в свете луны политрук обратил наше внимание на сплошь жёлтую хвою деревьев подходящего к черте города леса. Объяснил, что это радиоактивный ожог. Стволы деревьев не были обуглены, как это выглядело бы после обычного лесного пожара, но хвоя красноречиво говорила об опасности – ведь радиацию так просто глазом увидеть невозможно... И вдруг на наши голоса из мёртвого города вышла живая кошка. Она без труда пролезла под нижний ряд колючки и с жалобным мяуканьем стала тереться о мои ноги. Я тут же, не раздумывая, потянулась схватить бедолагу, чтобы крепко прижать к груди, увезти с собой в Ригу... Но тут же ощутила резкий удар по рукам и услышала окрик нашего проводника: «Не трогай! Это смерть!!!»

Эта живая кошка, искавшая у меня спасения в мертвой Зоне, но так и оставленная на произвол судьбы возле колючей проволоки, потому что уровень радиации на её шерсти, конечно, зашкаливал, стала для меня одним из самых сильных эмоциональных потрясений в Чернобыле. Наверное, у каждого человека картина увиденной ядерной катастрофы складывается в мозгу из каких-то мелочей, и как знать, какой именно кусочек пазла останется в этой картине жить в тебе занозой навсегда.

Как я уже писала, жили мы в Зоне в большой армейской палатке медпункта в нескольких разгороженных простынями «кабинетах». Только в моем отсеке, кроме операционного стола и брезентовой

раскладушки, стояла ещё и печка-буржуйка. Ночи в октябре на Украине холодные, так что топить буржуйку мы начинали уже с вечера, а потом до самого утра подбрасывать дрова приходил с улицы дневальный. От всего пережитого и увиденного уснуть я, конечно, не могла, а солдат, опасаясь потревожить мой сон, заходил в «операционную» в кирзовых сапогах на цыпочках. Чтобы не смущать парня, я тут же притворялась крепко спящей, и он, тихонько положив в печку принесённые поленья, так же на цыпочках выходил из палатки на улицу.

Случилось это на рассвете. Небо за марлевым окном палатки начинало светлеть, а температура воздуха опустилась до суточного минимума, так что даже топящаяся рядом буржуйка уже не спасала меня от промозглой предутренней сырости. Дневальный принес очередную охапку дров. Тихонько открыл дверцу буржуйки, тихонько закрыл... Я крепко «спала», но сквозь прикрытые веки вдруг четко увидела, как парень расстегивает на шинели ремень. Мелькнула пошлая мысль «сейчас полезет», однако открыть предупреждающе глаза я не успела. Дневальный снял с себя шинель, осторожно накрыл меня ею поверх тонкого армейского одеяла и так же на цыпочках в одной только тонкой гимнастёрке вышел из палатки и растворился в промозгом предрассветном тумане.

Прости, если это звучит слишком высокопарно, Георг, но в тот момент я, как женщина, ощутила себя Наташей Ростовой на первом балу... То есть я вдруг до конца осознала, что Улдис был абсолютно прав, когда на троллейбусной остановке сказал мне: ликвидаторам надо увидеть приехавшую к ним в Зону женщину, а не двоих добровольцев-мужиков с книгами.

Утром за завтраком я с юмором рассказала о шинели дневального врачам: «Думала, он ко мне полезет!». Врачи посмеялись, но в целом мой рассказ восприняли спокойно, как само собой разумеющийся поступок солдата – не бойся, не простудился он в своей гимнастёрке!

И откуда же мне было в то утро знать, что та самая солдатская шинель вернется в мою жизнь двадцать лет спустя, когда я буду работать на Латвийском радио ведущей авторской программы «Домская площадь»!

В редакцию позвонила незнакомая женщина и попросила меня, если можно, сообщить по радио, когда и где пройдут похороны чернобыльца – доктора Леонида Сереброва. Он был известным в республике врачом-травматологом, возможно, кто-то из пациентов услышит объявление и захочет прийти проститься. Монолог женщины вылился на меня ушатом холодной воды – как, и доктор Серебров уже умер?! Но он ведь намного моложе меня, я ведь встречалась с ним в Чернобыле! Не помню, что ещё я успела выпалить в телефонную трубку, сообщившую горестную весть, но на другом конце провода женщина вдруг в голос разрыдалась: «Да, я знаю! Это звонит дочь Леонида Сереброва. Папа в последнее время болел. Он часто слушал «Домскую площадь», и когда у микрофона бывали вы, всегда говорил: «Марина, Марина... Мы ее укрывали шинелями».

Та шинель дневального, оказывается, стала для чернобыльцев чуть ли ни символом. Рассказ о ней передавали из уст в уста как легенду.

На сегодня хватит. Тему Чернобыля продолжу ещё и завтра – надо собраться с мыслями, чтобы не слишком увлечься...

Нет, не могу все же остановиться – начну тему латвийцев на крыше третьего блока уже сегодня...

Но я обещала, Георг, рассказать еще о латвийских чернобыльцах на крыше третьего блока, когда они заменили собой выпедший из строя японский робот. Самой мне эта история в подробностях тоже стала известна лишь много лет спустя, когда из-за возникших проблем со здоровьем я, наконец, решилась все же обратиться в Центр радиологической медицины в Республиканской больнице Страдыня. Там надо было вставать на чернобыльский учёт, а для этого предъявить документы, подтверждающие факт моего

пребывания в 1986 году в Зоне. Среди прочего я принесла на приём врачу и свою опубликованную после поездки в «Падомью Яунатне» статью «Будни Чернобыля. Осень». Начиналась статья словами о начальнике медицинской роты докторе Андрисе Юнге: «Доктор Юнга, что вы делаете на этом страшном болоте? Вы — детский врач. Вы — такой ярко выраженный интеллигент. Доктор Юнга, вы ведь не умеете командовать!» Врач, прочитавшая этот текст, вдруг поднимает на меня глаза и говорит: «Юнга? Месяц назад он тоже встал у нас на учёт». Находит его карточку — телефон не указан, есть только адрес: город Иецава, улица, дом... Конечно, на следующий же вечер на машине своих друзей я была уже в Иецаве. Дверь открыла жена доктора Юнги. На лестнице было темно, и она меня не узнала. Подумала, как потом выяснилось, что по делу пришла какая-нибудь родственница маленького пациента. Меня пригласили пройти в дом. С раскинутыми для объятий руками я влетела в ярко освещённую кухню и... тут же соляным столбом застыла на пороге: на табурете передо мной сидел совершенно седой доктор Юнга с одной подвернутой штаниной, а рядом у стены стояли костыли и отстегнутый протез. Вместо радостных объятий я смогла ему только негромко сказать: «Наше братство свято». А он вдруг покраснел до самых корней седого ежика на голове, встал, неловко балансируя на одной ноге и сделал шаг мне навстречу: «Да. Но видите, я тоже уже не тот».

Ну, а сейчас это действительно все на сегодня... О крыше третьего блока доктор Юнга рассказал мне уже в следующий мой приезд в Иецаву...

☛ **Marina:** Итак, утречко добренькое! Продолжаю. Эта встреча с доктором Юнгой состоялась в 2004 году, через 18 лет после нашего знакомства в Чернобыле. Я давно уже работала на Латвийском радио и, отправляясь в Иецаву, в предвкушении эксклюзивного интервью, конечно, положила в сумку диктофон. Но после того, что я увидела в доме детского врача Иецавской поликлиники

Андриса Юнги, мой рабочий инструмент так и остался без дела лежать в сумке. Мы с Андрисом просто сидели за кухонным столом и говорили, говорили...

В тот вечер я узнала, что за эти годы доктор Юнга перенес пять тяжёлых операций. Что от государства ему вроде бы полагаются даже двойные льготы – как репрессированному в детстве во время депортаций 1949 года и как инвалиду-чернобыльцу. Однако реально получить эти льготы не очень-то получается, потому что ходить по бюрократическим кабинетам с протянутой рукой у Юнга больше нет сил. Ещё я узнала, что ему полагается бесплатный импортный протез, но стоит он дорого, так что государство пока смогло предоставить чернобыльцу только такое изделие, которые производились когда-то на советских заводах для инвалидов Отечественной войны.

Через неделю я приехала в Иецаву ещё раз. Теперь радиоинтервью с доктором Юнгой было уже заранее оговорено. Диск с этой аудиозаписью хранится сегодня в моем писательском архиве, и сейчас я хочу привести тот отрывок из интервью, который относится непосредственно к работам по ликвидации последствий аварии на крыше третьего блока Чернобыльской электростанции.

М.К. Люди шли на крышу, на эту очень опасную операцию, добровольно или «добровольно-принудительно» их посылали? И как вообще было принято решение именно людей латвийского полка туда посылать?

А.Ю. Командованию полка был отдан приказ выделить из подразделений определенное количество добровольцев, и из медицинской роты я должен был выделить шесть человек. На вечерней проверке это было объявлено, и в очень короткое время из строя вышли все шесть человек.

М.К. Эти ребята, которые сделали шаг вперед из строя, они осознавали, куда они пойдут, что им предстоит делать и насколько это опасно?

А.Ю. Я думаю, что они это вполне осознавали. Тем более, что записывались ведь адреса близких родственников и, конечно же, говорилось, что много чего там неясного.

М.К. То есть они идут в неизвестность...

А.Ю. Да, так оно и было.

М.К. Вы можете назвать имена тех первых шестерых добровольцев? Потому что, насколько я знаю, потом уже не было принципа добровольности, а был принцип разнарядки – столько-то человек поставить на крышу!

А.Ю. Из медицинской роты это был Верещагин Юрий, Фесько Василий, Кытманов Юрий, Грузило Вячеслав, Желанов Игорь и Дударев Семен. Считаю, что с их стороны это действительно было большое мужество. Интересно было бы узнать, как сложилась их дальнейшая судьба? Ведь двое из них получили свыше двадцати пяти рентген... Ну, переоблучились! Их на второй день отправили в госпиталь при Киеве, но вечером их вернули с рекомендациями срочно доставить по месту жительства.

М.К. Сколько был фон на крыше? Вот официально – сколько рентген там было?

А.Ю. На крыше... Ну, нам сообщили, что фон где-то четыреста, шестьсот рентген в час. А на одной из сторон трубы даже до тысячи семисот рентген в час. Личный состав не знал этих цифр. Это знали, эти цифры, мы, офицеры из довольно узкого круга.

Вот расшифровала с диска фрагмент аудио интервью с начальником медицинской роты латвийского полка в Чернобыле и сразу почему-то вспомнились строчки из «Реквиема» Анны Ахматовой:

«Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать».

☛ [Georgs: Удивительно всё-таки! Как же нужно стыдиться собственной истории, чтобы по сто лет скрывать в архивах](#)

документы от собственного народа? Но когда-нибудь и о Чернобыле узнаем всю правду.

☛ Marina: Уф! Я должна перевести дух и закончить тему. Пока не хочу распространяться о том, что в 1990 году я в Чернобыле была ещё раз – теперь уже две недели в статусе Народного депутата СССР, потому что Комитет по делам ветеранов и инвалидов готовил Закон о чернобыльцах, и меня командировали ознакомиться с реальной ситуацией на месте. На сей раз в Зоне меня сопровождал не поэт Улдис Берзиньш, а офицер Министерства Обороны СССР и два дня даже Министр здравоохранения Украины. Но писать об этом подробно будет уже перебор – мол, смотрите, какая Костенецкая молодец! Нет, вот этого мне точно не надо...

В память о всех ликвидаторах из Латвии и других республик – ныне независимых стран – 26 апреля 2006 года в день 20-летия трагедии на территории рижской больницы Страдыня был открыт памятник чернобыльцам. Именно в этой больнице лечились и уходили из жизни бывшие ликвидаторы.

Каждый год 26 апреля к этому памятнику приходят теперь с цветами ликвидаторы латвийского полка. И с каждым годом их всё меньше и меньше.

СЕГОДНЯ, В ДЕНЬ ЛУННОГО ЗАТМЕНИЯ МОЕМУ ЗНАКУ ЗОДИАКА НЕ РЕКОМЕНДОВАНО НАЧИНАТЬ НОВЫЕ ПРОЕКТЫ... Так что новую главу книги писать начну завтра. Подумай, Георг, может быть, тебя осенит, как нам перейти, наконец, к Руте и приближению Атмоды? Что витает в воздухе после 1986 года, когда центральным событием был, конечно, Чернобыль?

☛ Georgs: А после 86-го в воздухе витает перестройка и гласность. Весь мир влюбился в Горбачёва. Столько надежда, свобода, столько новой информации и возможностей... Мы (многие из нас) начали жить заново. Какое весёлое наступило время! Я-то уж точно сменил участь.

Хотя, вот что написал публицист Алексей Мельников: «Это ощущение человеческого достоинства несомненно существовало в эпоху перестройки. Собственно, это и означало разрыв с советской историей, несмотря на господствующий политический режим. Внутренне уже мёртвый в силу изменившихся ценностей общества.

Но постепенно понимание того, что перемены делаются ради достоинства человека, уходило, превратившись в ничто.

И это — в стране с такой историей как у нас! Где главная её черта — раздавленное, растоптанное человеческое достоинство и где главной задачей всех общественных перемен, а значит не только целей, но и методов, должно быть его утверждение».

Утверждение ценностей достоинства человека — где ты? Каждый из нас проживал эту эпоху по-разному.

☛ Marina: Тебя, похоже, тоже осенило, мне вот минувшей ночью в голову пришла странная мысль: я ведь всегда умудрялась проживать одновременно несколько жизней сразу! То есть одну Марину Костенецкую судьба неожиданно-негаданно заносит в Чернобыль, где она занимается вполне конкретными проблемами экологической катастрофы – род занятий для писателя-публициста вполне естественный. Но ведь другая (опять же Марина Костенецкая!) практически в то же самое время открывает для себя тайны эзотерического Учения и, рискуя репутацией здравомыслящего писателя, за большие для ее бюджета деньги, покупает напечатанные на ксероксе книги Живой Этики! Мало того, что книги эти в Советском Союзе запрещены и их хранение чревато серьёзными неприятностями, так я ведь ещё и с их изготовителями и распространителями вхожу в самый что ни на есть тесный и дружеский контакт! Кстати, именно там, в Рижском Клубе кинолюбителей у его директора Руты Земитане, мы и с тобой ведь познакомились...

Хотя – стоп! Кажется, я ошибаюсь. Первая книга из серии Живой Этики попала мне в руки намного раньше, когда я еще училась в школе. Это был оригинальный том «Писем Елены Рерих», изданных в Риге в 1938 году. Но тогда я так и не поняла, какой царский подарок сделала мне подруга детства Илзе Фреймане. Илзите была моей ровесницей (всего на год меня старше), и жила она со своими бабушкой и дедушкой в коммунальной квартире. Её родители вместе со старшей сестрой бежали в конце войны на Запад, а годовалая Илзите из-за болезни находилась на тот момент у родителей матери. В итоге она оказалась разлучённой с семьей и осталась в Риге с бабушкой и дедушкой, которых с раннего детства называла не иначе как мамой и папой. Бабушка Илзе до войны владела салоном-парикмахерской и большой квартирой в центре Риги. С приходом советской власти над «буржуйской» квартирой нависла опасность: в любой момент к хозяевам могли подселить нежелательных новых жильцов. Приемные родители Илзите поспешили уплотниться самостоятельно, и три из шести комнат сдали знакомой интеллигентной семье. И опять рок судьбы! Этой интеллигентной семьей была бездетная супружеская пара, средняя сестра моей мамы с мужем, и мама стала часто приводить меня к ним погостить с ночёвкой. Так что мы с Илзите росли практически вместе.

Тетя Валя до войны имела в Риге свою пошивочную мастерскую, она была известной в городе портнихой. И вот под одной крышей в коммунальной квартире стали жить вместе парикмахерша и портниха, и их старые клиенты перешли на полулегальное обслуживание уже не в фешенебельных салонах, а прямо на квартире своих мастериц. Говорить о том, что тетя Валя на дому шьет, а бабушка Илзите делает не только дамские прически, но даже парики, нам с Илзите строго-настрого запрещалось! Доверенная тайна наполняла наше детство особой атмосферой какой-то непонятной опасности и ответственности. Откуда же мне было тогда знать, что куда большая тайна хранится в комнате

Илзино дедушки! Что в вольтеровском кресле с вечно развёрнутой газетой в руках сидит один из старейших членов Латвийского Общества Рериха – Карлис Фрейманис. Он чудом уцелел во время репрессий, когда практически все члены Рериховского Общества были отправлены в ГУЛАГ за распространение идеализма (именно такое обвинение следователь предъявил на допросе председателю общества Рихарду Рудзитису). Карлис чудом уцелел, ходил куда-то на государственную службу и воспитывал внуку в духе Живой Этики. Как выяснилось десятилетия спустя, все книги Живой Этики, изданные до войны на русском языке в Риге, сохранились в тайниках господина Фрейманиса именно для внуки.

☛ *Georgs: Извини, я чуток выпал из переписки: столько всякого случилось на это затмение. Теперь по тексту... Занятно, но первые книги по этой теме достались мне от тёщи, Зины Йохановны. Это были изданные еще в 1938 году в независимой Латвии «Письма живого усопшего» Эльзы Баркер и «Листы сада Мории», изданные в Риге аж в 1924-м году. Следующую книгу – толстый том «Агни-Йоги» в каком-то совершенно необычном пёстром текстильном переплёте дала мне машинистка нашей редакции Таня Мишина. Она тоже получила эту книгу, как говорит, случайно, но поделиться чтением этой книги безопасно она могла лишь со мной. Ну, а далее я всё получал уже от той же Руты Земитане на Яунисла, 24. Как говорят о знаниях индусы: «Зажги свечу, и ты её больше не потушишь».*

☛ *Marina: Пытаюсь всё же продолжить текст книги. Итак – мой ответ на твоё признание о знакомстве с Живой Этикой...*

Потрясающе! Ну, разве что с твоей тещей я не была знакома – все остальные названные тобой распространители Живой Этики так или иначе прошли и через мою жизнь... Самое удивительное, что с машинисткой Таней Мишиной мне тоже ещё довелось поработать на Латвийском Радио, хотя с тобой мы там уже не

пересеклись — я на радио пришла, когда ты уже оттуда ушёл. И вот когда в семье у Тани случилось большое горе — умер её сын — я, ни сном, ни духом не подозревая, что Тане могут быть знакомы какие-то эзотерические тексты, очень осторожно предложила ей свой экземпляр запрещённой в то время книжечки «Письма живого усопшего». Помню, как благодарно и просветлённо Таня улыбнулась и сказала: «Да, я это знаю». Через несколько лет она уже и сама ушла в Тонкий Мир с онкологией, и коллеги поражались мужеству и спокойствию, с которым она приняла свой диагноз. А сейчас вот я от тебя вдруг узнаю то, что узнаю... Да, ты прав: соприкосновение с данным миру через Рерихов учением Живой Этики для всех нас стало той струей свежего воздуха, который ворвался в 70-ые, 80-ые годы сквозь разбитую форточку цензуры! Причём это было явление более высокого порядка, чем просто запрещённый в СССР самиздат. Запрещена в то время была и Библия. Но Библию книгочеи-интеллектуалы всё же, как правило, у себя в доме имели, хотя и читали её больше для самообразования, чем для утоления духовной жажды. Библия была дана человечеству две тысячи лет назад, а Живая Этика только в первой половине XX века — эти тексты были доступны пониманию современного человека, они живительной влагой падали на замученные идеологией души советских людей. А самое главное — Живая Этика не отрицала ни одной мировой религии и уж тем более не провозглашала себя в роли новой религии! Воистину это прикосновение к Космогонии базируется на синтезе науки, религии и философии.

☛ **Georgs:** Да, но моя Зина Йохановна очень гордилась твоими книгами с твоими автографами. Но главной персоной являлась, несомненно, Рута. Нас познакомили, и я сначала просто ходил на киносеансы. Позже мы стали общаться ближе. А в 1989-м, когда я организовал первое в Риге частное рекламное агентство «BaltPrior», Рута, как я тебе уже говорил, предложила мне комнату

для офиса. Условием было то, что в клубе, где она занималась программой кинолектория (возила фильмы из зарубежных посольств в Москве), я буду заниматься художественными выставками, поскольку, благодаря жене, был лично хорошо знаком со многими художниками. Таким образом меня приняли в так называемый «ближний круг» тех, кто мог получить от Руты книги Живой Этики. Именно Руте принадлежит несомненная заслуга по созданию в центре Риги такого, как бы мы теперь сказали, уникального, мультимедийного пространства, которое потом было реформировано в «Киногалерею». Мало иметь помещение, нужно ещё создать и поддерживать в нём атмосферу, наполнить его содержанием.

☛ **Marina:** Да, да! Именно атмосферу способна создать одна-единственная личность, как это и было в случае Руты. Ведь вот я, например, отнюдь не была таким уж запойным киноманом (название организации, которой руководила Рута, как-никак «Рижский клуб кинолюбителей» при Обществе кинолюбителей Латвии), и в клубе многие часы проводила далеко не только на просмотре очередного полузапрещённого фильма. Потому что кроме камерного кинозала, в этом официальном госучреждении был ещё и совсем уж камерный уголок — стол с двумя диванами по бокам и камином под высокими зеркалами в торце. У нас, доверенных друзей Руты, этот закуток так и назывался — «У камина». Мы здесь часами просиживали за чашкой кофе и обменом информацией по той же Живой Этике. Старые рериховцы и те, кто принял у них подпольно эстафету издания книг Учения, переданного в основном через Елену Ивановну Рерих Махатмами Востока в XX веке, открывали нам удивительный мир абсолютно нового мышления. Несколько энтузиастов, рискуя пережить арест с последующими репрессиями, как в 1948 году это пережили почти все старые рериховцы, по вечерам у себя на работе печатали ксерокопии с редких сохранившихся

оригиналов книг довоенного издания на первых появившихся в Советском Союзе громоздких копировальных машинах. До эпохи персональных компьютеров и принтеров советским людям ещё только предстояло дожить. Бледные листы ксерокопий (в целях конспирации приходилось экономить красящий порошок) брошюровались в книги самиздата и в опять-таки подпольной мастерской переплетались в твердые картонные обложки. Готовую «продукцию» можно было приобрести за приличные деньги в кафе «У камина». В книгах Живой Этики неоднократно подчёркивается, что это Учение не продается на базаре, что никто никого в это мировоззрение не зазывает, но... что когда готов ученик, то готов для него и Учитель. И ещё там в иносказательной форме сказано, что книги Учения будут лежать на перекрестках, и находить их будут те, кто готов понять и принять сокровенные тексты. Ровно это и случилось со мной в тот момент, когда я прочла первую в серии Живой Этики книгу «Листы сада Мории». Буквально в считанные недели ко мне пришли и все остальные двенадцать томов из того, что было издано в мире на русском языке в 1924 - 1937 годах. Причём пришли не только в самиздатовском варианте ксерокса! Несколько книг оригинального издания мне подарили из своих тайников старые рериховцы, и эти экземпляры с пожелтевшими за шестьдесят с лишним лет страницами сегодня мне особенно дороги тем, что сохранили на полях карандашные пометки своих первоначальных владельцев.

☛ **Georgs:** Меня конечно же интересует, какое влияние оказали на тебя эти книги. Не забывай, на каком общественном фоне они появились в нашей жизни. «Годы застоя» — легко говорить, но жить в них было непереносимо тоскливо. Как мы горько шутили — «Маразм крепчал». И вдруг — такая альтернатива! Такой иной взгляд на мироздание!

☛ **Marina:** О, альтернатива не то слово, для меня это была мощнейшая революция в сознании! Ведь в СССР задолго до нашего с тобой рождения, Георг, была утверждена раз и навсегда одна-единственная философия — марксизм-ленинизм. В школьных учебниках философами именовались только Маркс, Энгельс и Ленин, мы ничего по большому счёту не знали ни о Платоне, ни о Сократе, не говоря уж о русских философам XX века, высланных из страны на знаменитом «философском пароходе». Сейчас, когда Путин с Медведевым на Пасху и Рождество под прицелом десятков телекамер крестятся перед алтарём в православных храмах, трудно поверить, что в СССР из партии исключали даже правоверных коммунистов, если кто-то доносил, что бабушка этих несчастных коммунистов тайно крестила в церкви их младенца. Запрещённый вчера Христос сегодня в России опять разрешён, расстрелянный коммунистами Николай Второй со всеми детьми, провозглашён христианским великомучеником... А я, например, помню плакат из своего детства в школьном коридоре: «Религия — яд, берегите ребят!». Так что соприкосновение с Живой Этикой для меня стало очередным прорубленным окном из Советской Империи в Открытый Мир. Ведь к тому времени книги этого Учения были переведены уже на многие языки и регулярно переиздавались по всему миру. Слава Богу, сегодня в Риге совершенно легально существует несколько магазинов Рериха. Да, далеко не всё, что можно увидеть там на прилавках, мне интересно и приемлемо. Но, как опять-таки сказано в той же Живой Этике — не раскрывайте случайных книг! У меня есть свобода выбора. И мне не грозит арест за то, что я читаю книги Агни Йоги (альтернативное название Живой Этики), как грозил ещё всего-то каких-то тридцать лет назад. Кстати, из магазина Рериха мне в дом буквально на днях попала книга Гунты Рудзите «Мой отец Рихард Рудзитис». Напомню, что Рихард Рудзитис был известным латышским поэтом и философом, а до войны ещё и председателем Латвийского общества Рериха. Он лично, так же, как и некоторые другие члены

этого общества, состоял в переписке с Еленой Ивановной Рерих. Сейчас эта переписка издана в двухтомнике «Письма с гор». Так вот в книге его дочери Гунты Рудзите я вчера прочла:

«Тысяча девятьсот сорок восьмой год, апрель. Мама, крича, в отчаянии прижимает к груди, к губам старый отцовский пиджак, ищет чуть заметные следы исчезающего тепла. Отца увели в серую ночь. Среди серых, странных, холодных теней растаял его светлый силуэт. Его нет. Как это нет?!!!

...Мать – до того, как ее тоже арестовали за то, что была женой Рихарда Рудзитиса, – сказала, что отца увели потому, что он был рыцарем Грааля, борцом за Правду, Добро, Красоту, за то, что он стремился, чтобы всем было хорошо. Я знаю, что его называли «идеалистом», «утопистом». Но я знаю, что он лучший, самый лучший отец в мире... В его глазах, в каждом движении такая мощь правоты, что никто, никто не может его победить. Да, он сильный, он самый сильный, и потому его страшится тьма. Он – воин Грааля!

«Тот, кто направлял народ на путь праведный во время революции, теперь грустит, видя, как стремительно народ стремится к гибели. Можно ли остаться равнодушным, когда лучшие попытки перечеркнуты?» Об этом отцу написала Елена Ивановна Рерих. И кто-то услужливо пересказал в НКВД».

Под словами «Тот, кто направлял...» Елена Ивановна имела в виду Старших Братьев человечества, Махатм Востока. Но в советской идеологии для всего мира мог быть только один старший брат - Советский Союз.

Ну, уж коль скоро я упомянула здесь Старших Братьев человечества, и по сей день обитающих на нашей планете в Твердыне Света, куда не позванный человек не может войти, но где побывали при жизни художник Николай Рерих, его жена, Елена Ивановна, и их старший сын, ученый-востоковед Юрий Николаевич, хочу процитировать и книгу Рихарда Рудзитиса «Беседы с сердцем».

«Откуда этот корень ужасной, противозволюционной апокалиптической «теплоты» в людях? Как человеческий лик, который после миллионов лет должен был сняться на восходе солнца, может забыть своё бывшее, пусть и неосознанное, подобие с Богом? Не «теплым», не погрязшим в материальных заботах принадлежит Царство Божие, но детям, которые искрятся тысячами духовных интересов, но юности, у которой в полёте восхищения ноги едва касаются загрязнённой коры Земли, ибо душу ещё притягивает магнит огня Тонкого Мира, который устремляет их пламенем дерзания переродить этот ограниченный мир по облику недавно покинутой Родины Света. Сердце устремляется к этому ещё чистому поколению, увлечённому желанием творчества, к этим свободным завоевателям Будущего, дерзателям великого, к бескорыстному роду творцов, которым предначертано вести планету по новому огненному спиральному кругу духа, вверх».

Был ли Рихард Рудзитис действительно только поэтом-идеалистом? Не знаю. Но точно знаю, что «Беседы с сердцем» – это часть дневника Рудзитиса, который он вёл всю свою сознательную жизнь. И именно эта часть написана им в Интинских лагерях, где Рудзитис отбывал свой Гулаговский срок. Под процитированным мною текстом стоит дата – 22 VIII 1952, а из заключения Рихарда Рудзитис вернулся лишь через два года, в ноябре 1954 года.

☛ Georgs: Оказалось, что в Латвии, несмотря на все войны, депортации и проч., сохранилось довольно много книг из корпуса Агни-Йоги. Как Агни-Йога всплыла в уже достаточно «вегетарианские времена»? Ведь эта литература была всё ещё запрещена. Не удивлюсь, если само КГБ инициировало появление этой литературы вновь. Во-первых, можно выявить круг людей, увлекающихся этими теориями. Во-вторых, чем бы дитя не тешилось, лишь бы не лезло в политику. Помнишь, тогда, чуть позже, появились и «Роза Мира» Даниила Андреева, и статьи про НЛО и пермские аномалии в «Молодёжке» (газета «Советская молодёжь»),

ещё позже — тексты Сай-Бабы и фильмы о нём. Народу надо было чем-то занять мозги, чтобы он меньше задавал вопросов власти. Эзотерика вполне сгодилась для этого. Они ж прекрасно понимали, что это так же, как с христианством, с Лениным-Сталиным, с любовью религией — большинство НИЧЕГО не читает и НИЧЕГО не знает. Поэтому Ахматова и говорила: «Христианство на Руси ещё даже не проповедано». Люди так и остаются язычниками по большей части. Они (80% населения) ищут развлечений. По закону Парето (признаюсь, это моя интерпретация) только 20% по-настоящему что-то изучают, что-то исповедуют, во что-то углубляются, остальные 80% лишь прикидываются. В настоящий момент и того меньше. Помнишь, sorry, как у Ленина: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но дело их не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен начал революционную агитацию». Тут речь даже не 20%, а всего каких-нибудь 2%.

☛ **Marina:** Так, говоря об Агни-Йоге, — всё очень просто, Георг! Ведь именно в Риге в двадцатые и тридцатые годы прошлого века впервые на русском языке и были изданы все основные книги Живой Этики (другое название — Агни-Йога), а некоторые, изданные до этого в Берлине и Париже, переиздавались вторым изданием — дополненными и исправленными. Как это получилось? Дело в том, что в Советской России издание такой литературы было априори невозможно. Между тем первая книга из серии Живой Этики — «Листы сада Мории» начинается словами: «В новую Россию Моя первая весть». Именно поэтому Учение дано на русском языке. Сейчас мы много читаем о всякого рода предсказателях, которые уже во второй половине XX века в один голос утверждали — у России великое будущее, она станет ведущей страной мира в грядущих веках. Глядя на политику сегодняшней России, в это трудно поверить. Тем не менее эти предсказания исходят отнюдь не от российских эзотериков и экстрасенсов.

Книги Живой Этики были продиктованы Елене Ивановне одним из членов Белого Братства Махатмой Мориа. Она текст только записывала, поэтому на книгах нигде не указано имя автора. Но, живя в Индии, семья Рерихов поддерживала тесный контакт с Махатмой Мориа, и все, что касается Живой Этики, делалось под его непосредственным руководством. По прямому указанию Мории, Елена Ивановна присылала в Ригу рукописи записанных ею книг для издания. Об этом подробно можно прочесть в переписке Е. И. Рерих с Рихардом Рудзитисом, основателем и руководителем издательства «Uguns» («Огонь»). Когда в 1948 году в Риге начались аресты рериховцев, многие из них успели спрятать книги в тайники. Я знаю случай, когда полный комплект серии Агни-Йоги был бережно упакован в водонепроницаемый ящик и закопан в саду... Та же Гунта Рудзите умудрилась что-то из любимых книг отца сохранить, хотя самой ей на момент ареста уже обоим родителям было всего 16 лет, и у неё на руках остались ещё две младшие сестры.

В уже упомянутой книге Гунты «Мой отец Рихард Рудзитис» есть такое воспоминание:

«Я уже привыкла читать Живую Этику каждый день. Перед арестом отец дал мне Портрет (*имеется в виду сокровенный портрет Махатмы Мории*), как членам Общества. Как горда я была, думала, что отец считает меня взрослой.

Мне было 14 лет. Но как Портрет помогал! Книгу, в которой он лежал, я клала под простыню и сидела на ней, когда ночью врывались с обыском. И всегда перед этим раздавался стук — из другого мира. Через десять минут в дверь стучали чекисты».

После смерти отца в 1960 году Гунта в прямом смысле этого слова приняла от него эстафету распространения книг Агни-Йоги. Она сама мне рассказывала, как все эти годы, вплоть до 80-х, когда книги стали подпольно издавать в Риге уже в виде ксерокопий, вернувшиеся из ГУЛАГа старые рериховцы, перепечатывали книги под копирку на пишущей машинке. Чтобы соседи не догадались,

что за стеной печатается что-то недозволенное, машинку ставили на подушку, тем самым гася стук клавиатуры – это ведь была железная клацкающая клавиатура, а не тихая «клава» современных компьютеров... И за этими перепечатанными на тонкой бумаге экземплярами книг на квартиру к Гунте приезжали посланцы из разных уголков России. То, что мы с тобой, Георг, увидели впервые в ксерокопиях у Руты в Клубе кинолюбителей, действительно всплыло уже в относительно вегетарианские времена. А Гунта распространяла Учение и при Хрущёве, и при Брежневе...

Большое видится на расстоянии. Нам всем, напитавшим сегодня своё сознание и сердце текстами Живой Этики, ещё только предстоит оценить тот подвиг, который совершила скромная служащая Латвийской Государственной Библиотеки Гунта Рудзите. Она мне рассказывала, как в 60-ые, 70-ые годы в дверь ее квартиры раздавался стук то поздней ночью, то ранним утром, и на вопрос «Кто там?» с лестничной площадки звучал простодушный ответ: «Это я!». Гунта по голосу узнавала неурочного гостя, открывала дверь, кормила, стелила постель... А через пару дней человек уезжал обратно в Россию, увозя с собой для дальнейшего распространения перепечатанные на машинке тексты Агни-Йоги.

Именно поэтому я не могу сейчас удержаться от того, чтобы ещё раз не процитировать книгу своего многолетнего друга и единомышленника Гунты «Мой отец Рихард Рудзитис». Просто нам всем надлежит выучить и этот урок истории, связанный с именами Рерихов.

«Все-таки письма Елены Ивановны и Николая Константиновича, главные манускрипты отца сохранились. Перед арестом он три ночи подряд видел сон, который в народных поверьях означал арест. Хотя отец был удивлён и не верил в возможность этого, но всё же отвез письма, манускрипты, всё самое дорогое его сердцу на взморье и, тщательно завернув в толстую бумагу, перевязанное спрятал в опилках на чердаке бабушкиного дома. (Я

присутствовала, когда после лагеря он выкопал всё это из опилок, и подумала: если бы он не вернулся, кому бы пришлось в голову здесь искать...)

Пришли за ним в ночь на 8 апреля 1948 года, рылись в бумагах письменного стола, что-то взяли, потом светлый силуэт отца с руками за спиной исчез в темном кузове грузовой машины.

Сперва его допрашивали в Риге, потом увезли в Москву, где и судили как «теософа» (когда он протестовал против такого определения, его били по темени, сажали в карцер).

Когда мама узнала, что его увезли в Москву, она поехала следом за ним. Увы, выстояв длинную очередь у тюрьмы, узнала, что отец уже отослан в лагерь в Коми АССР. Вернулась она – кожа да кости, измученная, в отчаянии, что не видела отца, что не успела ничего передать. Потом она пыталась посылать что-то из вещей отцу в лагерь, – всё было отнято, присвоено охраной. Потом её кто-то научил: посылать самое старое, да и на нём нашить заплаты.

Первое время отец мог писать лишь два раза в год, потом чаще. Но и после возвращения о своей жизни там он не любил говорить. Скоро из Инты попал в инвалидный лагерь в Абезь. Просил присылать книги. Я посылала официальные советские издания: путешествия по Востоку Козлова, Пржевальского, популярную астрономию. Заворачивала корни валериана, мяту в листы из книг Живой Этики. Он давал читать и другим, и носил в котомке за плечами из лагеря в лагерь: много штампов лагерей было на книгах после возвращения.

Вернулся он в начале ноября 1954 года, ранним утром, одетый в бушлат, постаревший, измученный. Я узнала его, только прильнув к нему, – сильно билось самое горячее отцовское сердце.

Он прожил ещё шесть лет. Отец привез много манускриптов, написанных химическим карандашом на кусках материи, вшитых под подкладкой бушлата, другой одежды. Потом он их расшифровал, переписал. Там был сборник стихов «На горе судьбы» (1949 - 1951), «Беседы с сердцем», эссе «Да воссияет Свет!»

(записанное на Лубянке, когда он ждал реабилитации, как он говорил, «на коре головного мозга» и восстановленное по памяти после возвращения) и другие работы.

Жена Элла, арестованная годом позже и сосланная в лагерь в Карагандинскую область, возвратилась летом 1955 года.

И все же, Георг, книги Живой Этики в моем сознании легли на уже подготовленную почву.

● **Georgs:** Определённо. Им всегда что-то предшествовало, какой-то духовный опыт. Они не появлялись «в пустыне». Я в Нижнем Новгороде (бывшем Горьком) часто посещал зал Рериха в Художественном музее. Там коллекции его гималайских пейзажей был отдан целый зал. Работы Рериха и Кустодиева передал музею Максим Горький. В Нижегородском музее вообще шикарная коллекция живописи: и Васнецов, и Репин, и Коровин, и Гончарова — вся та эпоха. Мои родители очень любили Рериха, и я уже знал про него как художника достаточно, но с его Учением, книгами, естественно, знаком не был.

● **Marina:** Ну вот и ты выявил для себя истоки, предшествовавшие твоему знакомству с Живой Этикой — твои родители ценили Рериха художника. А я свой духовный опыт получила напрямую в наследство от мамы. Дело в том, что она была глубоко верующим человеком, но уже не следовала слепо церковным догмам. Правда, церковь и так было небезопасно посещать при советском режиме, так что в храм мы не ходили, но мама воспитывала меня в христианском духе с первых лет жизни. Помню, я сама ещё не умела читать, когда мама читала мне вслух из Евангелия те места, которые были доступны пониманию ребенка — история рождения Христа, бегство Марии и Иосифа с Младенцем в Египет от царя Ирода... А главным духовным опытом для самой мамы стала Христианская Наука — религиозно-философское течение, возникшее в XIX веке в Америке. Чтобы было понятнее, о чем я

сейчас говорю, приведу отрывок из статьи Википедии по запросу в поисковике «Христианская Наука».

«Христианская наука (англ. Christian Science) — паракристанское религиозное учение протестантского происхождения, основанное в 1866 году Мэри Бейкер Эдди. В основном приверженцами доктрин христианской науки являются члены так называемой Церкви Христа (Первой научной) (англ.), однако они имеют распространение и за пределами данной организации.

Священными книгами христианской науки считаются Библия и «Наука и здоровье с ключом к Священному Писанию» (англ. Science & Health With Key to the Scriptures). Автором последней является Мэри Бейкер Эдди. Она описывает свою доктрину как полную и непротиворечивую науку, которая может быть продемонстрирована на практических примерах и поддаётся верификации.

Мэри Бейкер Эдди писала, что в 1866 году была исцелена после того, как она прочитала в Библии описание того, как Христос исцелял больных. Она считала, что исцеление, подобное тому, что совершил Христос, доступно большинству людей, как и в новозаветные времена. После этого она посвятила многие годы изучению Библии и изложила своё понимание в книге «Наука и здоровье», первое издание которой вышло в 1875 году.

По её словам, до публикации книги она в течение двух лет была свидетелем исцелений больных, проникшихся учением христианской науки (описание этих случаев Мэри Бейкер Эдди включила в главу «Плоды» — англ. Fruitage). Сторонники учения считают, что и человек, и Вселенная по своей природе являются духовными, а не материальными, и что добро, здоровье и добродетель являются реальностью, тогда как зло, болезнь и грех являются мнимыми продуктами фиктивного материального существования. Сторонники христианской науки полагают, что через молитву, знание и понимание можно достичь практически

всего посредством Бога — в частности, путём молитвы можно достичь исцеления от болезней».

Как видишь, Георг, Христианская Наука базируется на тех же постулатах, что и Живая Этика, и я была рада, когда в письмах Елены Ивановны Рерих прочла ее положительный отзыв о деятельности Мери Бейкер Эдди. И если для отца Гунты моральной поддержкой в ГУЛАГе было Учение Живой Этики, то для моего отца таковой в сталинских лагерях стала Христианская Наука — мама умела между строк зашифровать в письмах послания именно из этого Учения.

Всё в этом мире неслучайно, и особенно встречи с людьми. Неслучайной была моя встреча с Гунтой Рудзите в тот момент, когда я уже была готова принять и понять Живую Этику. И неслучайно судьба свела меня потом с Рутой Земитане, через которую я познакомилась уже с новым поколением интеллигенции, интересующимся рериховским движением. Сама же Рута оказалась рядом со мной как очередной Ангел-Хранитель в один из самых трудных дней моей жизни.

● **Georgs:** Интересен мой путь к Христианству. В нашей семье многочисленные «старорежимные» тётушки были глубоко верующими, сами редко, но ходили в церковь, оставшиеся после революции действующие храмы были от нас далеко, на окраине города, зато к ним приходила старенькая монашка, приносила просфоры, ей заказывали службы. Я с детства, ещё с прабабушкой ходил на старое немецкое кладбище, оно быллов двух шагах от дома, ухаживать за могилами её знакомых, но никогда ничего нам, детям-«пионэрам», не навязывали. Именно они, мои любимые тётушки, и крестили меня в дальней церкви. Мой прадед по отцу был старостой в Арзамасском соборе, приезжал в город за кагором для причастия, оставался ночевать у нас. Но и он со мной тоже никаких разговоров «за Бога» не вёл. От него у меня старый молитвослов и Евангелие. Зато, когда я услышал рок-

оперу Ллойда Вебера «Иисус Христос-суперзвезда», то тут же захотел узнать подлинную историю Иисуса. Вот тогда-то я и выпросил у тётушек Евангелие и буквально залпом прочёл все четыре. Кстати, у них была шикарная Библия с гравюрами Доре. С детства я любил рассматривать её. Ну, а дальше пошли другие книги — Апокалипсис, послания апостолов, псалмы... А как бы без всего этого понять Достоевского, Толстого, Лескова... Да всё европейское классическое искусство?! Никак.

● **Marina:** Очень важно, что в детстве тебе не навязывали религиозных догм, что совершенно естественным путём ты пришёл к пониманию того, что запретный плод сладок (в хорошем смысле этого слова), ведь религия в СССР была тем ещё «запретным плодом»! Сейчас вот после твоей исповеди я вспомнила, как в третьем классе в школьной столовой, где на большой перемене мы съедали свои принесенные из дома бутерброды, разразилась безобразная сцена из-за крашенного пасхального яичка. «Крамольная» еда для школьного обеда обнаружилась на общем столе в пакете моего одноклассника. Наша классная руководительница на глазах обедавших детей таскала беднягу за ухо, сопровождая экзекуцию такой пылкой аттенстической речью, что все мы раз и навсегда запомнили: если дома родственники соблюдают какие-то религиозные традиции, то для школы это должно оставаться тайной за семью печатями! Однако я начала тебе рассказывать о том, как Рута оказалась рядом со мной в один из самых трудных дней жизни... Итак, продолжаю. В 1987 году традиционные Дни Поэзии в Латвии растянулись больше, чем на месяц. Обычно в рамках этих Дней писатели ездили на встречи с читателями только в сентябре, но 1987 год был годом приближающейся революции — Атмоды, и заявки на встречи с писателями Бюро Пропаганды Литературы не могло уже удовлетворить в течение одного месяца. Поэтому так

получилось, что 5 октября 1987 года мне надо было ехать на Дни Поэзии в Цесис.

Мама было уже 82 года и, естественно, стали возникать какие-то проблемы со здоровьем. Утром 5 октября она сказала, что плохо себя чувствует. На мое предложение вызвать «скорую» ответила категорическим отказом. Тогда я сказала, что не поеду в Цесис, останусь дома. Пусть мероприятие будет сорванным по моей вине, но здоровье матери мне дороже. Самое неприятное заключалось в том, что на этот раз машину за мной посылали из самого Цесиса, машина нашего Бюро была занята на другом маршруте. Поскольку мобильных телефонов в то время в СССР ещё просто не существовало, я не могла позвонить шоферу и сказать, чтобы он не тратил зря бензин на дорогу до Риги... Мама, выслушав мое решение, очень спокойно, не терпящим возражения тоном сказала: «Поезжай. Ты не можешь не ехать. Тебя ждут люди». И тогда я все-таки поехала.

Зал на встрече действительно был полон до отказа. После выступления к сцене выстроилась длинная очередь благодарных слушателей с цветами. И опять странное совпадение — осенью обычно больше дарят гладиолусы, астры, а на этот раз почти все на встречу со мной почему-то пришли с розами! Просто огромная охапка роз получилась!

Тот же цесисский шофер привез меня обратно в Ригу и помог донести цветы до квартиры. Мама лежала на диване. Я стала расставлять цветы в вазы, и мама ревниво следила за тем, чтобы я правильно обработала стебель каждой розы, прежде, чем поставлю цветок в воду. Очень скоро выяснилось, что не хватает ни ваз, ни места для них на столе, и я продолжала сортировать розы и ставить их уже просто в банках на полу перед маминым диваном.

На второе утро с удивлением обнаружила, что за ночь ни одна роза не опустила головку! То есть, выдержав предыдущий день без воды в душном зале дома культуры, а потом длинную дорогу в

багажнике машины, эти очень привередливые цветы на сей раз все ожили за ночь и бутоны стали пышно распускаться... Мама в этот день чувствовала себя получше, и я спокойно ушла в город по своим делам. К вечеру вернулась, зашла в мамину комнату поздороваться, и она сказала, что ждала меня, чтобы сходить в туалет — одна почему-то боялась вставать с дивана. Она стала подниматься и... вдруг захрипела и откинулась обратно на диван. Все произошло буквально в считанные минуты — мама ушла в Тонкий Мир от инфаркта у меня на руках. Из книг Живой Этики я знала, что в этот момент нельзя кричать и плакать, и, понимая, что происходит, что «скорую» вызывать уже нет смысла, нашла в себе силы читать вслух молитву. Но из тех же книг Живой Этики я знала, что в момент ухода человека с Земли, желательно смазать ему виски розовым маслом — запах роз помогает выходу Тонкого тела. Все случилось неожиданно, розового масла в доме не оказалось. Зато в маминной комнате в этот момент стояло множество ваз и банок с распустившимися к вечеру полным цветом розами! И — ещё раз подчеркиваю это чудо — ни один цветок не склонил в увядании головку! Вся комната благоухала живым ароматом роз, так что в розовом масле практически не было необходимости...

Знаешь, почему я так подробно всё это сейчас описываю, Георг? Потому что сразу поняла закономерность всего произошедшего. Ведь случайностей не бывает! Накануне, несмотря на свое плохое самочувствие, мама настояла на том, чтобы я всё же поехала в Цесис. Пришедшие на встречу читатели принесли на этот раз в основном розы, а не традиционные осенние цветы. Мама помогла мне эти розы расставить в воду, и к моменту её ухода комната благоухала — мама уходила буквально в розовом саду, которым ей провожали благодарные читатели: «Поезжай. Ты не можешь не ехать. Тебя ждут люди».

Я закрыла маме глаза, зажгла свечку, поставила на проигрыватель виниловую пластинку с «Реквиемом» Моцарта... Не было сил звонить в «скорую», чтобы получить справку о смерти. Стала

наваливаться тоска осознания произошедшего, и я уже с трудом сдерживала рыдания. И вдруг раздался звонок в дверь. Я даже не стала спрашивать «Кто там?». В этот момент мне было просто необходимо увидеть рядом с собой живого человека. Любого.

Рывком распахнула дверь и... замерла в радостном изумлении: на пороге стояла Рута Земитане.

Она пришла без предварительного телефонного звонка, хотя до этого всегда согласовывала свой приход заранее по телефону. Когда Рута узнала, что произошло в моём доме, она сказала, что в чужом для неё районе Пурвциемса оказалась в этот час совершенно случайно, что какая-то неведомая сила вдруг потянула её зайти ко мне, а рядом не оказалось ни одного телефонного автомата, и она решила прийти без предупреждения...

Уже вдвоём с Рутой мы вызвали «скорую», получили нужную для оформления похорон справку. Я не стала отдавать маму в то казённое холодное учреждение, куда в таких случаях увозят усопшего. Три дня она оставалась ещё рядом со мной, а на третий день прямо из своего дома попала в часовню, где прошло отпевание со священником и монашками из Рижского женского монастыря. Но самую трудную первую ночь Рута Земитане до утра оставалась вместе со мной и усопшей. Мы взяли с полки наугад одну из книг Живой Этики, и там нам сразу открылся поразительный текст: «Встреча предшествует расставанию. Расставание предшествует встрече. Значит мудрее радоваться расставанию».

В Агни-Йоге сказано «Учитесь читать знаки!». Все, что я сейчас здесь пишу, адресовано тому читателю, который уже готов учиться читать знаки. На тех, кто ещё не готов, я заранее не в обиде – пусть пропустят эти страницы, как мы иногда пропускаем описание природы или обеденного меню в романах. Всему своё время. Розы от народа и неожиданное появление Руты в моём доме в час ухода мамы – это ещё не все космические знаки, посланные мне в эти дни. Так уж получилось, что за несколько месяцев до всех этих скорбных событий я была включена в состав официальной

делегации от Советского Комитета Мира для поездки в Индию. Поездка должна была состояться в конце октября, и я уже заблаговременно нашла опытную сиделку, которая согласилась за плату пожить в квартире с мамой на время моего отъезда. Мама ушла в Тонкий Мир 6 октября, так что надобность в услугах сиделки отпала сама собой. Я не только успела без суеты похоронить маму, но и отслужить заупокойный молебен на третий и девятый день. А вот в Ригу после двухнедельного путешествия по Индии вернулась не раньше и не позже, как именно на сороковой день ухода мамы с Земли – то есть я опять смогла зажечь в церкви свечу!

☛ **Georgs:** То есть очень скоро после похорон ты отправилась в Индию. Как же вовремя открылся для тебя этот путь!

☛ **Marina:** Конечно, та моя первая поездка в Индию была для меня исключительно экзотично-познавательной, как и для любого другого советского туриста. В последующие годы я ещё дважды побывала в этой удивительной стране уже совсем в другой ипостаси. Но об этом расскажу чуть позже. Пока же хочу отметить только то, что из всех стран мира в 1987 году я больше всего мечтала побывать именно в Индии. Ведь именно из Индии Рерихи присылали рукописи книг Живой Этики, которые до войны издавались в Риге! Для меня же в 80-ые годы Агни-Йога, как я уже тебе призналась, Георг, стала величайшим откровением жизни, так что просто ступить ногой на ту землю, где создавались сокровенные тексты, для меня уже было безграничным счастьем. А само время поездки совпало с первыми неделями разлуки с мамой, то есть мне была дана возможность легче пережить её уход.

☛ **Georgs:** Я просто балдею от таких «совпадений», «случайностей»... Меня ж тоже в Индию «случайно» свёз мой большой друг Борис Тетерев. С его стороны это был совершенный экспромт. Я успел вскочить в этот трип буквально в последний день. А на

самом деле всё гораздо глубже. Кстати, Индия, как и Россия, - очень сложное понятие. Не мне тебе объяснять. Ты знаешь это много лучше. Страна совершенно неоднородна. Мы были на севере, у сикхов. Но это совсем не то же самое, что Варанаси, Дели или Мумбай. Сложная страна, страна разных народов.

7.

• **Marina:** Следующий 1988 год в историю Латвии вошёл многими знаковыми политическими событиями. В двух из них, расширенном пленуме Союза писателей Латвии и создании Народного фронта, мне довелось принять активное участие лично. Впрочем, с пленумом у меня всё получилось достаточно спонтанно. Дело в том, что Первый секретарь Союза писателей Латвии Янис Петерс готовил этот пленум как бы в атмосфере секретности. С одной стороны в качестве докладчиков заранее были приглашены не только ведущие латышские писатели, но и художники, композиторы, учёные, журналисты, руководители колхозов... А с другой – рядовым членам того же Союза писателей заранее о тщательно разработанном сценарии пленума ничего не было известно.

В данном случае я относилась именно к тому большинству рядовых членов, которые просто-напросто получили очередное письмо в фирменном конверте Союза писателей с приглашением на какой-то расширенный пленум, который на сей раз почему-то состоится не в помещении Союза, а в зале Дома политпросвещения на тысячу мест. Ну, ладно, пусть в Доме политпросвещения! Хрен редьки не слаще. Подобные письма все мы регулярно получали с приглашением, например, на открытые партийные собрания. Так что 1-го июня 1988 года я заранее запаслась кучей журналов, чтобы коротать в зале время за скучной говорильней хоть с какой-то пользой для себя. Но ни одного журнала в тот день мне

так и не довелось раскрыть — с трибуны вдруг понеслись такие крамольные речи, что я отказывалась верить собственным ушам... Свои выступления выступавшие прикрывали пылкими ссылками на объявленные Горбачёвым перестройку и гласность, но эта завуалированная демагогия нового разлива только подливала масла в огонь! В перерыве в буфете «низы» бурно обсуждали, что следует подсказать «верхам» (под «верхами» в этой ситуации имелся в виду Янис Петерс и его доверенные докладчики) для внесения в текст резолюции, а в очередь на прения в первый же день работы пленума записался чуть ли не весь зал! Сам пленум был запланирован на два дня, и сейчас из исторических документов известно, что за эти два дня успели выступить 69 человек, причем в подавляющем большинстве это были делегаты от латышской интеллигенции. Из представителей нацменьшинств главным оратором на пленуме, безусловно, стал Маврик Вульфсон, взорвавший в зале на второй день информационную бомбу о Пакте Риббентропа-Молотова, и кроме него выступили ещё всего трое не латышей — журналисты Абрам Клецкин, Ирина Литвинова, а из всех русских писателей Латвии — одна только Марина Костенецкая. Как меня занесло на ту трибуну? Не знаю. До сих пор сама не могу толком на этот вопрос ответить. Помню только, что к концу первого дня меня просто раздирали взаимоисключающие противоречивые чувства — хотелось одновременно заступиться и за всех восставших на пленуме латышей, и за обвинённых в их страданиях скопом всех русских. Ведь русские от сталинизма пострадали ничуть не меньше латышей... Придя домой, я села за пишущую машинку и всю ночь писала и переписывала речь, которая должна была уложиться в строгие рамки регламента, установленного для прений. Надежда на то, что мне реально удастся выступить, была минимальной. Ведь я прекрасно знала, что любое выступление с советской трибуны должно быть заранее согласовано с идеологическим начальством. Поэтому на другой день пришла в Дом политпросвещения с текстом своей речи в двух экземплярах и сразу же отправилась к Петерсу за

визой. Но он не только не стал читать моё сочинение, а даже в руки его не взял! Произнес фразу меня просто ошеломившую: «Что ты мне это показываешь? Если хочешь говорить — иди говори, то что думаешь!». И я, всё ещё не веря в реальность происходящего, записалась в прения. Знаю, что далеко не всем из записавшихся удалось выступить — для всех желающих высказаться тех двух дней просто не хватило. Но мне слово предоставили. Я сказала то, что думала, и закончила свое выступление так: «Два дня мы в замкнутом пространстве полной грудью вдыхали кислород. Но уже завтра выйдем за эти стены, туда, где в пока ещё пропитанной смогом атмосфере живут народные массы. Хватило бы нам не только сил и твёрдой гражданской позиции, но и терпения донести правду истории до людей, которые в своем мышлении стали жертвами эпохи сталинизма и стагнации!»

Конечно, для Латвии расширенный пленум Союза писателей 1-2-го июня стал поворотным пунктом в объявленной Горбачевым перестройке, и дальше события в 1988 году стали стремительно развиваться по нарастающей. Уже 14 июня по всей Балтии проводится манифестация памяти жертв массовых депортаций, 16 июля манифестация в Межапарке, посвящённая реабилитации национального флага, 23 августа массовые манифестации по всей Балтии, посвящённые годовщине пакта Риббентропа-Молотова, а 9 октября начинается учредительный съезд Народного фронта Латвии.

● Georgs: Время было интереснейшее, я помню, как жадно все следили за прессой. В Москве выходила программа «Взгляд», на Латвийском ТВ — программа «Лабвакар». Смотрели их ночами. Журнал «Огонёк» из реакционного софроновского при Виталии Коротиче стал совершенно авангардным изданием, его тираж достиг почти пяти миллионов экземпляров. В те годы оказалось, что мы, по меткому определению академика Юрия Афанасьева, «живём в стране с непредсказуемым прошлым». Поэтому тогда вся

страна по ночам, не отрываясь, смотрела программу «Взгляд» с молодыми совсем журналистами Владом Листьевым, Александром Любимовым и Дмитрием Захаровым в качестве ведущих. Помнишь эту блестящую троицу? Она вышла впервые в эфир ровно тридцать лет назад, в 1987 году, а в Латвии, 31 января 1988 года вышла аналогичная, не менее острая программа «Лабвакар», её вела наша собственная тройка журналистов – Эдвинс Инкенс, Оярс Рубенис и Янис Шинкевич. Обе программы открывали нам тёмные страницы прошлого, безобразия настоящего, рассказывали о том, о чём раньше запрещалось. Эти программы тоже были частью революции, только в сознании и самосознании людей.

Конечно, немало было тех, для кого эта информация оказалась неприемлемой. Теперь психологи уже многое объясняют «когнитивным диссонансом» русских. Это, как написано в Википедии, «состояние психического дискомфорта (отсутствие гармонии) индивида, вызванное столкновением в его сознании конфликтующих представлений: идей, верований, ценностей или эмоциональных реакций». Дискомфорт, вызываемый противоречием между имеющимся устоявшимся представлением и поступающей свежей информацией, фактами.

● Marina: Извини, но про «когнитивный диссонанс» мы, узнали лишь в 21-ом веке. Или я не права?

● Georgs: Ты права. Психологи наверняка знали уже в конце прошлого века. Этот комплекс описали в 50-х годах. Но теперь «идея овладела массами». Почему? Просто многие из нас до сих пор отождествляют себя с государством. С ТЕМ Советским Союзом. Это глупо, тогда выходит, что мы – те самые, кто написал по словам Довлатова «четыре миллионов доносов», кто пытал, мучил и расстреливал миллионы невинных людей в лагерях и тюрьмах. То, что в 80-ые, в результате Гласности мы узнали о себе (опять же – об истории своего народа) такие совершенно

жуткие факты и цифры, которые многим испортили настроение, поскольку всю жизнь советская пропаганда твердила нам, что мы, советские люди, самые честные, самые добрые, самые отзывчивые люди в мире. И под эту сурдинку гнали миллионы долларов в Конго, Анголу, Никарагуа, Алжир, Венесуэлу, на Кубу, в страны соцлагеря. При этом сам народ-бессребреник продолжал жить в бараках и «хрущёбах». И где теперь эти конга, анголы, болгарии и гдр? Но многие, очень многие, просто не хотят знать правды, их устраивают сказки про собственное величие. А иначе придётся признать – жизнь прожита зря. Всё пошло собаке под хвост. Александр Николаевич Яковлев написал: «Патриотизм не требует шума. Это, если хотите, в известной мере интимное дело каждого. Любить свою страну — значит видеть её недостатки и пытаться убедить общество не делать того, чего не надо делать». Но написал он это в 2004-м году. Программа «Взгляд» три года как больше уже не существовала. Sorry, я опять с комментариями. Продолжаем...

● Marina: Собственно так оно и есть во многом до сих пор. А тогда Народный фронт начинает организовываться уже 21 июня, когда создаётся его первый, неопубликованный манифест. Этот вариант манифеста подписали 10 журналистов. На следующий день, 22 июня в зале Дома печати прошёл митинг протеста журналистов, который стал реальным шагом к воплощению в жизнь Резолюции Расширенного пленума творческих союзов. Как и планировалось, Виктор Авотиньш впервые зачитал здесь Манифест с призывом к учреждению Народного фронта. Однако весьма оперативно последовало устное запрещение идеологического отдела ЦК КПЛ этот призыв публиковать. Но остановить зарождающееся всенародное движение оказалось уже не под силу даже ЦК КПЛ, очень скоро Манифест всё же был опубликован. На этот раз среди подписантов фигурировала и моя фамилия – Марина Костенецкая, член Союза писателей.

Эта подпись после моей речи на пленуме стала для КГБ уже вторым звоночком к началу той операции по дискредитации Костенецкой, о которой Дайнис Иванс написал после Атмоды в своей книге «Воин поневоле». Ну, а окончательно я попала в разработку Особого отдела КГБ, думаю, всё же после речи на учредительном съезде Народного фронта 9 октября. На сей раз мне уже не пришлось пытаться заранее согласовывать текст речи с организаторами мероприятия – я сама была членом оргкомитета съезда. Другое дело, что очерёдность выступления ораторов устанавливала не я. И так уж получилось, что первым на трибуну учредительного съезда поднялся патриарх латышской культуры, столетний актер Национального театра Эвалдс Валтерс, вторым – секретарь Союза писателей Янис Петерс, а третьей в микрофон для выступления была объявлена моя фамилия.

С момента учредительного съезда Народного фронта прошло, считай, уже тридцать лет, так что многое теперь видится объективнее. Ну, например, всплеск национального самосознания не только у латышей, но и у той массы населения Латвии, которую потом стали упрощенно называть русскоговорящими. То есть были как бы этнические русские, а были и русскоговорящие – украинцы, евреи, поляки, литовцы, армяне и т.д., вплоть до якутов и крымских татар. Помню, даже один чукча в Латвии тогда объявился. Многие из русскоговорящих действительно давно обрусели и ощущали себя просто советскими людьми – как пелось тогда в популярной песне: «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз». Но многие вслед за латышами стали вспоминать о своём родном языке, культуре предков... Этот многонациональный политический электорат Народный фронт поспешил взять под свое крыло, для чего уже 3 декабря 1988 года была учреждена Ассоциация обществ национальных культур Латвии, а 13 декабря с большой помпой прошел Форум народов Латвии. Дальновидные латышские политики поняли, что, отделив через всплеск национального самосознания часть русскоговорящих

от общей массы завезённых в Латвию мигрантов, Народному фронту будет легче противостоять оголтелым адептам советской идеологии. И на тот момент эта тактика действительно сработала! Поощрялось открытие школ с родным для нацменьшинств языком обучения, национальным культурным обществам для постоянной дислокации предоставлялись помещения. Впрочем, через пару лет после восстановления независимости Латвии деятельность Ассоциации постепенно стала сходить на нет, пока не выродилась в подобие «дружбы народов» образца советских застойных времен.

В свою очередь, искренне верующие в идеи марксизма-ленинизма советские люди после появления в республике Народного фронта тоже сплотили свои ряды – уже 7 января 1989 года в Риге прошёл Учредительный съезд Интерфронта.

• Georgs: Правда, про Интерфронт ты мягко написала – «советские люди», а мы-то все какие по-твоему??? Монсей 40 лет водил евреев по пустыне, пока в них не останется памяти о египетском рабстве. А за 70 лет советской власти была произведена полная «советизация» народа. Если учесть, что жертвами Революции 1917 года стали лучшие представители всех классов и слоёв именно русского народа, все его духовные лидеры, то о защите Интерфронтом «русского» населения Латвии говорить и вовсе не приходится. Нет, это была реакция консервативного крыла КПСС, КГБ и армии, они защищали свои интересы, своё доминирование в обществе. Поэтому тысячу раз был прав Бродский – «Всё тонет в фарисействе». Или по Пушкину:

*Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.*

Кстати, коммунисты официально заявили о создании нового «советского народа» в 1971-м году на очередном съезде партии, через 54 года после революции. Т.е. более полувека перемалывали собственный народ ради собственной власти.

☛ Marina: Между тем, я действительно с сочувствием отношусь к РЯДОВЫМ ИНТЕРФРОНТОВЦАМ – ИМ ВЕДЬ БЫЛА СДЕЛАНА ЛОБОТОМИЯ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ... Если на то пошло, и в Народном фронте изначально сплотились не только идеалисты (я ведь всех их вблизи видела несколько лет), у меня нет иллюзий на этот счёт.

Они, народофронтовцы, на самом деле те же коммунисты и комсомольцы, и по сей день рулят Латвией... И ещё неизвестно, кто больше сделал для того, чтобы латыши сегодня массово подались в добровольную депортацию на Запад – доживающая свой политический век в Европарламенте «защитница русских» Татьяна Жданок или «прихватизировавшие» всё и вся латышские олигархи Шкеле, Лембергс и проч., и проч. Так что мы имеем сегодня в Латвии тот же совок с элементами свободного рынка, типа НЭПа. И прав поэт Кнут Скуениекс, когда говорит, что Латвия не просто разворована, но что это не больше и не меньше как заговор нескольких циничных олигархов против целого государства. Ведь во время «Песенной Революции» народ искренне жаждал восстановления исторической справедливости! Нам казалось, стоит Латвии обрести независимость – и все будут счастливы. Латыши говорили: «Хоть в пастолах, но ходить по своей свободной земле!» А когда свобода была достигнута, вдруг выяснилось, что в 21-м веке в пастолах по Европе уже далеко не уйдёшь. Точных статистических данных нет, но, боюсь, что за годы независимости из-за сложившейся экономической ситуации число покинувших Родину латышей уже превысило количество депортированных Советской властью граждан Первой Латвийской Республики. Вся разница в том только и состоит, что две основных волны советской

депортации (1941, 1949 годы) проходили под конвоем НКВД в вагонах для перевозки скота на восток от границ Латвии, а в конце двадцатого – начале двадцать первого века слово депортация корректно заменили определением экономическая эмиграция. Эта «эмиграция» проходила (и, увы, продолжает проходить!) уже не в телячьих вагонах, а в комфортабельных самолётах с дешёвыми авиабилетами наших олигархов. На сей раз исход идет не на восток, а на запад от границ государства. Но!... При такой политике Латвия безвозвратно теряет своих граждан! В страны Запада мы массово поставляем готовых налогоплательщиков.

☛ Georgs: ...и мозги. Знаешь, одна из моих любимых книг по моей профессии – это «Маркетинг и исследования рынков» Игоря Березина. Она вышла в свет аж 18 лет назад. Особенно мне нравится его, Березина, «теория когорт», когда поколения наводнаселения СССР он поделил по году рождения на 10-14-летние периоды. В Латвии это выглядит примерно так:

1914-26 гг. – «дети войн и революций». К настоящему времени их почти не осталось, из живых, кого знаю лично, могу назвать лишь Джемму Скулме.

1927-39 гг. – «дети чутунных богов» и «оттепельной молодости». Бывшая политическая и остатки культурной элиты. К этой когорте принадлежат Горбачёв, и наши экс-президенты – Гунтис Улманис и Вайра-Вике Фрейберга.

1940-1954 гг. – дети «военного времени» и «застойной» молодости. Это наша с тобой когорта. Скоро и мы скажем «спасибо за внимание!» этому миру.

1954-67 гг. рождения – «дети реформ» (Хрущева, Косыгина) и «перестроичной» молодости. Вот это как раз сейчас первый ряд политиков, бизнесменов, художественная элита.

1968-78 годов рождения – «дети застоя» и «кризисной молодости». Поколение X. Они всегда готовы к изменениям, их отличает глобальная информированность при зачистую

поверхностном образовании. Это поколение ещё называют «дети с ключом на шее» — мы ж, родители, работали по 28 часов в сутки. Дети получились технически грамотными, но при этом большие индивидуалисты, не боятся учиться, для них характерны прагматизм, неформальность взглядов, надежда только на себя. Это наши дети.

1978-89 гг. рождения — «дети перестройки». Я знаю эту группу по студентам. У них в мозгах такая каша! Они такие разные. Ещё большие прагматики, карьеристы. Легко отказываются от создания семьи ради карьеры. И даже женщины не спешат с детьми. Вообще в 90-ые женский элемент, женская стихия очень усилились в социуме. Не уверен, что это всегда хорошо. Пример? Пожалуйста — когда-то журналистика, если помнишь, была исключительно мужской профессией. Женщины были заметным меньшинством. Особенно там, где дело касалось вопросов экономики, политики, промышленности, сельского хозяйства и спорта. Женщины работали в женских, детских изданиях, в редакциях, связанными с вопросами здравоохранения и искусства. А в 90-ые, как ты помнишь, ситуация резко изменилась. Профессиналы ушли из профессии. Остались энтузиасты.

1990 — 2000 гг. рождения — поколение Y, миллениумы, «дети перестройки» и независимости. Советского Союза, слава богам, не помнят. Сетезависимые, их лозунг: «развлекаться — любой ценой». Принципы прямолинейные и довольно элементарные.

2000 — и по наши дни — наши внуки. Их ещё называют — поколение Z. О них пока трудно что-либо сказать, они все в гаджетах. Читает мало. Зато два-три языка для них не то, что не проблема, а почти норма. У них безграничные возможности. Вся надежда на них. Это они, должно быть, разрушат границы между государствами и будут решать те глобальные проблемы, которые уже подкатили к горлу нашей цивилизации.

Так вот, возвращаясь к нашей когорте (1940-54 годы), вижу, какие мы все совершенно разные, изменения происходили каждые

два года. Поэтому наши с тобой биографии так различны. Если твой 45-ый — это ещё «военное время», то мой 47-ой — уже нечто совсем другое. Особенно это касается нашей молодости. Мой XX век очень мало совпадает с твоим. Если ты в свои двадцать ещё успела застать конец «Оттепели» и успела «сделать карьеру», при поддержке «шестидесятников», сформировать у нашего поколения идеалы, альтернативные официальной идеологии. Такими и мы пришли в активную жизнь в 70-72-м, но наше будущее уже стало туманным. Мы, рождённые до 50-х, — очередное «потерянное поколение». Я учился, по признанию самих профессоров, на блестящем курсе. И что из этого? НИКТО из нас не сделал карьеры. Ни в чём. Если ты не вступал в партию, то лишился социальных лифтов. Кстати, наше поколение совершенно лишено предпринимательской жилки в отличие от ребят, рождённых после 1950-го. Они в большинстве наоборот — успешные бизнесмены. После Праги 68-го сталинисты напугались, началась суровая реакция везде, они перекрывали кислород всему новому, прогрессивному. Я ж помню всё это по радио. Помню, как не принимали какие-то песни Паулса. Столько было какой-то дремучей, злой глупости! «Верхи» старели и дряхлели, вцепившись ягодицами во власть смертной хваткой. Каждый шаг давался с огромным трудом. Государство не платило никому, считая, что человек должен быть счастлив уже тем, что занимается любимым делом. За что ему ещё и платить-то?! Пусть радуется, что ему позволили работать по призванию. Помнишь песню Давида Тухманова на слова поэта Владимира Харитоновича «Сегодня не личное главное, а сводки рабочего дня»? Написана в 72-ом году. Диагноз. Кстати, их песню «День Победы» худсовет тоже не принимал сначала. Что у них, партийных боссов, было там на уме? Нашу известную органистку Евгению Лисицыну председатель Гостелерадио, Сергей Лапин на два года лишил эфира за то, что она на концерт вышла в брючном костюме. Ну, полное ку-ку! А эти нищенские зарплаты! Как тогда говорили, «вы делаете вид, что платите, а мы делаем вид, что

работаем». Столько сил тратилось на поиски дополнительного заработка, потом на поиски всего самого необходимого, особенно, если ты обзаводился семьёй! Сколько людей работало (и до сих пор вкалывает) на двух-трёх работах! И конца этому в наших широтах не предвидится. Вот почему я считаю, что никакой «совок» никуда не делся, постригли и окормили солистов. Всё.

Я пишу эти строчки за письменным столом, который углядела в комиссионке на углу Чака и Авоту (помнишь, двухэтажная?) всё та же наша знакомая Таня Мишина. Она позвонила нам. Мы поехали с женой и нам повезло, его никто не купил – для «хрущевоку» он был слишком велик. А нам – в самый раз. Столу этому почти сорок лет и сделали его в теперь уже не существующей стране, Югославии.

☛ Marina: О! Мебель из Югославии? Это ж был дефицит из дефицитов!

☛ Georg: Ха! Еще бы! Но не это главное. Я хочу сказать, что ситуация менялась каждые два года. И к Перестройке на сцену вышли товарищи 51-го – 53-го года рождения. В Латвии к ним относится Айварс Лембергс, Гунтис Индриксонс, Юрий Савицкий, Юлийс Круминьш – наши латвийские олигархи, политики Дайнис Иванс и Иварс Годманис, Вилнис Криштопанс. Если ты посмотришь на биографии людей, которые первыми сделали деньги и карьеру в момент Перестройки, это были люди рождения именно того периода. Но их осталось мало: «иных уж нет, а те – далече». Сейчас рулят герои уже следующей когорты. Я хочу тебе сказать, что часто люди родились с разницей всего-то в один, два года, но это могла быть уже совершенно другие люди. Психологически – другие. И теперь из нашего «далека» это особенно хорошо видно. И если мы уже были «подуставшими» от той борьбы за «нормальную жизнь», то нам на смену пришли активные молодые циники, они точно знали, что это, тогда ещё советское государство, нужно и

возможно отыметь по полной. А заодно и боязливый народец, который им достался в придачу.

☛ Marina: Да, воистину – большое видится на расстоянии. К 90-м мы еще подойдём. Ну, а я с твоего разрешения продолжу.

Итак, в 1989 году страна идёт к первым в истории СССР выборам народных депутатов на альтернативной основе. То есть уже не всех поголовно депутатов назначают на эту должность автоматически, вписывая в избирательный бюллетень одну-единственную заранее отфильтрованную властями фамилию. Впервые руководство страны позволяет кандидатам от различных политических сил конкурировать между собой в одном и том же избирательном округе. Впрочем, и сами по себе зародыши различных политических сил появляются в СССР впервые. До этого в стране победившего социализма существовала лишь одна политическая сила – Коммунистическая партия Советского Союза. И вот в 1989 году в той же Латвии на финишную прямую выборов Народных депутатов СССР выходят кандидаты сразу от двух основных политических сил республики. Это два новоиспечённых Фронта, поделившие между собой электорат избирателей главным образом по национальному признаку. Народный фронт однозначно больше поддерживают латыши, хотя ему симпатизируют и многие представители нацменьшинств, а Интерфронт – это, в первую очередь, цитадель русских, вернее, советских людей, хотя и здесь хватает идейно убежденных латышей из рядов жирующей партийной номенклатуры.

18 февраля 1989 года свой учредительный съезд успевает провести ещё одна политическая сила – ДННЛ (Движение за национальную независимость Латвии), но принять полноценное участие в выборах ДННЛ уже просто не успевает – к избирательным урнам всё население СССР стройными рядами идет 26 марта.

О том, в какой грязной борьбе мне всё же удалось одержать победу над конкурентом из Интерфронта, я уже рассказала тебе, Георг, достаточно подробно. Остается только напомнить, что депутатом я стала от Прейльского района Латгалии. Именно в этом районе находится величайшая святыня католиков Аглонская базилика. Это единственный храм в Латвии со статусом малой базилики.

После восстановления независимости Латвии 9 сентября 1993 года Аглону посетил Папа Иоанн Павел II и на вновь обустроенной освящённой площади отслужил Понтификальную Мессу, в которой участвовало около 380 000 паломников. Ну, а на закате советской власти в 1989 году в бывших кельях доминиканского монастыря жили колхозные доярки, хотя сам храм и при советском режиме всегда оставался действующим. Самым значительным праздником Аглонской базилики является день Вознесения Богоматери 15 августа, когда ежегодно сюда прибывают более 150 000 паломников. Дело в том, что в храме установлена икона Пресвятой Богородицы, которая, согласно легенде, является чудотворной. В советское время, дабы не разжигать ажиотаж среди верующих, икону разрешалось открывать всего на один день в году – 15 августа, всё же остальное время года она оставалась скрытой от глаз посетителей под другой, будничной иконой, повешенной поверх чудотворной Пресвятой Богородицы. Сейчас объясню, к чему такое лирическое отступление...

После победы на выборах я поехала в Прейли, районный центр своего 312-го национального избирательного округа, чтобы поблагодарить избирателей и получить от них депутатский наказ на работу в Кремле – в Москву на свой первый съезд Народные депутаты СССР уезжали 21 мая 1989 года.

Зал районного Дома культуры в Прейли, как и всегда на протяжении всей предвыборной кампании, был набит битком людьми. Но на сей раз там практически не было агрессивных сторонников моего проигравшего выборы оппонента, поскольку

праздновать победу пришли те, кто голосовал за кандидата от Народного фронта. Это была середина мая, народ провожал меня в Москву добрыми пожеланиями, охапками тюльпанов и нарциссов, букетами ландышей и ветками черемухи... Когда шофер отнес все цветы в машину, и я уже направлялась к выходу из зала, ко мне вдруг подошел незнакомый человек с отличительным воротничком на рубашке, по которому было понятно, что это католический священник. Он представился деканом Аглонской церкви Петерисом Онцкулисом и спросил, не соглашусь ли я доехать с ним от Прейли до Аглоны, чтобы посетить храм, в котором его прихожане молились за мое избрание. Для машины это был крюк в сторону от Риги в несколько десятков километров, но, ни минуты не раздумывая, я сказала шоферу, что обратно в Ригу мы поедем через Аглону. Петерис Онцкулис сел в свою старенькую неказистую легковушку, и мы на своей машине последовали за ним. Остановились в Аглоне у дверей храма. Шофер сказал, что подождет меня на свежем воздухе, так что к запертой двери церкви мы подошли только вдвоем – настоятель храма и я. Он открыл своим ключом дверь, зажёг в храме свет и провел меня мимо рядов церковных скамеек прямо в сторону алтаря. Остановился у стены, нажал потайную кнопку, и вдруг только что висевшая перед моими глазами икона бесшумно поплыла куда-то (сейчас уже не помню – вверх или в сторону?), открывая скрытую под ней чудотворную икону Пресвятой Богородицы. Мы стояли вдвоем перед открывшейся в неурочный день года иконой, и негромкий голос декана Онцкулиса приглушённым эхом отдавался в дальних уголках абсолютно пустого храма. Перед ликом Богородицы католический священник благословил меня на работу в Кремле, сказал, что Дева Мария будет во всём помогать депутатам от Народного фронта, и протянул мне три церковные свечи со словами: «Зажжёте эти свечи в Москве в важный для Латвии момент».

При каких обстоятельствах и в какой именно момент через два года я зажгла эти свечи в Москве — об этом расскажу позже, когда наш с тобой рассказ, Георг, дойдет и до этой страницы истории.

✿ **Georgs:** Ладненько. Меня зовут — пошёл обедать. Sorry. После обеда возвращаемся в Москву. А вы, мадам, пишите покамест...

✿ **Marina:** На Съезде народных депутатов каждая национальная республика имела свою квоту. Из общего числа 2 249 избранных в 1989 году депутатов СССР на Латвию приходился 51 мандат. Подавляющее большинство мандатов в нашей республике досталось либо кандидатам, выдвинутым непосредственно Народным фронтом, либо представителям общественных организаций, которые в большей или меньшей степени поддерживали политику Народного фронта. В чистом виде как таковой Интерфронт в нашей делегации был представлен всего 11 депутатами. Тем не менее весной 1989 года фракция Интерфронта имела сильные позиции. Достаточно сказать, что один из ее лидеров Альфред Рубикс на тот момент ещё оставался Председателем исполкома Рижского городского Совета народных депутатов, то есть, пользуясь современной терминологией — мэром Риги. Именно этот пост позволил Рубиксу запретить заявленный Народным фронтом митинг проводов депутатов в Москву с Привокзальной площади. Так что многотысячная толпа наших сторонников провожала на поезд своих избранников с «чёрного хода» — митинг прошёл по другую сторону железной дороги на незастроенной ещё в то время торговыми палатками территории Центрального рынка. Эта площадка была как бы ограничена с одной стороны мясным павильоном, с другой — зданием Управления Прибалтийской железной дороги, но 21 мая провожающие заполнили и весь остальной рынок, и прилегающие к нему улицы. По доброй исторической традиции (знаменитая революционная речь Ленина с броневики), три-

буной для избранных от Народного фронта депутатов на этом митинге послужил грузовик с опущенными бортами. Мы стояли, тесно скучившись, плечом к плечу на платформе грузовика, а лидер Народного фронта Дайнис Иванс произносил в укрепленный на этой платформе микрофон прощальную речь. Помню, как на слова Дайниса «Мы едем в Москву расторгать незаконный брак между Латвией и Советским Союзом» толпа отозвалась бурными овациями и аплодисментами, а я в шоке чуть не свалилась с грузовика. Ничего себе обещание! Легко сказать — едем расторгать незаконный брак, а как мы сможем данное народу слово выполнить в Кремле?!

Когда до отхода поезда оставалось полчаса, мы стали гуськом спускаться по приставной лестнице со своей «трибуны» на землю, и тут нас засыпали ворохами цветов, а Маврику Вульфсону кто-то вручил ещё и коробку с пирожными. Через туннель на привокзальную площадь мы шли в сопровождении двух духовых оркестров и огромной толпы аплодирующего народа. Забавная деталь: неподъёмную охапку цветов, подаренных Маврику Вульфсону, до самого вагона несла какая-то женщина из провожающих, а сам он на исторических фотографиях остался запечатленным с элегантной коробочкой пирожных в руках.

На следующий день, как только мы вышли из поезда на перрон, сразу же стало ясно, что революционные настроения назревают не только в Латвии, но и в России. В столице СССР нас встречала делегация российских латышей с национальным красно-бело-красным флагом! Хотя по советской Конституции официальным флагом республики все ещё неизбежно оставался флаг АССР — красный с сине-белыми волнами в нижней части полотнища. Правда, в Латвии уже 16 июля 1988 года в Межапарке прошла манифестация, посвящённая реабилитации национального флага. Организатором манифестации стал Клуб охраны окружающей среды. Но одно дело проведённая общественной организацией

манифестация в Риге и совсем другое – появление на публике «буржуазного» флага Латвии в Москве!

Наконец, вся наша разношерстная делегация в полном составе добралась до гостиницы «Москва», где для каждого депутата на время съезда был зарезервирован отдельный номер. И тут же в вестибюле гостиницы, по налаженному уже «сарафанному радио», народофронтовцам стало известно, что в здании Академии наук СССР сейчас собираются на свою маёвку избранные от России демократы во главе с академиком Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Несколько самых мобильных наших товарищей, не мешкая, побросали свои чемоданы на коллег и помчались ловить такси. Это ведь святое дело – сверить политические часы накануне открытия съезда с прогрессивными депутатами России!

Надо сказать, что «сверка часов» стала проходить у нас на разных уровнях и в разных местах. Конечно, мы не могли с первых же дней полностью отгородиться от своих политических оппонентов, депутатов, избранных от Интерфронта Латвии. Поэтому общие для всей латвийской делегации собрания проходили в одном из двух номеров люкс, где в обширные апартаменты были поселены наши самые знаменитые депутаты – Раймонд Паулс и Маврик Вульфсон. Но когда фракции Народного фронта надо было обсудить стратегически важные вопросы без лишних свидетелей, мы собирались на территории своих единомышленников в московском здании Представительства Литовской ССР. Да, тогда эти помещения назывались еще представительствами, в посольства Балтийских стран они преобразовались только через два года, когда Латвия, Литва и Эстония восстановили свою государственную независимость. Но почему же мы все, и латыши, и эстонцы, на свои тайные вечера собирались именно у литовских коллег? А по той простой причине, что литовская делегация состояла целиком из сторонников Саудиса (аналог Латвийскому и Эстонскому Народному фронту), среди них просто не было агрессивных

сторонников советского режима, то есть представителей наших интерфронтов.

Съезд народных депутатов СССР открывался в 10 часов утра 25 мая 1989 года. И вот накануне вечером латвийские и эстонские депутаты, избранные от своих Народных фронтов, с паспортами в руках чинно прошли по оставленному у дежурного на проходной списку в здание Представительства Литовской ССР. Предстояло обсудить главный вопрос: как внести в повестку дня съезда информацию о существовании тайных протоколов к Пакту Риббентропа-Молотова? То, что сделать это будет непросто, понимали все. Но точно также всем нам было ясно, что быка надо сразу брать за рога, времени на раскачку история нам уже не оставляет. Как эффективнее всего заявить о своей позиции? И тут слово берет депутат Витаутас Ландсбергис (профессор Государственной литовской консерватории) и предлагает оригинальное, но крайне радикальное решение: когда на открытии съезда в зале раздадутся первые аккорды Гимна Советского Союза и все депутаты под эту музыку послушно встанут, мы останемся сидеть на своих местах. В знак того, что избранные от балтийских республик депутаты не признают этот Гимн своим – страны Балтии в 1940 году были оккупированы Советским Союзом согласно тайным протоколам Пакта Риббентропа-Молотова. Предложение вызвало неоднозначную реакцию. С одной стороны – да, такое поведение балтийских депутатов произведет эффект разорвавшейся бомбы. А с другой – не последует ли после этого удаление всех оставшихся сидеть смельчаков не только из зала, но и (в лучшем случае!) вообще со съезда?! Чего мы таким вроде бы эффектным пассажем добьемся, если на самом деле хотим донести до широкой общественности информацию о преступных тайных протоколах? Страсти вокруг предложения Ландсбергиса разгорелись нешуточные! И когда уже начало казаться, что так мы об этом несчастном гимне и проспорим до утра, не успев уже обговорить ничего другого, ситуацию неожиданно разрушила депутат от Эстонии Марью

Лауристин (заведующая кафедрой Тартуского государственного университета), резонно заметившая, что шляпу перед покойником все-таки полагается снять.

И вот наступает этот исторический момент – 10 часов утра 25 мая 1989 года в Кремлёвском Дворце съездов. На украшенной цветами сцене вдоль длинного стола стоят пока ещё пустые кресла членов Президиума, а к микрофону подходит Председатель Центральной избирательной комиссии по выборам народных депутатов СССР В. П. Орлов и произносит первую фразу: «Уважаемые товарищи народные депутаты СССР! На мою долю выпала большая честь. В соответствии с Конституцией Союза Советских Социалистических Республик мне, как Председателю Центральной избирательной комиссии, предстоит открыть Съезд народных депутатов СССР».

Все цитаты, Георг, я привожу сейчас по стенографическому отчету Первого Съезда Народных депутатов СССР, изданному в 1989 году Верховным Советом СССР и выданному потом на руки каждому депутату индивидуально. Ну, а пока из Кремлёвского дворца прямую трансляцию Съезда ведут не только советские, но и многочисленные зарубежные телекомпании, и, обращаясь к широкому мировому сообществу, товарищ Орлов долго и нудно объясняет, какую далеко неоднозначную картину явила собой нынешняя избирательная кампания, и заканчивает свою речь (далее в деталях со всеми подробностями цитирую стенографический отчет) словами:

«Товарищи! В соответствии со статьей 110 Конституции СССР объявляю первое заседание Съезда народных депутатов Союза Советских Социалистических Республик открытым. (А п л о д и с - м е н т ы)

На трибуне - народный депутат СССР Толпежников В.Ф., заведующий кабинетом 1-й Рижской городской клинической больницы скорой медицинской помощи им. Н. Бурденко (Пролетарский национально - территориальный избирательный

округ, Латвийская ССР). Товарищи! Прежде, чем мы начнем свое заседание, я прошу почтить память погибших в Тбилиси. (Все встают. Минута молчания). Благодарю вас.

Вношу депутатский запрос: по поручению моих избирателей требую сообщить во всеуслышание и сейчас, на Съезде народных депутатов СССР, кто отдал приказ об избивении мирных демонстрантов в городе Тбилиси 9 апреля 1989 года и применения против них отравляющих веществ, а также сообщить название этих отравляющих веществ. (А п л о д и с м е н т ы)».

Ещё раз подчеркиваю – в Президиуме Съезда стоят пустые кресла. Сам Горбачёв не успел ещё занять на сцене своё место, а какой-то никому неизвестный врач из Рижской клинической больницы вдруг с ловкостью пантеры одним прыжком оказался на сцене, выхватил микрофон из рук растерявшегося Председателя Центральной избирательной комиссии и поднял зал на покаянную минуту молчания! Совесть не бывает коллективной. Совесть всегда индивидуальна. На другой день центральная советская газета «Известия», написала, что этот эпизод поднялся в истории до уровня символа. «Символ» дал понять, что впредь, видимо или невидимо, на Съезде всё время будут противостоять друг другу два подхода к решению государственных проблем – старое и новое мышление, как тяга к заорганизованности старой командной системы и стремление к демократии.

Да, бомбу на открытии Съезда прибалты таки взорвали. И сделал это этнический русский депутат от Латвии Вилен Толпежников. Много лет спустя я призналась Вилену, что накануне удивилась, когда обнаружила, что он не пришёл на наше общее собрание в литовское Представительство. Подумала, грешным делом, не перекинулся ли один из наших народофронтовцев в лагерь Интерфронта? Вилен рассмеялся и ответил, что пока мы решали, вставать или не вставать при исполнении Гимна, он у себя в гостиничном номере писал и заучивал наизусть речь. Потому что в принципе он не оратор, а врач – мог от волнения и запутаться в

словах у микрофона... И ещё тогда же я узнала, что план захвата микрофона до выхода на сцену Президиума был разработан Виленом в деталях совместно с литовскими депутатами. Дело в том, что каждой республике в зале был отведен свой определенный сектор. Так вот – литовская делегация сидела в левом крыле зала у самой сцены. Толпежников договорился с одним из литовских делегатов поменяться местами в зале, и сел в первом ряду аккуратно напротив микрофона. Как только Председатель избиркома объявил заседание Съезда открытым, Толпежников прямо со своего кресла прыгнул на сцену и успел сделать то, что сделал. Позже по его запросу была создана комиссия, которую возглавил депутат от Ленинграда Анатолий Собчак, проведено тщательное расследование трагических событий в Тбилиси...

Но всё же главной задачей, которую ставили перед собой избранные от Народных фронтов депутаты Балтии, оставалось решение на Съезде вопроса о восстановлении исторической справедливости. А именно – признание изначально преступными тайных протоколов Пакта Риббентропа-Молотова, подписанных в 1939 году между Нацистской Германией и Советским Союзом.

Не буду сейчас вдаваться в детали этой очень драматичной борьбы. Сразу скажу, что на Втором Съезде народных депутатов СССР 26 декабря 1989 года (акkurat на Рождество!), при активной поддержке российских демократов, нам удалось добиться невероятного – тайные протоколы были признаны Съездом преступными и не имеющими юридической силы со дня их подписания. Путь к свободе стран Балтии был открыт! И уже 11 марта 1990 года Верховный Совет Литвы первым из трёх Балтийских республик принял свою Декларацию о независимости. В Латвии такая же Декларация была принята 4 мая. Однако между двумя этими датами в Москве прошел Третий Чрезвычайный Съезд народных депутатов, созванный с единственным пунктом повестки дня – выборы первого в истории СССР Президента

страны. Но в нарушение предварительно заявленной повестки на Съезде был срочно рассмотрен ещё один вопрос, а именно – вне закона объявлена принятая Литвой Декларация...

Знаешь, Георг, я очень боюсь удариться в ностальгические воспоминания, чтобы не получилось как в той популярной в советское время песне: «Что-то с памятью моей стало, то, что было не со мной, помню». Так вот, чтобы не вспомнить ненароком того, чего со мной не было, я решила здесь и сейчас полностью перепечатать свою статью, опубликованную в газете «Падомью Яунатне» 22 марта 1990 года. Мне очень важно сделать это, во-первых, потому что в статье идёт речь о позиции российской интеллигенции, вставшей на защиту Литвы во время обструкции, устроенной этой республике на Съезде. А во-вторых, потому что свои собственные чувства и ощущения я описывала тогда по горячим следам – сегодняшняя память не подведет! Эта статья, если хочешь, тоже документ истории.

ЧАША СИЯ НЕ МИНУЕТ МЕНЯ...

Заметки Народного депутата СССР

Страсти вокруг выборов Президента СССР разгорались на Третьем чрезвычайном Съезде Народных депутатов всё больше. Генералы требовали, чтобы будущий президент, как оно и надлежит настоящему мужчине, поднимал свою квалификацию в армии (минимум – трехмесячные курсы в Военной Академии). Либералы предлагали немедленно, здесь и сейчас, избрать Президентом Горбачёва, предрекая в противном случае конец света в виде начала гражданской войны в стране. Правые радикалы как альтернативу «обанкротившемуся» Горбачеву выдвигали кандидатуру Министра Внутренних дел, дабы проверенными методами навести, наконец, в государстве железную дисциплину. Бесконечно ставились на голосование поправки к Конституции, вызывая бурю эмоций то в одном, то в другом лагере народных избранников.

В двух шагах от сектора латвийской делегации депутаты с Украины взахлеб обсуждали литовский вопрос: одни пытались убедить оппонентов, что Советский Союз должен согласиться на переговоры с Литвой, другие, не замечая, что на трибуне уже выступает очередной оратор, с вежливого шёпота переходили чуть ли не на крик, доказывая, что литовцев надо загнать обратно в СССР танками, и чем скорее, тем лучше. По рядам в зале непрерывно циркулировали написанные на депутатских бланках петиции с обращениями и протестами, большинство из которых были обречены на вечное забвение, ибо по пути в президиум попадали под арест секретариата Съезда, а оттуда в соответствующий архив.

С каждой минутой оставаться в этой атмосфере становилось всё тяжелее. Хотелось встать и уйти. Хотелось хоть на несколько минут оказаться в весеннем утреннем лесу. Или на пустынном морском побережье, или у себя дома наедине с музыкой Моцарта при зажжённых свечах... Наконец председательствующий произнёс магическую фразу: «Объявляется перерыв на тридцать минут!», и участники Съезда потянулись из зала по двум главным направлениям — в курилку и в буфет. Подчиняясь психологии толпы, я тоже тупо позволила эскалатору отвезти себя в буфет. Машинально что-то съела и выпила из того неизменного ассортимента, который журналисты-демократы в прессе называют меню для привилегированных членов общества. Хотя я и осознавала свою принадлежность к клану этих привилегированных, всё же на душе после посещения буфета ничуть не полегчало, и стоя в фойе Дворца Съездов возле стеклянной стены, я рассеянно разглядывала музейные пушки, ровными рядами выстроенные вдоль одного из административныхзданий Кремля, и поздний мартовский снег, крупными хлопьями падающий на лимузины, которые скользили внизу по широкой мостовой, увозя куда-то спрятавшихся за темными шторами сильных мира сего... Резкий звук школьного

звонка известил, что тридцать минут моей свободы истекли, и всё так же машинально, словно загипнотизированная высоким чувством депутатского долга, я покорно вернулась в зал.

Знакомый голос «Здравствуйте, Марина!» остановил меня в проходе на полпути к сектору латвийской делегации. Я обернулась, и наши глаза встретились: это был человек, который, несмотря на приколотый к лацкану пиджака значок Народного депутата, никак не вписывался, просто биологически не мог вписаться ни в одну из крикливых группировок расколотого политическими страстями съезда. Казалось, он по рассеянности перепутал эпохи, умудрился родиться в наше безумное время и, в силу какой-то досадной ошибки, допущенной небесной канцелярией, оказался делегатом на этом Чрезвычайном Съезде. Одетый в элегантный костюм-тройку, который сидел на нем так же естественно, как джинсы на юнцах конца двадцатого века, член-корреспондент Академии Наук СССР, писатель, всемирно известный исследователь Византийской культуры, полиглот, президент недавно восстановленного Библейского общества СССР Сергей Сергеевич Аверинцев в этой судорожно овладевающей основами парламентаризма депутатской толпе выглядел воистину одиноким инопланетянином. Он заговорил со мной, но не о политике, а о Риге. Сказал, что мечтает вместе с семьей побывать у своих рижских друзей, которые живут на Арсенальной улице (название улицы он безукоризненно точно произнес по-латышски), что это неподалеку от церкви Екаба (слова церковь Екаба тоже были сказаны по-латышски без акцента) и в десяти минутах ходьбы от церкви Святой Магдалины. И вдруг, безо всякого перехода, щедро предложил: «Хотите послушать мои новые стихи, Марина?».

Это было настолько неожиданно, что я испугалась. Стихи? После звонка, когда свои места в президиуме вот-вот займет Горбачев со свитой? Стихи — в душливой атмосфере парламентских амбиций депутатов от генералитета, рабочих и крестьян? Но инопланетянин Аверинцев, близкий друг недавно

скончавшегося академика Сахарова, не дожидаясь моего ответа, уже продолжал вполголоса, как бы разговаривая сам с собой: «Называется «Молитва депутата». Я это недавно написал». Он стал читать, и с первых же строк я забыла и про президиум, и про генералов. Мы стояли вдвоём посреди прохода, и депутаты, спешившие занять свои места, обходили нас не задевая. Как будто наталкивались на невидимую эластичную стену, отделявшую нас от внешнего мира, они расступались, почтительно огибали эту стену, не смея нарушить гармонию оазиса, столь внезапно возникшего в огромном, заполненном вибрациями политических страстей зале. В неравной борьбе с политикой, которая по самой своей сути изначально цинична, «Молитва депутата» взывала здесь и сейчас к Нравственности и Культуре.

То, насколько укрепила мои душевные силы эта «Молитва», я поняла только на следующий день, когда уже не шёпотом в зале, а на весь мир с трибуны, на правах «старшего мудрого брата», Съезд стал угрожать Литве военной расправой за непозволительные шалости осмелевшего народа.

Истиной Культуры и Демократии насилие неприемлемо ни в какой форме – будь то внезапно начавшееся преследование членов семьи советского офицера (с чего это вдруг женщины и дети, а также сами обманутые и низведённые до положения рабов низшие военные чины должны сегодня расплачиваться за прошлые преступления тоталитарного режима?), или угрозы Москвы реализовать экономическую блокаду целой республики за счёт других, не менее зависящих от благосклонности центра национальных республик. Страшно то, что попираание ногами этических основ – милосердия и гуманизма – рано или поздно неизменно возвратится бумерангом к тому, кто насилие проявил. Субъект истории, сам себя считающий свободным и независимым, но способный на насилие – неважно, будь то отдельный политический лидер или целый народ – по сути является всего лишь жалким рабом своей злой воли. И это его извечная трагедия. Раб способен только на месть.

Порвать порочный круг способна только истинная, исходящая из глубины сердца, а не провозглашённая конъюнктурно на митингах, любовь к ближнему. Это неопровержимая аксиома, сколь бы сентиментально и неубедительно ни выглядела она в глазах могущественных политиков и политиканов. Общественный прогресс невозможен без нравственного совершенствования. Лев Толстой в своем дневнике в 1905 году писал: «Созидать внешние формы общественной жизни без внутреннего совершенствования то же самое, что перестраивать без раствора рушащуюся постройку из неотёсанных камней. Как ни клади, всё равно от ветра и дождя не защитит, разрушится всё». И столь необходимый для начала строительства демократического общества раствор предлагается нации в лице её интеллигенции. Мятущейся, ищущей, вечно побиваемой камнями и всё же – в виде непримиримой интеллигенции. Для русской нации это на данный момент Сахаровы и Высоцкие, Аверинцевы и Солженицыны. И ещё – как всегда – их ближайшее окружение, люди, чья порядочность и выдержка проверена общими перипетиями судьбы. И не имеет значения, что окружение не только не играет главных ролей на подмостках истории, но и вообще на широкой публике не появляется! Без незаметных соратников, помощь которых зачастую выражается щедрым дарением душевных сил, те, кого мы называем совестью нации, не могли бы так достойно нести в этой жизни свой крест. С одним из таких людей – секретарем-помощником депутата Аверинцева Мариной Андреевной за час до отъезда в аэропорт мы встретились в моём гостиничном номере на другой день после закрытия Съезда.

Стоит ли говорить, что накануне я вернулась из Кремля в полном смятении? Да, конечно, я была очень взволнована. Но не потому что Съезд в отношении Литвы принял очередное запретительное решение – ничего другого в сложившейся ситуации нельзя было и ожидать. Важно было другое, а именно – то, в какой психологической атмосфере могло быть принято это решение и в какой атмосфере оно было

принято. Страшно мне в тот момент стало не за Литву, а за Россию. За ту слепую агрессию, самодовольную похвальбу военной силой, неумение и нежелание понять психологию малочисленного народа, который в результате сговора двух самых больших политических преступников XX века был лишен своей государственности. В каком виде, какую немыслимую цену предстоит в будущем заплатить России за шовинистическое мышление агрессивно-послушного большинства народных депутатов? Неужели мы так ничему и не научились на страшном опыте Афганистана, Грузии, Азербайджана? Неужели мы так никогда и не научимся вести цивилизованный диалог с другими народами и единственным приемлемым для себя государственным языком всегда будем считать танковые колонны? И неужто наш парламент так никогда и не поймет, что нельзя издать закон о любви, повинаясь которому все народы империи вдруг в одночасье радостно бросятся друг другу в объятия? Любовь нации, так же, как и уважение, можно только заслужить. Не могут в этом помочь ни приказы, ни демонстрации военной техники на праздничных парадах. Несвободный, низкооплачиваемый труд граждан никогда не был гарантом расцвета государства, а ведь если говорить честно, положи руку на сердце, то труд в нашей стране ещё куда более несвободен и низкооплачиваем, чем в любом капиталистическом государстве! Когда мы наконец престанем врать? И кому врать? Только самим себе! Об уровне радиации в Чернобыле все цивилизованное человечество знает правды куда больше, чем мы сами. О, Господи, как же прав был Горький, когда в 1918 году писал о России: «Нельзя считать, что народ свят и правдив только потому, что он мученик, даже в первые века христианства было много великомучеников из-за собственной глупости. И не надо притворяться невидящим, что теперь, когда «народ» добился права на физическое насилие над человеком, он

такой же зверский и жестокий мучитель, какими были его прошлые мучители».

Такие вот мрачные мысли не давали мне уснуть всю ночь после закрытия Съезда, и когда на другой день в номере раздался телефонный звонок и голос Марины Андреевны в трубке негромко сказал: «Вам, депутату Балтии, я как русский человек приношу извинения от имени нации за всё, чему мы стали вчера свидетелями у телевизоров во время трансляции Съезда», - я вдруг не выдержала и бурным потоком обрушила на голову своей тёзки все тезисы и обиды, терзавшие меня на протяжении последних дней. Когда моё красноречие иссякло, Марина Андреевна вежливо спросила, не смогу ли я на несколько минут принять ее у себя в номере перед отъездом в Ригу. Я согласилась, и в точно назначенное время помощница депутата Аверинцева стояла под дождём возле металлического ограждения у входа в гостиницу «Москва» (поскольку во время Съезда там жили только иногородние депутаты и журналисты из многих стран мира, нас круглосуточно охранял патруль КГБ). Я предъявила дежурному офицеру депутатское удостоверение, и мы с гостями поднялись в номер.

Марина Андреевна открыла сумку и осторожно извлекла оттуда букет фиолетовых гиацинтов. Каждый из семи роскошных экземпляров цветка был отдельно завернут в целлофан, и когда этот сверкающий шуршащий букет щедро рассыпался на столе, я в первую минуту опешила и не знала, как реагировать на происходящее. Не давая мне опомниться, гостя развернула еще один сверток, и я увидела семь крупных, очень изысканных и разных оттенков гвоздик. «Пожалуйста, отвезите эти цветы в Ригу и положите их к подножью Памятника Свободе», - сказала Марина Андреевна. И окончательно смутившись, словно оправдываясь, добавила: «Знаете, я ужасно сентиментальна. Мне так хотелось послать Латвии немного тепла от России! Русская

интеллигенция всё прекрасно понимает, мы желаем Балтии свободы и независимости».

В Москве вечером 16 марта пошёл снег, и рейс моего самолёта дважды откладывался, так что до Риги я добралась только после двух часов ночи. В аэропорту меня терпеливо дожидалась за рулём машины мой секретарь-помощник.

К Памятнику Свободы мы подъехали в половине третьего ночи. Город спал, и никем не потревоженная я положила на ступеньку цветы и вознесла в ночное небо над Ригой краткую молитву — за свободу Латвии и России».

☛ *Georgs: Да, российские демократы были тогда с нами. Я имел счастье в этом убедиться лично в «баррикадные дни».*

☛ *Marina:* В борьбе за восстановление независимости Латвии на Съездах народных депутатов СССР нас горячо поддержали российские демократы. В частности, неоценимый вклад в этот процесс внесли Александр Николаевич Яковлев — секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС и Юрий Николаевич Афанасьев — ректор Московского государственного историко-архивного института. А. Н. Яковлев возглавил созданную на Первом Съезде в июне 1989 года комиссию по правовой оценке Пакта Риббентропа-Молотова, а Ю. Н. Афанасьев был активным членом этой комиссии. Академику А. Н. Яковлеву, историку по образованию, удалось добиться, чтобы 26 декабря 1989 года Второй Съезд народных депутатов СССР принял Постановление о признании преступными и не имеющими юридической силы с момента подписания тайных протоколов к Пакту Риббентропа-Молотова. Именно это Постановление открывало реальный путь к восстановлению независимости Балтийских республик. После распада СССР в 1993 году А. Яковлевым был основан Международный фонд «Демократия». Этот фонд занялся изданием архивных документов по истории СССР. До 2017 года Фондом

Александра Н. Яковлева опубликованы 88 книг серии «Россия. XX век. Документы» и 70 выпусков альманаха «Россия. XX век». В 2001 году Александр Николаевич Яковлев и Юрий Николаевич Афанасьев были награждены Латвийским Орденом Трёх звезд. Оба академика приехали на награждение в Ригу.

☛ *Georgs: Меня поражает феномен Яковлева. Вот уж точно, self-made man, что-то вроде Бенджамина Франклина. Родом из простой крестьянской семьи. Поразительная биография!*

☛ *Marina: О Яковлеве чуть позже. Я тоже им восхищаюсь.*

Статью «Чаша сия не минует меня», как и все другие статьи для латышских газет, я написала на своём родном русском языке, а редакционная переводчица оперативно перевела её на латышский. Именно потому, что в непростой политической ситуации статья должна была быть опубликована оперативно, я не могла позволить себе усложнять текст стихами, для которых потребовался бы отдельный переводчик. Но сейчас, признаюсь, Георг, что ещё больше, чем «Молитва депутата» меня потрясло тогда другое прочитанное Аверинцевым стихотворение. Сергей Сергеевич сказал, что написал его только минувшей ночью под впечатлением от начавшейся накануне на Съезде травли Литвы и что называется оно «Стихи о литовском гербе». Сразу же с голоса я запомнила всё стихотворение целиком, и сейчас привожу его здесь по памяти:

*Белый витязь на червлёном поле,
Белый вызов силе и неволе,
Зов и вызов рыцарского рога,
И над зевом пропасти — дорога,*

*Белый витязь на червлёном, белый,
Самый тихий голос — самый смелый
Страхам говорит в ответ, обидам:*

Выстою, не отступлю, не выдам,

*Если грянет гром и час настанет -
Мертвый встанет, нерождённый встанет!
Не властители земли — могилы
Скажут слово, что сильнее силы.*

Эти стихи, прочитанные мне в марте 1990 года в проходе гудящего зала Кремлёвского Дворца Съездов оказались пророческими! Уже в январе 1991 года на улицах Вильнюса пролилась кровь, а в августе того же года могилы погибших в Вильнюсе сказали то самое слово, что сильнее силы — Литва, Латвия и Эстония обрели независимость. Вот что о вильнюсском кровопролитии мы можем сегодня прочесть в Википедии:

«В ночь с 12 на 13 января две колонны советской бронетехники (десантники 7-й гв.вдв при поддержке группы «Альфа») из места своей постоянной дислокации (т. н. «Северного городка») направились в центр Вильнюса, осуществляя движение по всем полосам дороги. Одна, как предполагалось, направлялась к окружённому многотысячной толпой парламенту, другая — к телевизионной башне, где также собралось много народа.

Той ночью, при штурме телевизионной башни советскими войсками, погибло 13 человек и, как минимум, 140 были ранены...»

● **Georgs:** Кстати, я хорошо знаком с Александром Демченко, который вместе с Юрисом Подниексом как раз снимал эти знаменитые кадры — взятие Вильнюсской телебашни подразделением «Альфы». Он сам в прошлом десантник, но когда по нему били автоматными прикладами, он держал свет, чтобы Юрис мог снимать. Эти кадры обошли весь мир. Самому Демченко солдаты выбили два позвонка. При этом, ему периодически нужно было отворачивать свет в сторону, чтобы Подниекс не стал мишенью для снайперов. Потом литовцы прятали и лечили Сашу.

● **Marina:** С Александром я тоже не только близко знакома, но и сделала все для того, чтобы он в конце концов получил и в Латвии орден Виестура (военный) за заслуги перед Латвией на баррикадах в Литве... У меня в архиве хранится несколько аудио дисков с моими интервью с Демченко на Латвийском радио...

Мир тесен и прекрасен! И все мы здесь и сейчас ТОЛЬКО СОВРЕМЕННОСТИ...

Да, я помню, как рано утром 13 января 1991 года ко мне прибежала подруга детства Илзите вся в слезах: «Включи радио! Литва зовет на помощь!»...

В тот же день Народный фронт Латвии призвал народ защитить своё законно избранное правительство и парламент, и в Риге стали возводиться первые баррикады.

Конечно, я была на баррикадах с первого до последнего дня, но ни в коем случае не считаю себя героем баррикад. Скорее мне приличествует статус активного свидетеля тех исторических событий. Потому что жила я в Риге и после ночного бдения у костров и суповых котлов днем всё же могла вернуться в свою квартиру, чтобы принять душ и пару часиков поспать в собственной постели. Совсем иначе обстояло дело с теми сельчанами, которые со всех концов Латвии съехались на баррикады и на колхозной технике, и в специально выделенных отрайонов автобусах. Ведь они действительно на полном серьёзе прощались с семьями, не зная, вернутся ли домой живыми! Кадры штурма вильнюсской телебашни, снятые командой режиссера Подниекса, телевидение весьма оперативно выдало в эфир, так что люди ехали в Ригу отнюдь не песни попеть и в войнушку поиграть, как пытаются это представить сегодня некоторые СМИ. То есть опять мы сталкиваемся с мифами героизации непричастных к баррикадам людей с одной стороны и циничным унижением настоящих безымянных героев с другой. Поэтому ещё раз позволю себе, Георг, привести здесь полностью собственную статью, опубликованную в газете

«Литература ун Максла» 2 февраля 1991 года. Но сначала краткая предыстория.

Баррикадные ночи вместе с другими писателями я проводила в бывшем особняке миллионерши Эмили Беньямине, поскольку помещения нашего Союза были приспособлены под один из многочисленных действовавших в городе пунктов горячего питания. В подсобных помещениях библиотеки, где с довоенных времен сохранилась дровяная плита, варились баррикадные супы и кипели политические страсти. Колдуя над котлами, мы одновременно через радио и телевидение четко отслеживали всё, что происходит на улицах города. Как только ситуация где-то обострялась, я тут же просила директора Бюро пропаганды литературы Андриса Витолса заводить мотор стоящей во дворе машины Бюро, чтобы выехать на место происшествий. Мое преимущество состояло в том, что я была избранным от Народного фронта депутатом Верховного Совета СССР и с этим удостоверением могла без проблем миновать все шлагбаумы на постах. Надо сказать, порядок на баррикадах соблюдался строго – без особой надобности перемещение зевак от одного охраняемого объекта к другому не поощрялось. В нашу машину обычно садилось сразу несколько писателей. Помню, например, своих попутчиков Андрея Дрипе и Людмилу Азарову, Мариса Чаклайса и Зигмунда Скуиня... И даже если не случалось никакого ЧП, всё равно каждую ночь мы совершали свой объезд вокруг костров того или иного стратегического объекта. Ну, а теперь сама статья «Баллада о баррикадах», написанная мною в доме миллионерши Беньямине в те тревожные ночи.

Баллада о баррикадах

Пройдут годы, и об этих днях и ночах будут написаны книги, смонтированы документальные фильмы. Школьники станут получать свои отметки за выученный или невыученный урок по

данному периоду истории Латвии. Ну, а нам, в свою очередь, посчастливилось в этот период жить. Просто родиться и жить в Латвии.

Куда же поедет нынешней ночью? В первую очередь на Закюсала (Zaķusala – Заячий остров), но на сей раз к телевизионной башне, а не к студийному корпусу телецентра, у защитников телецентра мы были уже вчера и позавчера, там и без писателей есть кому поддерживать боевой дух – у костров народ танцует с переброшенными через плечо противогазами, выступают популярные фольклорные и эстрадные ансамбли, известные артисты. А вот возле телевизионной башни, говорят, темно и одиноко, там люди нуждаются в духовной поддержке. Так мы рассуждаем, намечая очередные маршруты выездной писательской бригады. Но логика наших рассуждений базируется на слухах, а картина реальной жизни эти слухи убедительно развеивает. Защитники телебашни никакие не Робинзоны Крузо! За ходом событий они следят по установленному под ночным небом телевизору. Вокруг костров высятся всевозможные сооружения из брёвен, досок, еловых веток – защита от продувающих остров ветров. В этих загородках люди заняты кто чем: одни отсыплются, бросив прямо на землю полушубок, другие подбрасывают в огонь поленья, третьи истово отказываются от домашней снеди, которую на машинах всё подвозят и подвозят рижане. Молодой голос вежливо осведомляется из темноты: «Основное скопление народа здесь?», и через минуту с той стороны раздаётся слаженное хоровое пение. Между двумя песнями успеваю спросить: «Кто вы?». Мне отвечают: «Музыкальная академия». Вот так. Ни больше, ни меньше. Ночью, на острове...

Русская девушка – журналистка – следует за мной от костра к костру, задавая на ходу очевидно уже днём заготовленные вопросы: «Как вам кажется, что сейчас происходит в Латвии? Я имею в виду не в прямом, а в философском смысле». Гм... В философском смысле сейчас, пожалуй, на космических весах взвешивается судьба нации.

И на вопрос – быть или не быть этой нации как таковой, не могут повлиять ни танки, ни «чёрные береты» омовцев. Повлиять на это может только духовный потенциал самого народа. Если этот потенциал достаточно велик, то есть нация жизнеспособна, то на этом этапе эволюции человечества латыши с планеты как народ не исчезнут. То, чему мне довелось стать свидетелем в последние дни и ночи в Риге, настолько потрясает и завораживает, и в то же время всё это столь грандиозно и величественно в своей простоте, что мне, русской, минутами хочется опуститься на колени перед этим малочисленным народом земли. Это ни в коей мере не самоуничижение, скорее трудно объяснимая гордость перед неведомыми цивилизациями за то, что здесь, на моей усталой, истерзанной человеческим безумием планете, всё ещё живет уникальный народ, способный защитить свой дом без автоматов и выстрелов – исключительно силой духа.

– Нет, правда, что вы будете делать, если с моста на вас вдруг действительно двинутся танки? Ведь вся эта техника, начиная от тягачей и тракторов и кончая легковушками и микроавтобусами «скорой помощи», под армейскими гусеницами вмиг превратится в груды металлолома!

Средних лет крестьянин, который вот уже четвёртую ночь бессменно дежурит возле этого костра, отвечает рассудительно и взвешенно:

– Мы возьмёмся за руки и живой цепью встанем по периметру острова. Задержим их хоть на несколько минут, и прежде чем они успеют захватить телецентр, мир узнает, что советские танки-«освободители» шли к цели по телам невооружённых людей.

По спине пробегают мурашки. Я понимаю, что этот крестьянин не шутит и не позирует. Дома у него остался внук, осталось продолжение народа, так что в случае чего... будет кому посеять рожь в политую кровью землю.

О какой истерике на рижских баррикадах вещают с телеэкранов озабоченные дикторы всесоюзной информационной программы

«Время»? О каких сгущающихся тучах разглагольствует в Москве на пресс-конференции избранный от Интерфронта Латвии народный депутат СССР Виктор Алкснис? Рискнул ли он сам хоть раз побывать в эти дни на баррикадах? Не страхом ли за собственную жизнь продиктованы его адресованные мирным жителям безжалостные угрозы, которые сегодня передало Латвийское телевидение: «Если враг не сдаётся, его уничтожают»?

На борту грузовика, перегородившего проезжую часть улицы, кнопками прикреплен кусок обоев. Самодельный плакат обращён к армии: «Остановись, солдат! Подумай о своих родных на родине!».

Вот уже третью ночь я безуспешно ищу сеющих панику и разжигающих национальную вражду защитников баррикад, которых в свои сверхмощные бинокли обнаружили в Риге послушные идеологической пропаганде московские журналисты. Увы, ничего подобного! Что касается паники, то всё обстоит с точностью до наоборот. Паника не проявляется даже в тех ситуациях, когда для её возникновения имеется вполне обоснованный повод. Конкретный пример.

Вечером, заступив на дежурство в Союзе писателей, я решила сходить – к счастью, недалеко – к Международному центру телефонной связи, одному из тех стратегических объектов, который защитники города охраняли с особой ответственностью. В баррикадных декорациях творческая встреча с этими людьми вылилась в тёплую и непринуждённую беседу. На прощанье кто-то положил мне на ладонь отстрелянную гильзу автомата: «Это вам на память от «чёрных беретов» - сегодня вечером они опять обстреливали машины на Брасском мосту».

Прошлой ночью я тоже была на этом мосту, видела сгоревшие кабины грузовиков и тракторов, простреленные шины, говорила с шофёрами, которым лично довелось пережить бандитский налёт до зубов вооружённого спецотряда Министерства внутренних дел СССР, поэтому гильза на ладони для меня сейчас не сувенир, а сигнал тревоги. Мы тут же выехали на место происшествия. Но

незадолго до нашего приезда невооруженные защитники моста, по решению правительства, были с этого объекта отозваны. На обочине ярко пылали только что оставленные костры, скособочившись стояли на простреленных колесах огромные трактора - жертвы недавнего налёта.

Вернулись в Союз писателей. Сели пить чай. Вдруг распахивается дверь, и стремительно входят наши знакомые с телефонной централи. Они невозмутимо протягивают мне отстрелянную гильзу уже другого калибра и сплюснутую свинцовую пулю – от пистолета Макарова. «Ещё одно небольшое дополнение к вапей сегодняшней коллекции. Только что был обстрелян автобус на углу Чака и Дзирнаву. Пуля прошла через лобовое стекло над рулём, но сам шофёр, к счастью, в этот момент отдыхал на заднем сиденье. Если хотите с ним поговорить – пошли».

Честно сказать, ни у самих защитников баррикад, ни у меня не было ни малейшего сомнения в том, что эти выстрелы – очередная спланированная диверсия. Оснований для уверенности было более нежели достаточно. За несколько часов до этого в 1-ой городской больнице скончался водитель правительственной служебной «волги» Роберт Мурниекс. Эту машину «черные береты» обстреляли днём, в 16.35 на Вецмилгравском мосту. Однако мы ещё не успели дойти до пострадавшего автобуса, как сразу несколько человек, перебивая друг друга, бросились нам навстречу, дабы загасить взрывоопасную искру репортерской сенсации – тревога ложная, это стрелял милиционер, гнавшийся за реальным преступником. Попадание в лобовое стекло автобуса – просто фантастическая случайность. Всё уже в порядке. Преступник общими силами задержан и доставлен куда следует. Не дай Бог, чтобы в прессу просочилась недостоверная информация!

Так вот обстоят сегодня дела с паникой в Латвии. Что же касается доверия политике Москвы и лично Президенту СССР – дежурившие на Заячьем острове возле телебашни люди спокойно объяснили мне, что от идеи посылать бесчисленные телеграммы

Горбачёву здесь отказались. Защитники баррикад нашли более лаконичную форму протеста: купили книгу Горбачева «Перестройка и новое мышление» и пустили по круту, чтобы каждый человек мог написать поверх печатного текста собственное пожелание Президенту. Когда в книге распишутся все защитники баррикад, которые охраняют этой ночью данный объект, книгу пошлют в Москву с припиской автору: «Мы повзрослели и в сказки больше не верим. Поэтому возвращаем Вам эту книгу сказок обратно».

Поскольку у защитников телебашни в ту ночь с боевым духом всё было в полном ажуре, мы решили побывать на одном из самых отдалённых охраняемых объектов – у радиовышки в Улброке. Быть может, там люди чувствуют себя забытыми и никому не нужными?

Но – в два часа ночи на опушке леса уже возле первого костра сразу же попадаем на концерт духового оркестра. М-да... Тихонько выбираемся из машины, стараясь незамеченными обойти этот пост, чтобы не помешать культурной программе, и через какое-то время за поворотом дороги обнаруживаем следующий костер. Похоже, пока что здесь у нас конкурентов нет. Смело подходим к защитникам баррикад, знакомимся, рассаживаемся на брёвнах...

С запасами дров и продуктов здесь тоже полный порядок, но потолковать с гостями – отчего бы и нет? За разговорами легче ночь скоротать. Нам поясняют, что все посты вокруг радиовышки разделены по районам. Например, у этого костра сидят жители Закюмуйжи, а там дальше – энергичный жест руки в сторону темного леса – дежурят люди то ли из Валмиерского, то ли из Мадонского района. Люди меняются. Одни уезжают, на их место приезжают другие из того же района. Как долго они готовы здесь сидеть? Сколько понадобится. Месяц – так месяц, два – так два. Они верят правительству Республики. И не потому, что латыши – двое из них русские (между прочим, на посту уже четвертую ночь), а потому что понимают – страну в тупик завело правительство СССР во главе с коммунистической партией.

Но общаться с русскими мне труднее, чем с латышами. Это результат пропаганды идеологов Интерфронта против Народного фронта как такового, а против моей личной принадлежности к этой организации двоякие. И хотя для дежурящих у костра русских идеи Интерфронта абсолютно неприемлемы, все же тон, которым задают мне вопросы эти защитники баррикад, звучит настороженно:

— Вы ведь русский человек, правда? Тогда почему вы вступили в латышский Народный фронт?

Отвечаю на вопрос вопросом:

— Но вы ведь тоже русский человек. Так что же вы здесь сидите ночью вместе с латышами?

— Я? Ну, я защищаю свою родину от Рубикса. Я здесь родился.

— Ну, вот видите - сами же и ответили на свой вопрос. Я тоже здесь родилась.

И еще. В Латвии я защищаю честь России. Понимаете, очень не хочется, чтобы родина моих предков вписала в мировую историю ещё одну страницу кровавого подавления волеизъявления к свободе небольшого народа. У латышей есть право стать свободными и независимыми от империи в собственном доме.

Да, с этой моей позицией он согласен. Но всё же, всё же... Вот смотрите: Горбачёв сказал, что в Литве, в здании, захваченном армией, обнаружены списки коммунистов, с которыми националисты собирались расправляться только за то, что они коммунисты... Мой русский собеседник в Латвии является одновременно и продуктом, и жертвой системы. Он не в состоянии допустить мысли, что на ложь способен живой «царь». Сталин — да, тот народ обманывал. Брежнев тоже, но живому лидеру верить надлежит свято и безоговорочно, иначе земля уйдет из-под ног...

Я не хочу, чтобы у этого честного и внутренне чистого человека ушла из-под ног земля, я понимаю, что просиди мы здесь у костра хоть до рассвета, кардинально изменить его мышление за несколько часов мне все равно не удастся. Поэтому, как могу,

стараюсь укрепить в нем то инстинктивное чувство истины, которое привело сегодня этого немолодого мужчину в ночной лес.

По дороге к автобусу почему-то вспоминаю философскую формулу политической борьбы Махатмы Ганди: «Человек — человечность — человечество». Кажется, мы здесь, в Латвии, начинаем наконец осознавать магическую сущность этой мысли. Кажется, за эти несколько дней процесс раскаяния начался и у латышей, и у большинства русскоязычных жителей Латвии. Это то раскаяние, очищение, без которого немыслимо создание гуманного демократического общества.

И ещё - во мне укрепляется уверенность в провозвестии мудрецов Востока: ничто в жизни не случайно. То, что временами кажется нам простым совпадением, на самом деле есть целеустремленная закономерность, отвечающая планам высшего Космического Разума. Когда всего две недели назад, 7 января, прибыв в Москву со сложным чемоданом и авиабилетом до Калькутты в кармане, я в самый последний момент вдруг узнала, что Индия отказала мне во въездной визе, это обстоятельство не слишком меня огорчило. Сразу сработала мысль, что СЕЙЧАС ТАК НАДО, что мне надлежит вернуться в Латвию, ибо после того, как омовцы захватили Дом Печати, барометр политической жизни в республике неуклонно показывал бурю. И вот ближе к концу января, когда накал политических страстей в Латвии пошёл уже на спад, раздался звонок из Москвы — посольство Индии в СССР любезно сообщило, что мне разрешен въезд в Калькутту. Ну что ж, на всякий случай ещё раз заказала билет на этот международный рейс. Если война, начавшаяся несколько дней назад в Персидском заливе, по цепной реакции не заденет Индию, если в Латвии события в ближайшие дни не станут развиваться по кровавому сценарию анонимных драматургов Кремля, если... Словом, в Индию поехать мне всё же очень хочется, хотя однажды я там уже побывала в туристической поездке. Но на этот раз я имею на руках личное приглашение от господина Свами Локешварананда

– директора Института Культуры Миссии Рамакришны. Человек этот широко известен и уважаем как в Индии, так и далеко за её пределами. В свою очередь его духовным Учителем был ученик жившего в 19 веке Рамакришны, так что сам Свами Локешварананда по праву является третьим звеном в цепочке наследников священного учения, данного Индии легендарным Рамакришной. Если ко всему сказанному добавить, что пригласивший меня человек был близким другом семьи Ганди, то читателю станет ясно, насколько заманчиво выглядит для меня перспектива такой поездки и с каким благоговением я отношусь к самому факту приглашения Свами Локешварананды. И всё же одно я знаю наверняка: в ближайший месяц судьба определит мне быть там, где мое присутствие сможет принести наибольшую пользу обществу. И если этой точкой на планете окажется Латвия, то я буду рада, по мере сил, честно исполнить здесь свой гражданский долг. Ибо что может сравниться со священным чувством выполненного долга? Что может быть более трепетным и несказанным, чем чувство личной принадлежности к истории народа, который упокоил в своей земле прах твоих предков, с которым ты разделил хлеб и тепло костров на баррикадах...»

Всё-таки, Георг, хорошо, что у меня сохранились эти старые газетные статьи. По крайней мере, ничего не могу сегодня приврать для красного словца. И отречься от того, что публично высказала много лет тому назад тоже не могу. Да и нет никакой необходимости отрекаться! Мне не стыдно за мысли, которые эмоционально выплеснулись на газетную полосу 2 февраля 1991 года. Все было сказано абсолютно искренне. Но саму газету «Литература ун Максла» (Литература и Искусство), где была напечатана статья «Баллада о баррикадах», я увидела лишь спустя два с лишним месяца. Потому что в те дни она выходила нерегулярно и подпольно – после захвата ОМОНОм Дома Печати оттуда были изгнаны все редакции, разделяющие взгляды Народного фронта. Хорошо помню, что статью редактору я отдала 19 января. На

следующий день, 20 января, произошло самое кровопролитное событие за всё время баррикад – захват Министерства внутренних дел, когда погибли сразу пять человек. 25 января Латвия прощалась с погибшими у памятника Свободе. Ну, а на следующий после похорон день, 26 января, я вылетела в Москву и далее уже без задержек в Индию. То, о чём в конце статьи с большой долей сомнения я осмеливалась ещё только мечтать, в жизнь претворилось молниеносно, как по мановению волшебной палочки.

Так что, как видишь, Георг, самой судьбой мне была дарована возможность неожиданно (задержка с выдачей индийской визы) остаться в Латвии на всё время баррикад. Но ты ведь тоже был на баррикадах... Можешь рассказать, как тебе это всё запомнилось?

☛ **Georgs:** Для меня этот день начался так: утром жена разбудила словами: «Сейчас сообщили, что по мосту идут танки. Будут брать твоё радио». Под словами «Твоё радио» она подразумевала Радиокomiteт на Домской площади, потому что, проработав в этом здании семь лет, я всё ещё оставался там своим человеком – заходил запросто: все милиционеры на проходной меня знали и не спрашивали пропуска. На радио я пил кофе с друзьями, иногда начитывал кому-то тексты по-русски. Некоторые редакторы, например, Айя Ванка, любили мою манеру чтения. В общем, сердце ещё было там. Поэтому естественным моим порывом было бежать на защиту родного радио. Какие танки! Там же одни женщины работают... Не раздумывая, натянул штаны, свитер, надел куртку. Инесса дала мне «калорийную» булочку и насыпала в пакет две пригоршни кофейных зёрен. Чего-то собирать серьёзного на перекус времени не было. Выскочил из дома, остановил машину «ХЛЕБ» и в пять минут доехал до Домской площади. Уже издали я увидел две мужские фигуры, стоящие у дверей – огромного звукоинженера Юриса Еске и щупленького внештатника молодёжной редакции «Дзиркстеле» (Искорка) Андриса Апсите. Мы молча кивнули друг другу, и я встал в линию с ними. Иногда

из-за массивных дверей высывалась голова кого-то из девушек из фонотеки. Утро было промозглое. Так втроём мы простояли недолго. Уже минут через пятнадцать со всех улиц, ведущих на Домскую площадь, к Радио потянулись людские ручьи, мужчины сбегались к дому и становились рядом с нами возле дверей. Когда уже половина площади была заполнена людьми, я решил покинуть свой пост, перешёл площадь и пошёл в наш Клуб кинолюбителей. Там Рута Земигане и наша уборщица, всегда приветливая и кроткая Дзидриня – Дзидрас кундзе (мадам Дзидра), а также женщины из местной ячейки Народного фронта – Марите Балоде, Зигрида Зиемеде – уже начали готовить зал, чтобы люди с площади могли прийти и у нас согреться. Так началось моё стояние на баррикадах, которое продлилось целую неделю. Уже через час мы увидели тяжёлую технику, она везла на площадь массивные бетонные блоки. Их устанавливали кольцом вокруг Радио и на подходе к Саэйму, где заседали парламентарии. Внешнее кольцо баррикад было сооружено по всему периметру Старого города, оставляя лишь узкие проходы блокпостов. Были построены укрепления из строительных конструкций перед Советом министров на Бривибас и перед зданием телевидения на Закусала.

Народный фронт оперативно руководил всеми этими работами. В середине дня нам подвезли и провиант. Близлежащие колхозы присылали хлеб, кофе, сыр, рыбу. Мы развернули в зале столы, были включены титаны с кофе и чаем. На возвышениях стояли два монитора – Латвийское телевидение вело круглосуточный прямой эфир. А в каминном отсеке несколько женщин, сменяя друг друга, готовили бутерброды, крошили винегрет. И таких центров по Старой Риге открылось несколько и прежде всего – в церквях. Самый большой, естественно, был в Домском соборе. Там же, в одном из нефов был развёрнут мобильный госпиталь. Туда через несколько дней принесли первых убитых.

Нужно всегда помнить, что эти события происходили в эпоху до интернета и мобилок, поэтому информация зачастую была скуд-

ной. Так мы мало знали о событиях в Тбилиси в апреле 1989-го года, где погибло более двадцати человек, зарубленных сапёрными лопатками. Ещё меньше мы знаем о кровавых январских событиях в Баку 1990 года, а там погибло от 140 до 170 человек. Эти факты остались неизвестными советским людям из-за того, что не было достаточной информации о них. Я знал в деталях, поскольку у меня был друг, бакинский художник Ариф Магерам. Советская пресса молчала, а зарубежные корреспонденты пользовались очень скудной информацией. Поэтому я позвонил в Москву своему приятелю, кинорежиссёру Атвару Горису и мы договорились, что каждые два часа я выхожу с ним на связь и докладываю об обстановке в городе. Если я не звоню, то он звонит мне.

Связь и оповещение с Народным фронтом были организованы чётко. Особенно после того, как 16 января ОМОН расстрелял на Вецмилгравском мосту микроавтобус, когда появилась первая жертва – шофер Роберт Мурниекс. По радио стали поступать регулярные сообщения о том, когда «бобики» с ОМОНОм выезжали с базы. Я немедленно звонил домой и просил жену не выпускать сына на улицу. Но, как я потом узнал, он с друзьями, конечно же, бегал на баррикады.

Иногда ночью ко мне приходили знакомые, дежурившие в других местах баррикад, и мы вместе шли с обходом нашего укрепрайона, встречали знакомых. Настроение у всех было деловое, спокойное, но даже в воздухе чувствовалось какое-то напряжение.

Январь тогда выдался бесснежным, но морозным, плюс сильная влажность, – холод пронимал до костей. Везде жгли костры, дрова также подвозили из ближайших лесных хозяйств. Участникам баррикад выдали пропуска. Хотя через какое-то время в Старый город проникали не только непосредственные защитники. Приезжало много молодёжи из Калининграда и Питера. Я видел даже отдельный костёр, организованный питерскими студентами. Видел два полностью гружённых лесовоза, на бортах которых было

написано «Привет из Новосибирска». Один стоял на «Домчике», второй – у Совмина.

Мне звонили многие мои клиенты из России, спрашивали, что там у нас происходит. Напряжение достигло апогея, когда ОМОН начал брать Министерство внутренних дел. Во время перестрелки был убит мой приятель, кинооператор Андрис Слапиныш и смертельно ранен его помощник, Гвидо Звайгзне. Я снял с Андрисом несколько фильмов, был хорошо знаком и с его женой, москвичкой Наташей Дюшен. Она преподавала сценическое движение в Латвийской консерватории. Последними словами Андри-са были обращены к своему ассистенту: «Снимай, меня убили». Это всё, что он успел сказать смертельно раненому Гвидо Звайгзне. По ним стреляли пулями со смещённым центром тяжести. Эти пули попадали в человека и потом ещё какое-то время беспорядочно двигались по телу, разрывая ткани. И Андрис, и Гвидо были очень светлыми, молодыми мужчинами. В тот трагический день Наташа не успела сказать Андрису, что носит под сердцем его сына.

25 января состоялись похороны четверых убитых у Министерства внутренних дел: кинооператора Андриса Слапиныша, милиционеров Рижской милиции Владимира Гамановича и Сергея Кононенко, школьника Эдийса Риекстиньша. Второй кинооператор Гвидо Звайгзне от полученного ранения умер в больнице позже, 5-го февраля. Ну, а 25-го января четыре гроба были выставлены у Памятника Свободы на помосте рядом с трибуной для выступающих. Проводить погибших в последний путь пришли тысячи людей, с площади у памятника велась прямая трансляция телевидения. Эти похороны поставили точку в январских событиях на баррикадах.

Вечером на улицу Яуниела, где мы сворачивали наш пункт питания, приехал мой приятель Сева Манкин. Он посмотрел на меня и сказал: «Так, понятно... Собирайся». Посадил меня в свою «Волгу» и повез за сто километров от Риги в лес, на свой хутор. Пока Сева растапливал баньку, я ломом рубил прорубь в озёрце возле.

Заплали, попарились, окунулись в проруби, опять попарились... А в это время мама Севы, Валентина Сергеевна, приготовила нам отличный ужин, – нажарила картошки на сале, солёные грибки да огурчики... выставила бутылку водки, которую мы тут же и уговорили. Я был признателен им за то, что они не расспрашивали меня про баррикады. Говорить об этом было просто невозможно. Мы с Всеволодом и раньше-то избегали касаться в разговорах политических тем, поскольку он принадлежал к совершенно другому лагерю, нежели я. Сева, как и большинство моих друзей, был старше меня лет на двенадцать. Он служил в морском флоте и, будучи инженером-строителем, не хуже меня понимал все – и про истинное состояние советской экономики, и про двуличие партийных боссов... Гораздо лучше меня он знал о количестве военной техники и войск, которыми была напичкана Латвия, поэтому совершенно не верил, что у республики есть хоть какой-то шанс получить независимость в ближайшем будущем. Но нам хватало тем для разговоров без споров и без политики, тем более, учитывая, что моя жена – латышка, он действительно был очень деликатен. После ужина я лёг спать под жаркой периной и проспал целые сутки. Спустя сутки, я проснулся (очнулся), Валентина Сергеевна сварила нам в джазве ароматный кофе, какой умела варить лишь она, и мы поехали назад. Я вернулся в Ригу уже другим человеком, мои нервы будто окаменели, и многое, что было важным для меня прежде, теперь оказалось мелким и несущественным.

Тем более, что с 23 января в СССР была объявлена денежная реформа (помнишь? – т.н. «реформа Павлова») это была, как мы теперь понимаем, государственная афёра с целью отнять избыток денежной массы у населения и хотя бы немного сократить дефицит на товарном рынке. Как раз накануне всех этих событий я получил большое количество наличности для зарплаты художникам, с которыми работал. Все эти дни деньги лежали в моём сейфе, и теперь нужно было срочно выплатить гонорары. Так что мне было чем заняться.

8.

● **Marina:** В аэропорту Калькутты меня встречала московская переводчица, прилетевшая туда на три недели раньше тем самым рейсом, на который и у меня изначально был куплен билет. Она рассказала, что когда Свами Локешварананда узнал, почему она прилетела без меня, он с минуту сосредоточенно помолчал и потом очень спокойно и уверенно сказал: «Скоро она будет в Индии. Сейчас ей надо было быть в Латвии».

Тут всё же надо пояснить, где и при каких обстоятельствах я познакомилась с директором Института Культуры Миссии Рамакришны Свами Локешваранандой, пригласившим меня в Индию. Произошло это осенью 1990 года. Я уже была избрана от Латвии не только народным депутатом, но и членом Верховного Совета СССР, то есть сослана в почетную кремлёвскую ссылку – члены Верховного Совета работали в Москве на постоянной основе. В отличие от рядовых депутатов, которые, согласно регламенту, обязательно должны были приезжать в Москву только на съезды два раза в год. От Латвии из 51 депутата на постоянную работу в Кремле были делегированы 14 депутатов – три человека в Совет Союза и одиннадцать в Совет Национальностей. Так что я, будучи членом Совета Национальностей, постоянно жила уже в Москве, а в Ригу при первой возможности приезжала перевести дух на выходные. И вот как-то на неделе звонит из Риги моя секретарь-помощница и взволнованно говорит, что

в ближайшую субботу мне обязательно надо прилететь домой, потому что в Латвии сейчас гостит известный во всем мире индус, директор Института Культуры Миссии Рамакришны. Мне, наверняка, будет интересно с ним встретиться.

Ну, ещё бы! Конечно, интересно! И уже в пятницу вечером я прилетела в Ригу, а утром в субботу, в заранее согласованное время, мы с моей помощницей вошли в уютный одноместный номер первой, недавно открывшейся частной гостиницы в Межапарке. Моя помощница хорошо владела английским (у меня в школе был немецкий), так что она пришла со мной в качестве переводчицы. Свами Локешварананда встретил нас очень приветливо, сказал, что обо мне многое уже знает от пригласивших его с лекциями в Ригу членов Латвийского общества Рериха и рад нашему очному знакомству. Он предложил мне сесть рядом с ним на диван, взял мою руку в свою и пальцами слегка нажал мне на мизинец. Дальше стали происходить невероятные вещи... Я ещё только собиралась задать вопрос, чтобы переводчица спросила это у индуса, как он вдруг сам начинал отвечать на мой ещё даже по-русски незаданный вопрос! То есть Свами Локешварананда как в открытой книге читал мои мысли... Незаметно наш разговор перешел на тему больных детей, которые учатся во вспомогательной школе, но прекрасно рисуют и пишут поразительные письма мне, своему другу, Яблоне, и Свами очень заинтересовался моим рассказом. Наш визит закончился фантастическим предложением: директор Международного Института Культуры Миссии Рамакришны сказал, что пришлёт официальное приглашение Матери-Яблоне (так он стал меня называть после этого знакомства) с тем, чтобы в его Институте я прочла лекцию о друживших с Яблоней детях. Индусского монаха, объехавшего полмира в знакомстве с культурами разных народов, заинтересовал необычный духовный опыт детей, общающихся с деревом как с живым существом. Он сказал, что об этом должны обязательно узнать и преподаватели, и студенты в Калькутте.

Видимо, следует сейчас немножко рассказать конкретно и о самом Институте, который возглавлял Свами Локешварананда, и о Миссии Рамакришны в целом. Итак, краткая энциклопедическая справка.

Институт культуры Шри Рамакришны является одним из самых крупных культурных центров в Азии. Концепция культурной деятельности Института основана на заветных Шри Рамакришной принципах единства человечества, общности духовных ценностей всех религий, служении Богу через служение человеку.

Работа директора института Свами Локешварананды направлена на создание новых социальных отношений в разных слоях общества для консолидации народов Индии. С его помощью Миссия Рамакришны, реализуя принципы бескорыстного служения, создала больницы, учебные заведения, разработала эффективные способы помощи людям при стихийных бедствиях и чрезвычайных ситуациях. Всё это стало возможным благодаря глубокому пониманию великих основ самой древней в мире религии – веданты.

В Индии Миссия Рамакришны уделяет образовательной программе самое пристальное внимание. Она имеет более семисот колледжей, средних школ, специальных, технических, санскритских, профессиональных школ, институтов агрокультуры, компьютерных центров, политехникумов и т.д. Кроме этого она имеет сеть студенческих домов, общежитий, приютов, а также известную по всей Индии Академию слепых мальчиков. Миссия Рамакришны занимается обширной благотворительной деятельностью в различных сферах жизни.

Известный французский писатель, лауреат Нобелевской премии Ромен Роллан под впечатлением от идей индийского гуру написал о нём книгу «Жизнь Рамакришны» (1929).

Реформатор индуизма Рамакришна (1836 – 1886) говорил: «Пойдем вместе! Вперед! Не надо тратить время, оглядываясь

назад, всегда смотри вперёд. Может быть, какие-то глупые вещи ты сделал в прошлом – забудь всё об этом».

Сама же Миссия была учреждена 1 мая 1897 года Свами Вивеканандой, учеником Рамакришны, с целью установления общечеловеческого братства, облегчения участи индийского народа и служения человеку как Богу. Первый пример такой работы монахи Миссии Рамакришны во главе с ученицей Вивекананды сестрой Ниведитой (Маргарет Нобл) подали во время эпидемии чумы в Калькутте в 1898 году.

Но сама я всё это так подробно узнала уже потом. А тогда, сидя рядом со Свами Локешваранандой в уютном гостиничном номере, приглашение директора Института приехать в Калькутту с лекцией всерьёз не восприняла. Подумала, что это просто формальная вежливость – мол, приезжайте, всегда будем рады видеть вас у себя! Ведь осенью 1990 года мы, советские люди, всё ещё продолжали жить за «железным занавесом». Для того, чтобы выехать за границу не в составе организованной туристической группы, а в индивидуальном порядке, необходимо было получить приглашение от принимающей страны. Конечно, я не могла так сразу поверить, что мне вдруг с неба свалится такое приглашение! Но тем не менее, как только Свами Локешварананда вернулся в Калькутту, он прислал мне на бланке Института официальное приглашение.

И вот в конце января 1991 года после рижских баррикад я действительно оказалась в Калькутте, городе огромных контрастов – от трущоб и живущих в картонных коробках прямо на тротуарах улиц прокажённых до роскошных дворцов миллионеров... На присланной за мной в аэропорт машине приезжаем в Институт, и меня отводят в комфортабельный номер гостиничного корпуса, где на столе уже стоит ваза с фруктами и цветы в честь моего приезда. Принимаю душ, переодеваюсь и через двор, отгороженный высоким забором от шумного города, мимо фантастических цветочных клумб иду в сопровождении

переводчицы в сам институт. Здесь, в своем кабинете меня встречает Свами Локешварананда: «Я очень рад видеть Мать-Яблоню у нас в Калькутте!», и дарит мне бронзовую мисочку с выгравированным на доньшке павлином. Это был первый подарок от Свами. Потом таких маленьких, неожиданных, но очень продуманных подарков в течение двух месяцев было много...

В гостиничном корпусе института жили люди разных национальностей из многих стран мира. В отличие от меня, большинство из них приехали не по прямому приглашению директора Института, а по собственному желанию с целью получить в Индии новые духовные знания. Было много американцев, европейцев... Из СССР всего несколько человек, – все они приехали, конечно, по официальному приглашению. Например, Ростислав Борисович Рыбаков, российский индолог, специалист по проблемам истории культуры, межкультурным взаимодействиям, доктор исторических наук, сын академика Б. А. Рыбакова. С ним мы очень скоро подружились. Основной базой во время командировки у Ростислава Борисовича был Институт Культуры в Калькутте, но он много путешествовал и по всей Индии. Одна из таких его поездок была в гости к художнику Святославу Николаевичу Рериху – последнему живому члену легендарной семьи Рерихов, младшему сыну Елены Ивановны и Николая Константиновича. Я набралась смелости и попросила Ростислава Борисовича отвезти Святославу Николаевичу в подарок мою книгу «Не страшно тебе, яблоня, ночью в саду?», потому что в этой книге были цветные вклейки с рисунками и письма Яблоне детей из Мазирбской вспомогательной школы. Когда через неделю Ростислав Борисович вернулся в Калькутту, он привез мне привет от Святослава Николаевича с бесценным подарком – небольшой черно-белой фотографией художника с его автографом на оборотной стороне. Автограф от самого Рериха! Думаю, ты понимаешь, Георг, как я была счастлива...

Когда Ростислав Борисович бывал в Калькутте, он старался познакомить меня с городом и его обитателями. Конечно, все эти наши экскурсии проводились только в свободное от общения со Свами Локешваранандой, монахами и другими преподавателями Института время. Кроме того, для нас Институт часто устраивал поездки по местам, связанным с жизнью Рамакришны, и в эти группы паломников директор всегда обязательно включал Мать-Яблоню. Почти каждый вечер Свами Локешварананда собирал кружок из самых любознательных постояльцев институтской гостиницы в своём кабинете и за чашкой чая шли душевные беседы не только об Учении Рамакришны, но и о жизни его не менее знаменитого ученика Вивекананды, также звучали рассказы Свами о его собственном Учителе... Кстати, тот же Ромен Роллан написал книгу не только о Рамакришне, но и о Вивекананде. Называется она «Жизнь Вивекананды».

Каждое утро начиналось для меня в шесть часов с вежливого стука в дверь монаха-послушника, который приносил свежие фрукты и чашечку крепкого кофе. Завтрак в общей трапезной накрывался в девять утра. До этого у постояльцев было свободное время, и лично я эти часы, как правило, проводила в молельной комнате Института, где при неярком освещении от скрытых в стенах светильников на мягком ковре можно было провести утреннюю медитацию – посидеть перед портретом Рамакришны, послушать музыку, тихонько поприветствовать своих знакомых, если они тоже оказывались в часовне.

Однажды во время вечернего чаепития Свами Локешварананда сказал, что завтра будет большой Праздник – день рождения Рамакришны. Поэтому Институт приглашает всех нас к Рамакришне в гости, то есть в то место, где Учитель общался со своими духовными учениками в храме.

На следующее утро, 18 февраля, в шесть часов из коридора раздался привычный негромкий стук, и я, зная, что это служба принес утренний кофе, небрежно набросила халатик и открыла

дверь. Каково же было мое изумление и одновременно смущение за небрежный туалет, когда рядом с одетым в белую форму послушника мальчиком, я увидела самого Свами Локешварананду в традиционном оранжевом одеянии монашеского ордена! Не заходя в комнату, Директор Института протянул мне через порог красиво упакованный пакет и сказал по-русски, что поздравляет меня с днем рождения Рамакришны! Ну, тут уж я окончательно лишилась дара речи и, забыв, что передо мной стоит не просто уважаемый ученый, но и монах, бросилась ему на шею! Бедный Свами вежливо высвободился из моих объятий и уже по-английски, сопровождая слова поясняющими жестами, сказал, что это подарок Матери-Яблоне от самого Рамакришны. При этом на его лице светилась такая радостная улыбка, как будто подарок получил он, а не я...

Когда гости ушли, я развернула пакет. В нем оказалась бордовая кашемировая паль с вышитой вручную картиной – бело-розовый цветок, напоминающий ветку цветущей яблони.

После завтрака, как и было обещано накануне, для зарубежных гостей Института был подан автобус, в котором нас отвезли в то место в Калькутте, где проходили основные торжества по случаю дня рождения Рамакришны. Вокруг храма были установлены многочисленные тенты от солнца, а под ними столы с традиционным праздничным угощением – в основном индийские сладости, орехи, фрукты и прохладительные напитки. Всё это было абсолютно бесплатно, каждый гость праздника мог подойти к столу и из рук монаха получить порцию угощения. Сами гости в основном были одеты в индийскую национальную одежду – мужчины в легкие брюки и рубашки навыпуск, женщины в праздничные сари. Поверх одежды у всех на шее висели цветочные гирлянды, и такие же гирлянды из крупных оранжевых цветов (похожи на наши бархотки) монахи, в знак уважения к пришедшим на праздник чужестранцам, надели на нас. В разных концах площади играли музыканты и извивались в грациозных

танцах танцовщицы. Несмотря на обилие народа, на празднике не было ни толкотни, ни агрессии – в воздухе царилá благодатная атмосфера радости и любви. Среди гостей праздника ходили нарядные женщины с корзинками в руках и раскидывали в толпу пригоршнями лепестки роз...

Институт Культуры Миссии Рамакришны не является учебным заведением в традиционном смысле слова, то есть при поступлении туда не надо сдавать вступительные экзамены, не надо грызть гранит науки от сессии до сессии, чтобы в конечном итоге получить вожделенный диплом специалиста. Каждый пришедший сюда, получает столько знаний, сколько он способен в себя вместить. Это важно, поскольку там учатся люди разных способностей и разной интеллектуальной подготовки. Лекции читают как местные преподаватели, так и приглашённые со всего света профессора, учёные, художники, писатели... То есть реально идет обмен культурным опытом всей мировой цивилизации. В институте собрана богатейшая библиотека с литературой на всех языках, с просторными читальными залами и книжными хранилищами. Поскольку я там была в 1991 году, ещё до наступления эпохи персональных компьютеров, библиотека произвела на меня грандиозное впечатление! Большие помещения были заставлены шкафами как с тысячами древних фолиантов в кожаных переплетах, так и с недорогими брошюрами в мягких обложках. В читальных залах рядом с седовласыми мудрецами в чалмах сидели за столами девушки в цветастых сари и молодые люди в европейских костюмах. Кроме библиотеки в основном корпусе Института располагались лекционные и концертные залы, помещения для художественных выставок, уютные фойе с диванами и экзотичными растениями в горшках и кадках – подобие зимнего сада где-нибудь в северной Европе.

Но весь этот оазис – Институт Культуры – как яркий пример характерных для Индии контрастов находился внутри периметра из высокого забора, за которым своей шумной жизнью жил

многомиллионный город с трущобами, дворцами, храмами и узкими, застроенными бесчисленными лавочками, улицами, по которым невозмутимо разгуливали тощие священные коровы. О, коровы в Индии действительно священны! Они могут улечься прямо посреди проезжей части дороги, будучи уверенны, что даже самые отчаянные лихачи на огромной скорости сумеют их объехать, не причинив вреда.

И чем чаще я выходила в город, где за мной (европейская женщина!) тут же увязывалась толпа кричащих попрошайек, которых я при всем желании не могла ни накормить, ни одарить подаяниями, тем больше понимала, для чего именно Свами Вивекананда основал в Индии Миссию Рамакришны. Воистину, идея Рамакришны – «религия – не для пустых желудков» монахами этого ордена воплощается в жизнь реальными делами. Вот всего несколько конкретных примеров.

В той же Калькутте, но опять-таки за высоким бетонным забором, действует один из многочисленных ашрамов, на воротах которого висит табличка, уведомляющая, что территория за забором принадлежит Миссии Рамакришны. По звонку на воротах (в них установлен глазок) монах-привратник открывает перед сопровождающим нас сотрудником Института железную калитку, мы переступаем через высокий порог и – сразу попадаем не куда-нибудь, а прямо в рай! Как ни странно, но этот высокий забор гасит даже городской шум. Первые звуки, которые здесь улавливает ухо, – это крики павлинов, разгуливающих по чистым, посыпанным гравием дорожкам и изумрудным газонам с кокосовыми пальмами, благоухающими розовыми кустами, какими-то неизвестными нам экзотическими цветами...

Однако рай раем, но куда же мы все-таки реально попали? Как это место обозначено на карте города? Это школа-интернат для слепых детей – отвечает на вопрос наш сопровождающий. И поясняет: в Индии почему-то рождается много детей с бельмом на глазах, и если они родились в бедной семье, то родители

вынуждены посылать их на улицу просить милостыню. Миссия Рамакришны для таких детей открывает специальные школы, где они обучаются грамоте по азбуке Брайля, и, одновременно, получают духовные знания и музыкальное образование. Как правило, выпускники обучены игре на нескольких инструментах – ударные, флейта, скрипка. Но самое главное, что эти дети в ашраме получают профессию. Здесь, например, их учат ухаживать за коровами. А поскольку в ашраме они попадают в основном из сельской местности, то после окончания школы, когда приходит время возвращаться в родную семью, Миссия Рамакришны дарит выпускнику корову. За каждым бывшим учеником школы в миру присматривает монах, чтобы односельчане эту корову не отобрали и вообще как-либо не обидели инвалида.

Так, за разговором мы незаметно подошли к красивому белому зданию с большими окнами, и тут к крикам павлинов сразу добавились звуки музыки – в музыкальном классе школы шел урок. Нас провели в этот класс. Прямо на полу на чистых циновках в позе лотоса сидели мальчики с музыкальными инструментами в руках. Да, действительно сердце сжалось, когда я увидела на глазах сразу нескольких детей бельмо. Учитель прервал урок. Наш сопровождающий, очевидно, объяснил, кого и зачем привел в школу, и дети сразу приветливо заулыбались, а через минуту слаженно заиграли каждый на своем инструменте какую-то пьесу, и взрослые нам пояснили, что так они приветствуют дорогих гостей. Я спросила, почему в классе нет девочек, и мне ответили, что конкретно эта школа предназначена только для мальчиков, а для девочек такие же школы Миссия имеет в других регионах.

Другой пример реальной деятельности Миссии Рамакришны. Как это ни прискорбно, но ещё и сегодня, в XXI веке, в Индии до конца не искоренено разделение людей по кастам. Самой низшей из них является каста неприкасаемых. Чтобы было понятно, о чём дальше пойдет речь, обратимся к Википедии.

«Неприкасаемые — принятое в русском языке общее наименование ряда каст, занимающих самое низкое место в кастовой иерархии Индии. Неприкасаемые составляют 16—17% населения Индии.

Неприкасаемые не входят в систему четырёх варн. Они считаются способными осквернять членов более высоких каст, особенно брахманов.

По одной из версий, группа каст неприкасаемых возникла в глубокой древности из местных племён, не включённых в общество завоевавших Индию ариев. Неприкасаемым предписывались такие занятия как уборка мусора, работа с кожей или глиной. Члены таких каст жили в отдельных кварталах или посёлках на обочине поселений «чистых» каст, не имели своей земли и большей частью являлись зависимыми работниками в чужих хозяйствах.

Неприкасаемые формально считались индуистами, но им запрещалось входить в индуистские храмы, участвовать в индуистских ритуалах, в связи с чем у них были свои боги, свои жрецы и ритуалы. В XX веке началась борьба неприкасаемых за равноправие. Борьбу с неприкасаемостью активно вёл Ганди. Он стал называть их хариджанами (людьми бога). Борьбу за права неприкасаемых в 1930—40-е годы возглавил Бхимрао Рамджи Амбедкар. Он назвал неприкасаемых далитами (угнетёнными). Ему удалось добиться закрепления ещё в законах колониальной Индии, а затем и в конституции независимой Индии 1950 года системы, по которой за членами каст, занесённых в особый список («списочные касты»), закреплялись квоты вакансий на государственной службе, места в законодательных органах и в высших учебных заведениях. Практика неприкасаемости по конституции запрещена, и дискриминация по кастовому принципу считается уголовным преступлением.

Однако в сельской местности далиты часто становятся жертвами притеснений, насилия и жестокости. По сведениям неправительственной организации «Движение за обучение правам

человека», расположенной в Мадрасе, в среднем каждый час двое далитов подвергаются нападениям, три далитские женщины становятся жертвами насилия, два далита оказываются убиты и два далитских дома сожжены. Например, в июне 2008 года толпа вооружённых погромщиков напала в городе Миапур (штат Бихар) на людей из низших каст и застрелила 35 человек, восемь из которых были далиты».

Так вот, в 1991 году, когда я была в Индии, мне показали новые многоэтажные дома со всеми удобствами (на взгляд европейца, конечно, очень минимальными, но по сравнению с калькуттскими трущобами просто дворцы!), их Миссия Рамакришны построила специально для неприкасаемых. И это при том, что многие монахи Миссии принадлежат к самой высшей касте — брахманов. Конкретно Свами Локешваранада, по рождению, брахман. Но он лично сопровождал нас в гости к новосёлам — неприкасаемым — и не гнушался брать на руки их детей. Надо было видеть лица матерей, чьи младенцы на пару минут оказывались на груди директора Института Культуры! Это было счастье, оплаченное тысячами страданиями изгоев, вдруг принятых на равных в человеческое общество...

Ещё мы побывали в калькутском госпитале, построенном Миссией Рамакришны. И опять: да, конечно, на взгляд чванливого европейца это лечебное заведение выглядит более чем скромно. Но в многочисленных палатах у каждого пациента есть своя чистая кровать и бесплатная еда, не говоря уже о самом медицинском обслуживании, тоже бесплатном. После того, как на улицах я видела живущих в картонных коробках прокажённых — это привычная для Калькутты картина, госпиталь Миссии мне тоже показался клиникой высшего разряда.

А знаешь, Георг, самое удивительное, что те же прокажённые не чувствуют себя глубоко несчастными! Помнишь, у Бунина: «Боже милосердный, для чего Ты / Дал нам страсти, думы и

заботы, / Жажда дела, славы и утех? / Радостны калеки, идиоты, / Прокаженный радостнее всех». Мне этот феномен на одной из вечерних прогулок объяснил все тот же Ростислав Борисович Рыбаков. Мы остановились возле картонного жилища на тротуаре глубокого старика, одетого в лохмотья. Его абсолютно седые волосы, похоже, много лет назад были заплетены в косицу и с тех пор ни разу не расчесывались – прическа была как бы войлочная. Одна нога заканчивалась культей... Ростислав Борисович заговорил со стариком на каком-то индусском наречии, и тот в ответ так широко и приветливо улыбнулся, что я тут же вспомнила те самые стихи Бунина! А Рыбаков спокойно мне пояснил: старик свято верит в два основных закона Вселенной – Закон Кармы и Закон Реинкарнации. То, что в этой жизни его утормозило родиться не в самой благополучной семье, а на старости лет и вовсе оказаться нищим на улице, не означает, что в следующей жизни он не появится на свет во дворце. Свои страдания (на взгляд европейца, это именно страдания!) старик объясняет Законом Кармы – видимо, чего-то в одной из предыдущих жизней он натворил, за что теперь должен расплатиться. Но чем скорее будет оплачен долг, тем лучше будет следующая жизнь!

☛ Georgs: 25 августа 2017 С Днём рождения, Марина! Здоровья, бодрости и новых творческих идей!

☛ Marina: Спасибо. Буду стараться. И только что Учитель сказал нам с тобой на этот день:

*«Мы решаем и посылаем вам в лучах утра Наше Слово.
Не во сне, не в желании,
Но в единении духа, в прозрении Благодати вы идёте, как идёт посланец,
и несёте весть Нашу.
II не судите много, но действуйте.
Не сидите в раздумье, но творите, но находите.
II Я Сам - ваш Помощник.*

Да, да, да.

Я сказал.

Уклонитесь от тех, кто не слышит,

Обойдите тех, кто не видит. Да.

Владейте.»

(Листы сада Морни. Часть первая.)

Индия воистину удивительная страна! Рядом с кастовой нетерпимостью, по сей день неискорененной в тамошнем обществе, мирно сосуществуют две крупные благотворительные организации, относящиеся к двум разным религиям. Я имею в виду всё ту же индуистскую Миссию Рамакришны и католическую общину монашеской конгрегации «Сёстры Миссионерки Любви», основанную Матерью Терезой в 1948 году тоже в Калькутте. На тот момент, когда в 1991 году я оказалась в этом городе, Мать Тереза возглавляла уже всемирно известный Орден Милосердия, миссионеры которого работали в 610 представительствах 123 стран. Естественно, я не могла не попытаться побывать и в калькутских Домах Милосердия Матери Терезы. Свами Локешварананда посоветовал мне обратиться с этим вопросом в местный консульский отдел посольства СССР, поскольку праздных любопытствующих туристов монахини Ордена не особо приветствуют, а мой депутатский мандат может стать дипломатическим пропуском в те места, куда я хочу попасть.

В консульстве всё сразу сложилось наилучшим образом. Сотрудники сами созвонились с администрацией Ордена, мне в сопровождающие был выделен дипломат, и в один прекрасный день мы вдвоём оказались сначала в офисе Ордена, а потом и в тех местах, где работали миссионеры.

Сравнительно недавно в наш лексикон вошло слово «хоспис» – клиника, где обеспечивается достойный уход из жизни неизлечимо больных людей. Ну, а в далёком 1991 году в Калькутте это место называлось Домом для умирающих Миссии Матери Терезы.

Располагался этот дом милосердия в древнем храме богини Кали. Богиня Кали (в переводе с санскрита – «чёрная»), Богиня-мать, символ разрушения. Кали разрушает невежество, поддерживает мировой порядок, благословляет и освобождает тех, кто стремится познать Бога. В Ведах её имя связано с Агни, богом огня. Её обычно изображают многорукой с длинным высунутым языком, украшенной ожерельем из черепов или голов умерших.

В храме мы увидели два зала – в одном лежали женщины, в другом мужчины. Деревянные кровати-топчаны покрыты зелёными простынями и в такого же цвета чистые пижамы одеты пациенты. Я особенно отмечаю, что пижамы были чистые, потому что монахини и волонтеры подбирают этих пациентов зачастую не просто в трущобах, но и, в буквальном смысле слова, из сточных канав. В обоих залах ощущался острый запах хлорки (на дорожную дезинфекцию нет средств), но сказать, что в храме царил антисанитария никак нельзя! Всё познается в сравнении. Не берусь судить, насколько профессионально оказывалась в храме медицинская помощь, но моральную поддержку умирающим обеспечивали не только сами сестры Ордена, но и многочисленные волонтеры, приезжающие сюда со всего света. Помню, как поразила меня молодая американка, лежащая на полу в проходе между двумя кроватями и держащая руку умирающего в своей руке, потому что только так несчастный мог видеть её глаза и слышать слова утешения и любви. Молодые люди европейской внешности в длинных резиновых передниках сновали по залам, разнося еду и вынося за больными горшки. Как мне объяснил переводчик, в основном это были волонтеры из благополучных состоятельных семей, приехавшие за свой счёт на время отпуска или каникул, чтобы реально прикоснуться к милосердию под патронажем Матери Терезы. Да, можно этому удивляться. Кое-кто может быть даже скривит лицо в скептической усмешке, читая эти строки, но помню каким потрясением для меня стало это открытие: в мире

богатых капиталистов, оказывается, тоже живут люди с сердцем, способным к реальному состраданию!

После посещения Дома для умирающих мы поехали в детский приют. Здесь атмосфера была гораздо светлее. Сами помещения практически ничем не отличались от детских яслей в той же Латвии. Небольшие спальни и отдельно игровые комнаты с ковром на полу. Для самых маленьких – заборчики-манежи, в которых полно игрушек. И опять везде волонтеры. Играют с малышами, кормят грудничков из бутылочек молочной смесью, гуляют с детьми постарше в саду... Здесь я узнала, что любая бедная женщина, родившая ребенка и не способная обеспечить ему в силу каких-то обстоятельств нормальные жизненные условия, может анонимно оставить новорожденного на пороге этого дома. Сестры Ордена ребенка сразу подберут. У нас в XXI веке для таких целей созданы бэби-боксы при детских больницах, а в нищей Индии аналог таким боксам я открыла для себя уже в 1991 году в Ордене милосердия Матери Терезы. И ещё я узнала, что в этот Дом Малютки из разных стран мира приезжают не только волонтеры, но и усыновители, желающие взять на воспитание ребенка именно от Матери Терезы. В том случае, когда приёмные родители навсегда увозят ребенка из Индии, сестры Ордена упаковывают малышу сумку с приданым, в которую вложен портрет Матери Терезы, так что, когда человек вырастет, он имеет право узнать, где именно начался его жизненный путь в этом мире.

И ещё раз хочу сказать тебе, Георг, что все в этом мире с нами происходит неслучайно. Ведь тот факт, что в 1991 году я целых два месяца могла беззаботно прожить в Индии, был обусловлен счастливым стечением обстоятельств. В декабре 1990 года в Москве прошел Четвёртый Съезд народных депутатов, на котором, согласно регламенту, несколько членов Верховного Совета по ротации сменялись другими депутатами из тех, что были избраны от каждой республики. И мне повезло! Меня на постоянной работе в Кремле сменил Андрей Эйзанс, так что я

благополучно вернулась в Ригу и была вольна распоряжаться своим временем по собственному усмотрению. Именно в этот момент у меня уже окончательно были оформлены все документы, необходимые для вожаденной поездки в Индию. В статусе рядового депутата теперь мне в Москве надлежало бывать только два раза в году - на Съездах.

Итак, моё двухмесячное пребывание в Индии, согласно выданной визе, завершилось в конце марта, и я вернулась в Ригу.

☛ **Georgs:** Ну, а пока ты была в Индии, мы здесь, в Латвии, жили при двоевластии...

☛ **Marina:** Кто бы сомневался! Лично я парадоксы этого двоевластия ощущала на собственной шкуре, начиная с декабря предыдущего года. Дело в том, что после Четвёртого Съезда народные депутаты СССР в Латвии оказались в непонятном статусе. Избранный в марте 1990 года новый Верховный Совет ЛССР официально отозвал нас из Москвы уже во время проходившего в декабре 1990 года того самого Четвертого съезда. Нам объяснили, что 4 мая 1990 года Верховный Совет Латвии принял Декларацию о независимости, так что в услугах депутатов всесоюзного уровня молодая Республика больше не нуждается. Всё бы хорошо, да мировое сообщество почему-то не спешило признать нашу Декларацию о независимости, не говоря уж о Москве! То есть, если даже считать, что де-юре Латвия с 4 мая 1990 года стала независимой, то де-факто этого пока ну никак ещё не случилось! Как говорится, гладко было на бумаге, да забыли про овраги – в Латвии установилось то самое двоевластие. Например, местная милиция подчинялась Министерству Внутренних дел Латвийской Республики, а Рижский ОМОН (Отряд милиции особого назначения) должен был, согласно присяге, выполнять приказы Министра МВД СССР. Здесь и была зарыта собака противостояния на баррикадах двух ветвей милиции, бывшей

когда-то в Латвии единым целым. То же самое с прокуратурой. После 4 мая в нашей стране параллельно сосуществовали две Прокуратуры – Латвийской ССР и Латвийской Республики. Ну, и так далее, и тому подобное...

Мы, народные депутаты СССР, избранные от Народного фронта, не могли слепо выполнить требование нового Верховного Совета Латвии и полностью сложить свои депутатские полномочия. Потому что наши избранные от Интерфронта депутаты СССР всё равно оставались работать в Кремле и по судьбоносным для Латвии вопросам могли голосовать против интересов Республики. В этом и состояло коренное отличие Латвии от Литвы! В составе литовского депутатского корпуса СССР, еще раз напомним, интерфронтонской фракции просто не было как таковой.

Короче говоря, после возвращения из Индии я не стала искать для себя новую политическую нишу, не озаботилась и тем, чтобы застолбить место под солнцем в новом правительственном аппарате или какой-либо другой властной структуре. Я просто вернулась к своему месту работы по предыдущей жизни – письменному столу, при этом сохраняя готовность вернуться в политику как депутат СССР, если этого потребует экстренная ситуация.

19 августа 1991 года в шесть утра меня разбудил телефонный звонок. Звонил мой Ангел-Хранитель, латышская крестьянка по происхождению и хлебопекарь по профессии Лида Дуршиц: «Включите радио и телевизор!!!».

Вскочила с постели. Включила... По телевизору шёл балет Чайковского «Лебединое озеро». По всесоюзному радио диктор голосом послушного Буратино зачитывал Указ о создании в стране ГКЧП – Государственного Комитета по Чрезвычайному Положению. Диктор сообщил мне, что ГКЧП провозгласил себя органом «для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения», решения которого

общеобязательны для исполнения на всей территории СССР, а также объявил, что Г. Янаев становится и. о. президента СССР «в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Михаилом Горбачёвым своих обязанностей Президента СССР».

Сейчас уже не помню в деталях, какие чувства помимо шока я в тот момент испытала. Было ясно, что сейчас начнутся аресты и расправы со сторонниками независимости Латвии, но я трезво рассудила, что лично меня арестовывать будут не в самую первую очередь. В том, что в списках подлежащих аресту лиц моя фамилия значится непременно, сомнений, конечно, не было. Депутат СССР, избранный от Народного фронта – одного этого «преступления» было уже более чем достаточно! Однако и обольщаться значимостью своей фигуры на сложившемся политическом олимпе было бы манией величия. До меня ГКЧП должен нейтрализовать, как минимум, Правительство и Верховный Совет Латвийской Республики. Значит, у меня ещё есть время и надо распорядиться им с умом...

В первые часы мне почему-то не хотелось бежать в Верховный Совет, полгода назад уже списавший депутатов СССР на свалку истории. Однако чем больше слушала все доступные в эфире радиостанции, тем яснее становилось, что на этот раз всё репается только в Москве, так что это и есть тот самый час X, в который со своим депутатским мандатом я должна ещё раз вернуться в политику. Дошла до троллейбусной остановки у себя в Пурвциемсе и поехала в Старую Ригу, где на улице Екаба в здании Верховного Совета, за ещё неразобранными после баррикад бетонными блоками, заседали депутаты Латвийской Республики. У первого же встретившегося мне в кулуарах депутата Яниса Шкапарса спросила, чем сейчас могут быть полезны Латвии депутаты СССР? Он ответил, что большинство наших депутатов уже с утра побывали на экстренном заседании Верховного Совета, и им дано поручение каждому индивидуально посылать правительственные телеграммы на имя председателя Верховного Совета СССР

Анатолия Лукьянова с требованием немедленно созвать в Кремле Чрезвычайное заседание Верховного Совета. Пока что больше повлиять на ситуацию депутаты СССР ничем не могут. Получив такой ответ, я тут же послушно отправилась на почту и адресовала Лукьянову соответствующую телеграмму. Вернулась домой. Опять включила радио и телевизор...

На экране продолжали танцевать маленькие лебеди, по радио местные латвийские власти призывали народ сохранять спокойствие. Сидеть сложа руки и покорно ждать грядущего ареста становилось уже невыносимо, и я подумала, что мне следует публично обозначить свою позицию в отношении происходящего. Быть может сейчас это прозвучит слишком пафосно, но 19 августа 1991 года я приняла решение достойно попрощаться со своими избирателями. Ещё раз подчеркиваю – себя я не относил к потенциальным расстрельным спискам (не того уровня птица!), но в том, что в места лишения свободы на восток СССР поеду в первом эшелоне тоже не сомневалась.

Ты, конечно, знаешь, Георг, расхожую фразу о том, что история нас ничему не учит. Так вот осмелюсь возразить! Зная, что миллионершу Эмилию Беньямине советская власть арестовала в бальных туфельках, я извлекла из этой истории дельный урок – прежде, чем отправиться на Радио, чтобы осуществить задуманное выступление в эфире, обула удобные кроссовки и собрала полиэтиленовый пакет с предметами первой необходимости и личной гигиены. То есть подготовилась к аресту на тот случай, если выступление по радио ускорит мой арест, и в «воронок» меня посадят прежде, чем я второй раз за сегодняшний день успею вернуться домой.

Очень хорошо помню, что днём 19 августа улицы Риги были практически безлюдны. Народ пребывал в растерянности. Люди, очевидно, ждали каких-то сигналов к началу протестных акций со стороны правительства и Народного фронта... Домская площадь перед зданием Латвийского Радио была тоже

непривычно пуста, хотя в соседнем квартале на Екаба вокруг Верховного Совета люди все же стихийно собрались. Я вошла в вестибюль Радио, предъявила дежурному милиционеру свое депутатское удостоверение и попросила соединить меня с дежурным редактором отдела новостей. По телефонному звонку с милицейского поста в вестибюль спустился журналист Карлис Гринбергс. Выслушав мою просьбу, он сказал, что сейчас мы запишем выступление на пленку, а в четыре часа дня по сетке вещания выходит большой выпуск новостей, так что там в эфир можно будет дать и мою запись.

Конечно, редактор таким образом подстраховывался. Выпускать меня сразу в прямой эфир было бы непростительным легкомыслием – кто знает, что эта Костенецкая может брякнуть?! Писатели ведь народ эмоциональный, а ситуация слишком взрывоопасна... Но я и сама прекрасно понимала, что не имею права призывать народ к каким-то радикальным действиям. Мне просто было важно, чтобы люди услышали – их депутаты не попрятались в кусты, не вывернули шкуру наизнанку. И я сказала в микрофон, что сейчас всё решается в Москве, что москвичи, следуя нашему январскому примеру, уже начали возводить баррикады вокруг Белого дома, что сейчас мы должны мысленно их поддержать, что в России тоже сильны протестные настроения против коммунистов, так что власть ГКЧП продержится не дольше двух месяцев. После записи дождалась обещанного выпуска новостей, убедилась, что моё выступление благополучно вышло в эфир, и только после этого отправилась на бульвар Райниса, чтобы на троллейбусе вернуться домой.

Ни на улице, ни в троллейбусе никому до меня не было дела. Я спокойно доехала до дома, испытав при этом даже некоторое тщеславное разочарование, мол, такую «речь» толкнула, а власть её проигнорировала!

И вот приблизительно через полчаса после того, как я вошла в квартиру, в дверь позвонили. Посмотрела в глазок – на лестничной

площадке стоял мужчина в камуфляжной армейской форме. Делать вид, что меня нет дома, было глупо. Я прекрасно понимала, что если уж за мной пришли, то знают, где именно я сейчас нахожусь. Всей грудью вдохнула напоследок воздух свободы и, не дожидаясь когда в квартиру начнут ломиться, широко распахнула дверь. Картина, открывшаяся моему взору уже не в глазок, а на полную панораму лестничного пространства, вызвала лёгкую оторопь. Передо мной стояли два молодых человека: парень в пятнистой армейской форме и рядом с ним в штатской одежде девушка. Прежде чем я успела что-нибудь сообразить, оба незнакомца взволнованно, перебивая друг друга, заговорили по-латышски: «Мы слышали ваше выступление по радио... Вам сейчас нельзя оставаться дома... Не спрашивайте, где мы узнали ваш адрес... Внизу стоит машина... Мы отвезем вас на хутор, где есть молоко и картошка... Вы ведь сами сказали, что дольше двух месяцев этот режим не продержится...»

Поверь, Георг, эти двое молодых латышей до конца жизни останутся для меня живым символом нации, за которую я готова была погибнуть на баррикадах в январе и отправиться в ГУЛАГ в августе 1991 года.

Я провела своих неожиданных гостей в комнату. С трудом подбирая от волнения слова, сказала, что ТАМ (имела в виду ГУЛАГ) буду помнить эту встречу, что она даст мне силы выдержать любые испытания, но сейчас я никуда не поеду. Просто не имею права подставлять под удар ещё двух жителей Латвии. Их арестуют, как только найдут меня. А в том, что найдут, сомнений, увы, не было! Память услужливо высветила картину из моего недавнего депутатского прошлого, когда на заседании Верховного Совета СССР рассматривался вопрос о начавшемся массовом уклонении призывников стран Балтии от службы в рядах Советской Армии. Депутат от Восточно-Казахстанской области подполковник Николай Петрушенко, друг и соратник нашего соловья от Интерфронта полковника Виктора Алксниса,

размахивая кулаками вопит в микрофон: «Каждого дезертира мы найдём, где бы он ни скрывался! Найдём и в городах, и на хуторах, и в глухом лесу!».

Я прекрасно понимала, что моё выступление на радио в любом случае уже взято на заметку в соответствующих органах, так что слежка установлена. Окажись я в салоне машины, на которой приехали молодые люди, далеко от моего дома она уже не отъедет.

Однако колесо истории неожиданно повернуло вспять, так что до моего ареста, как и вообще до начала массовых арестов народофронтовцев, дело не дошло. Через два дня, 21 августа, путч в Москве провалился, и теперь арестованными оказались уже сами лидеры ГКЧП.

Но с молодыми латышами, приехавшими 19 августа спасать русского писателя Марину Костенецкую, судьба ещё раз свела меня ровно через год. И вот как это случилось.

К годовщине путча у меня взяла интервью газета «Неаткарига Циня» («Neatkarīgā Cīņa»). Естественно, речь в этом интервью шла о том, как я себя чувствовала и что делала в конце августа год назад. Теперь я уже с юмором рассказала журналисту, как испугалась, когда в дверной глазок увидела на своей лестничной клетке мужчину в камуфляжной военной форме. И как удивилась, когда открыла дверь и обнаружила, что это не военный патруль пришел по мою душу, а ровно наоборот – мирные граждане готовы спрятать Костенецкую на хуторе. На следующий день после того, как интервью было напечатано в газете, в дверь моей квартиры позвонили. Открываю. На пороге стоят четыре человека: мужчина, женщина и двое маленьких детей – одному на вид года два-три, другому год-полтора. Пристально всматриваюсь в лица взрослых... где-то я их видела... но где и когда?! И вдруг молодой мужчина с улыбкой говорит: «Извините, что год назад мы так напугали вас этой дурацкой военной формой». Ба!!! Да это ведь мои прошлогодние спасатели!.. Да, я не сразу их узнала, во-первых, потому что на этот раз оба одеты в гражданское, а во-вторых, сегодня эти люди

пришли с детьми... Так получается, что это муж и жена?! И это их дети?! Да, именно так, говорят мне гости, когда все мы наконец оказываемся в комнате. Для меня это очередной шок. Значит, когда год назад молодые люди приехали меня спасать, дома у них оставались двое совсем маленьких детей. Латыши бросились спасать русскую, рискуя, что их собственные дети в одночасье могут остаться без обоих родителей?! «Ну, мы тогда как-то об этом не думали, то есть просто не успели испугаться за себя, потому что испугались за вас», – буднично, как само собой разумеющееся, объясняют супруги. И дальше уже со смехом рассказывают о происхождении той пресловутой военной формы, которая так меня напугала. Дело в том, что в то время были только что выведены советские войска из Афганистана, и шустрые интенданты бросились распродавать со складов оказавшуюся ненужной солдатскую форму. Камуфляжные хлопчатобумажные костюмы по дешёвке можно было купить даже на рижском рынке, и молодой человек приобрёл себе солдатскую робу как рабочую одежду. Год назад 19 августа супруги копали картошку на своём семейном огороде и рядом в борозде, конечно, стоял транзитный радиоприёмник. Ведь с начала январских баррикад люди привыкли без радио из дома не выходить.

Когда они услышали моё выступление, сразу поняли, что Костенецкую надо срочно прятать. У них есть родственники на уединённом хуторе в провинции, где я могла бы переждать месяц-другой, пока все уладится. А ещё у молодого человека в Риге есть крёстная, зубной врач, и он знал, что Костенецкая – пациентка этой самой крёстной. Времени на переодевание не было – в чём копали картошку, в том и вскочили в свой «жигуленок». Поехали сначала к крестной на работу, там из медицинской карточки узнали адрес, оттуда – напрямик ко мне. Я слушала этот незамысловатый рассказ и с трудом сдерживала слёзы. Двое маленьких детей в августе 1992 года пришли в мой дом с васильками в руках. Откуда в конце августа в Латвии васильки? Ведь из этих цветов венки плетут

на Лиго, праздник летнего солнцестояния в июне! Тем не менее они пришли с васильками в конце августа. «Простите, что мы вас так напугали год назад...»

☛ **Georgs:** Это сильно! Потрясающий пример человеческой смелости и порядочности! Они испугались не за своих детей, а за тебя... Как много ты для них значила тогда!

☛ **Marina:** Да, в каждом народе находятся такие люди. Всегда.

Ну, а сейчас в хронике своего XX века возвращаюсь опять на год назад - в август 1991. В ночь на 21 августа на баррикадах в Москве погибли три человека. Об этом я узнала от своего шофёра в аэропорту Шереметьево, когда первым утренним рейсом прилетела в Москву на Чрезвычайное заседание Верховного Совета СССР. Прямо из аэропорта, не заходя в гостиницу, приехала в Кремль. Зал заседаний был заполнен прервавшими летние каникулы депутатами СССР, причем не только членами союзного Верховного Совета, но и теми, кто обычно приезжал в Москву на Съезды только дважды в год. Депутаты стояли в проходах, толпились на предназначенном для прессы балконе... Тем не менее в этом зале практически уже ничего не решалось. Ибо тут же, в Москве, на свое Чрезвычайное заседание собрался и другой Верховный Совет – РСФСР. Президент Союзного парламента Михаил Горбачёв всё ещё оставался в плену в Форосе, а Президент Российской Федерации Борис Ельцин сидел в президиуме заседания Верховного Совета РСФСР. Так что повестка дня Российского парламента была сформулирована без недомолвок, чётко и ясно: политическая ситуация в стране, сложившаяся в результате государственного переворота. Многие союзные депутаты-демократы в 1990 году были избраны уже параллельно и в Российский парламент (например, Анатолий Собчак, Галина Старовойтова, Юрий Афанасьев...), и, конечно, 21 августа все они заседали в Российском Верховном Совете. В

зале же Союзного Верховного Совета демократическое крыло представляли в основном депутаты от национальных республик - уже объявившие о своей независимости страны Балтии, грузины, украинцы... Заседание депутатов СССР в Кремле вёл председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов. Но утром 21 августа было ещё непонятно его личное отношение к ГКЧП. С одной стороны, Лукьянов вроде бы должен быть защитником Горбачёва, они ведь дружны со студенческих лет, а с другой – никаких конкретных мер по освобождению из крымского заточения Президента СССР товарищ Лукьянов за три дня так и не предпринял! О том, что уже в 9 утра, то есть примерно за час до начала заседания Верховного Совета СССР, на совещании у возглавившего ГКЧП Геннадия Янаева было принято решение направить к Горбачёву в Форос делегацию с «повинной» в составе: Лукьянов, Язов, Ивашко и Крючков мы узнали позже. Ну, а на самом заседании Верховного Совета я с любопытством наблюдала за комедией, которую иначе как ярмаркой тщеславия охарактеризовать не могу. И очень известные, и малоизвестные, и совсем неизвестные широкой публике депутаты, отталкивая друг друга, рвались к микрофонам, чтобы предложить свои услуги по вызволению из плена Михаила Горбачёва. В голове у меня крутилась популярная песенка «Выбери меня, выбери меня, птица счастья завтрашнего дня!», а уже к вечеру того же дня Её Высочество История всё расставила по местам.

Обратимся опять-таки к Википедии. «В 14:15 самолётом Ил-62 (бортовой номер 86540) Президента СССР в Крым вылетают некоторые члены ГКЧП (Крючков, Язов, Бакланов и Тизяков) вместе с Лукьяновым и Ивашко для переговоров с Горбачёвым, приземлившись на аэродроме Бельбек в 16:08.

В 16:52 вице-президент РСФСР А. В. Руцкой, премьер-министр И. С. Силаев, Примаков, Бакагин, Дунаев, министр юстиции России Федоров и 36 вооружённых автоматами офицеров милиции вылетают в Форос к Горбачёву, приземлившись в Бельбеке в 19:16

(после неудачной попытки воспрепятствовать посадке со стороны военных).

17:00: На президентскую дачу в Крым прибыла делегация ГКЧП. М. С. Горбачёв отказался её принять и потребовал восстановить связь с внешним миром. В это же время вице-президент Янаев подписал указ, в котором ГКЧП объявлялся распущенным, а все его решения недействительными[.

За Горбачёвым в 9-м часу вечера прибывает делегация РСФСР.

22:00: Генеральный прокурор РСФСР Валентин Степанков выносит постановление об аресте бывших членов ГКЧП.

22 августа в 00.04 Михаил Горбачёв, вылетев из Бельбека в Москву вместе с Рущим, Силаевым и Крючковым на самолёте Аэрофлота Ту-134 (командир воздушного судна Анатолий Суходольский) благополучно приземляется во Внуково-2.

В 00:17 за ним вылетел самолёт Ил-62 Президента СССР с членами ГКЧП на борту. Члены распущенного ГКЧП — Крючков, Язов и Тизяков — после прилёта из Фороса были арестованы.

29 августа Верховный Совет СССР дал согласие на привлечение своего председателя к уголовной ответственности и на его арест».

Но до 29 августа Верховный Совет СССР каждый день продолжает заседать ещё под предводительством Лукьянова, хотя судьбоносные вопросы не только для Российской Федерации, но и для всего СССР в эти дни решаются в Российском парламенте под предводительством председателя Верховного Совета РСФСР Хасбулатова.

Хорошо помню утреннее заседание Верховного Совета СССР 22 августа. Я сидела на своём привычном месте — возле прохода в левом секторе зала рядом с табличкой «Латвийская ССР». Прямо возле меня в проходе был установлен микрофон для общения депутатов с членами президиума, и вот к этому микрофону в ходе заседания вдруг подбежал очень бледный (сразу бросилось в глаза!) Генеральный прокурор РСФСР Валентин Степанков и поднял руку, прося у президиума дать ему слово. Председательствующий

включил требуемый микрофон, и в следующую минуту зал замер в шоке от услышанного: только что у себя в квартире застрелился министр внутренних дел СССР Борис Пуго. Его жену с огнестрельным ранением в тяжёлом состоянии сейчас везут в больницу... Много лет спустя, читая хронику событий тех дней, я узнала, как на трагическое известие в другом зале отреагировал праздновавший свою победу над ГКЧП Верховный Совет РСФСР. На проходившей в это время сессии докладчик прервал выступление, чтобы сообщить о самоубийстве Бориса Пуго. В зале раздались аплодисменты. Присутствовавшие тогда ещё не знали обстоятельств жуткой смерти министра. Многие из них потом пожалеют о своей реакции на известие о самоубийстве главы МВД СССР...

Вообще все эти дни эйфория от победы в Москве перемежалась с реальными воспоминаниями и начавшими уже зарождаться легендами о только что пережитом на баррикадах. Мои знакомые, которые возле стен Белого дома провели самую страшную ночь — с 20-го на 21-ое августа — рассказывали, что люди жгли в кострах свои партбилеты и принимали крещение, чтобы в случае гибели уйти на небеса в единении с Богом. Обряд крещения тут же, на баррикадах, совершал опальный православный священник и народный депутат СССР Глеб Якунин. А 24-го августа Москва прощалась с погибшими в ту ночь защитниками баррикад — Дмитрием Комарем, Владимиром Усовым и Ильей Кричевским.

И так уж получилось, что день похорон совпал с днём, когда Президент Российской Федерации Борис Ельцин подписал в Белом доме Указ о признании государственной независимости Латвийской Республики. В моем личном архиве хранится ксерокопия этого Указа, которую я могу сейчас процитировать:

«1. В связи с решением Верховного Совета Латвийской Республики об объявлении государственной независимости признать государственную независимость Латвийской Республики.

2. Министерству иностранных дел РСФСР провести соответствующие переговоры и подписать соглашение об установлении дипломатических отношений между РСФСР и Латвийской Республикой.

3. Призвать Президента СССР признать государственную независимость Латвийской Республики и провести переговоры для урегулирования межгосударственных отношений между СССР и Латвийской Республикой.

4. Призвать международное сообщество признать государственную независимость Латвийской Республики.

Президент РСФСР (подпись) Б. Ельцин

Москва, Кремль

24 августа 1991 года»

Как только в Латвии стало известно о предполагаемой дате подписания Указа, в Москву за получением исторического документа вылетела делегация от Верховного Совета и Правительства Республики. Поскольку в тот же день проходили похороны погибших героев московских баррикад, члены делегации везли с собой и траурный венок. Но, по иронии судьбы, венок затерялся в аэропорту Шереметьево, и спешившие на встречу с Ельциным делегаты не стали дожидаться, пока грузчики отыщут его в завалах багажа – напрямик помчались в Латвийское Представительство на улицу Чапыгина.

Постоянным представителем ЛССР в Москве тогда был Янис Петерс, но в тот день Ельцин на встрече полупутя, полувсерьёз сменил этот статус на дипломатический, назвав Петерса уже не представителем, а послом Латвийской Республики. Заместителем у Петерса был народный депутат СССР Андрей Эйзанс, и именно он позвонил мне с улицы Чапыгина в гостиницу «Москва» и сказал, что уполномочен представлять Латвию на похоронах, поскольку Петерс со всеми прилетевшими из Риги депутатами отправляется на исторический прием к Ельцину. Эйзанс спросил, не хочу ли я составить ему компанию? Я ответила, что и сама

собиралась идти на похороны, уже и цветы купила, так что пойдем, конечно, вместе.

На похоронах четко проявилось политическое противостояние победившего путчистов Президента России Бориса Ельцина и вызванного с его помощью из-под домашнего ареста в Крыму Президента СССР Михаила Горбачёва. Три красных гроба были установлены на Манежной площади, прямо под окнами гостиницы «Москва», и здесь с защитниками баррикад на траурном митинге было предусмотрено прощание Президента СССР Горбачёва. Далее, по утверждённому в верхах сценарию, похоронная процессия должна была шествовать на Ваганьковское кладбище мимо Белого дома, и там свою прощальную речь должен был произнести Президент РСФСР Ельцин. Часть Манежной площади, на которой стояли гробы и была сооружена трибуна для выступающих, от огромной толпы народа, запрудившей прилегающие улицы, отделили металлическим ограждением. Внутри этого ограждения наряды милиции пропускали по спискам только членов официальных делегаций.

Мы с Эйзансом встретились у входа в гостиницу, и я очень удивилась, увидев своего коллегу без венка, всего лишь с букетом цветов в руках. Неужели Латвия не прислала на похороны официальный венок?! Эйзанс со вздохом мне объяснил, что венок пока застрял в Шереметьево, но когда его довезут до улицы Чапыгина, обязательно возложат на могилы героев – всё предусмотрено. Ну, что ж... Без венка, так без венка.

По депутатским удостоверениям мы прошли за металлическое ограждение, и тут я вдруг почувствовала, что от стыда готова провалиться сквозь землю. Делегацию от Литвы представляла группа депутатов с траурным флагом своей Республики и огромным венком с официальной лентой. То же самое мы увидели и у делегации Эстонии, Грузии, Украины... В массе венков и знамён от других республик мы поспешили незаметно ступешаться, и когда после окончания митинга официальная

траурная процессия вышла из заграждения и слилась с народными массами, пристроились в самом конце делегаций.

К Белому дому мы с Эйзансом шли за гробами уже в толпе рядовых москвичей, ничем не отличаясь от тысяч провожающих своих соотечественников граждан России. Между собой говорили по-латышски. Заслышав незнакомую речь, к нам подходили москвичи и с любопытством спрашивали: «Вы из Литвы?» Нет, мы из Латвии...

Латвия?! И Боже мой, как мгновенно преображались от нашего ответа лица людей! Это были лица друзей и единомышленников. Нам крепко пожимали руки и с восторгом просили: «Передайте спасибо Латвии, что научила строить баррикады! Без вашего январского опыта мы бы не победили!»

Да, 24 августа 1991 года по улицам Москвы шла другая Россия. Не вчерашняя советская и не сегодняшняя путинская. На какой-то краткий исторический миг в ступившихся в XX веке над моей этнической родиной тучах образовался просвет — люди вдруг ощутили себя свободными. И в этот краткий миг большая Россия сумела сказать маленькой Латвии спасибо...

Венок от Латвийской Республики был доставлен на Ваганьковское кладбище уже после похорон. Не сомневаюсь, что в огромной траурной толпе мы с Эйзансом были далеко не единственными представителями Латвии, но всё же официальный венок от нашей Республики по улицам Москвы в тот день так и не был пронесён.

И вот ещё одно странное совпадение в моей жизни. Помнишь, Георг, я писала тебе, что когда собиралась в Москву на Первый Съезд народных депутатов, поехала к своим избирателям поблагодарить их за оказанное доверие, и декан Аглонской базилики Петерис Онцкулис благословил меня на работу в Кремле перед чудотворной иконой Пресвятой Богородицы? Помнишь, он дал мне три свечи со словами, чтобы я зажгла их в важный для Латвии момент? Он дал мне именно три свечи (а не две и не

четыре), и два года они просто лежали в гостинице «Москва» в ящике письменного стола, закреплённого за мной постоянного номера. В то утро, собираясь на похороны, я вдруг вспомнила об этих свечах и на всякий случай положила их в сумку — может быть, на могилах удастся зажечь? Ведь свечей три, и погибших на баррикадах москвичей тоже трое.

И вот мы с Эйзансом медленно движемся по улицам Москвы в траурном шествии, и когда колонна приближается к Белому дому, вдруг видим на асфальте просто море зажжённых свечей! Самых разных! И церковных, и хозяйственных, и елочных, и декоративных... Оказывается, это место над тем самым туннелем над Садовым Кольцом, где в ночь на 21 августа погибли Дмитрий Комарь, Владимир Усов и Илья Кричевский.

«Зажгите эти свечи в важный для Латвии момент»... Я зажгла их в Москве над туннелем Садового Кольца 24 августа 1991 года. В день, когда Президент России Борис Ельцин подписал Указ о признании государственной независимости Латвийской Республики.

РЕЗЮМЕ:

• Georgs: После того, как век прожит, исчерпан, и почти осмыслен, хочется сделать какие-то выводы в отношении его. Первый вопрос, чему нас научил этот такой противоречивый, такой кровавый, временами гениальный и яркий, временами бездарный, временами совсем пошлый век?

• Marina: Ну, прежде всего, он возвратил нас к Истокам. Очень быстро по меркам истории стало понятно, что без принятия Бога (в любой религии), человечество зайдет в тупик. В то же время религию следует отделять от обслуживающего её персонала – всех видов и рангов циничных церковных чиновников. Да, конечно, и сегодня в церкви можно встретить высоко морального и духовно просветлённого священника. Но, увы, это скорее исключение, чем норма. Очень хорошо в XX веке сказал об этом в романе «Таис Афинская» писатель-фантаст Иван Ефремов: «Вера становится религией только тогда, когда сплетается с правилами жизни, оценкой поступков, мудростью поведения, взглядом, устремлённым в будущее. Только в начале своего возникновения любая религия живёт и властвует над людьми, включая самых умных и сильных. Потом вместо веры происходит толкование, вместо праведной жизни – обряды, и всё кончается лицемерием жрецов в их борьбе за сытую и почётную жизнь».

Сегодня на нашей планете существует несколько мировых религий и множество их ответвлений и просто сект, в которых

люди ищут ответы на главные вопросы бытия: кто мы, откуда и зачем пришли в этот мир, куда из него уйдём? В XX веке помимо общепризнанных религий нестандартные ответы на эти вопросы стало давать такое новое течение человеческой мысли как Космогония. В «Тайной доктрине» Е. Блаватская обозначила это как синтез науки, религии и философии. Сама Блаватская жила и писала в XIX веке, но ее «Тайная доктрина» стала настольной книгой Альберта Эйнштейна уже в XX веке. И здесь я хочу вспомнить письмо Альберта Эйнштейна дочери, которое сам же ты, Георг, и прислал мне недавно:

«Когда я предложил Теорию Относительности, очень немногие понимали меня, и то, что я открою тебе сейчас для передачи человечеству, тоже будет сталкиваться с непониманием и предрассудками в мире. Я прошу тебя сохранить письмо так долго, как это необходимо – года, десятилетия, пока общество не будет достаточно развито, чтобы принять то, что я объясню ниже. Существует очень мощная Сила, которой до сих пор наука не нашла официального объяснения. Эта Сила включает в себя и управляет всеми остальными явлениями, работающими во Вселенной. Эта Вселенская Сила – ЛЮБОВЬ. Когда ученые искали единую теорию Вселенной, они забыли самую мощную невидимую силу. Любовь есть Свет, который просвещает тех, кто дает и получает его. Любовь – это притяжение, потому что это заставляет некоторых людей чувствовать влечение к другим. Любовь – это сила, потому что она умножает лучшее, что в нас есть, что мы есть, и позволяет человечеству не быть погружённым в слепой эгоизм. Для Любви мы живём и умираем. Любовь есть Бог, и Бог есть Любовь. Эта сила всё объясняет и дает смысл жизни. Это переменная, которую мы игнорировали слишком долго, может быть, потому, что мы боимся Любви. Чтобы понять Любовь, я сделал простой замен в своём самом известном уравнении. Если вместо $E=mc^2$, мы признаем, что энергия для исцеления мира может быть получена через любовь,

умноженную на скорость света в квадрате, мы приходим к выводу, что Любовь является самой мощной силой, потому что не имеет пределов. Только через Любовь мы можем найти смысл в жизни, сохранить мир и каждое разумное или чувствующее существо, помочь нашей цивилизации выжить. Возможно, мы ещё не готовы, чтобы создать «бомбу любви» – достаточно мощное устройство, чтобы полностью уничтожить ненависть, эгоизм и жадность, всё то, что опустошает планету. Тем не менее, каждый отдельный индивидуум несёт в себе небольшой, но мощный генератор Любви, энергия которого ждёт своего освобождения. Когда мы учимся давать и получать эту энергию универсума, дорогая Lieserl, мы подтверждаем, что Любовь побеждает всё, и способна преодолеть всё, потому что Любовь – это квинтэссенция жизни...»

Этот текст написал не религиозный фанатик, а вполне трезвомыслящий учёный с мировым именем. Но именно Любви учат изначально и все религии! Ведь само слово «религия» переводится как «связь». Связь земного с надземным. И в XX веке здесь на помощь религиям пришло новое научное направление – Космизм. В разных регионах планеты на разных языках в XX веке человечеству были даны новые знания, не отрицающие, но по-новому освещающие религиозные догмы, данные тысячелетия назад на каменных скрижалях. Русский Космизм пришёл в мир через Рерихов в виде Учения Живой Этики. Эти 14 книг сейчас переведены на многие языки мира, но пришло Учение из Индии именно на русском языке. Это ни в коем случае не новая религия, но именно синтез науки, религии и философии. Впрочем, о Живой Этике мы достаточно много рассуждали с тобой и на страницах этой книги, так что те, кого это заинтересует, может обратиться к первоисточнику – самой Живой Этике. Второе, чему XX век пытался нас научить в очередной раз... Почему в очередной? Да потому, что практически в каждом веке человечество наступает на одни и те же грабли – «Что ни век, то век железный» (А. Кутшнер). То есть, сколько бы ни существовало

всевозможных репрессивных структур, стоящих вроде бы на страже государственных интересов, воспрепятствовать ходу истории они не способны. Уж как превозносился высокий профессиональный уровень 3-го жандармского отделения царской России, но где же та империя?! Как писал Розанов – «...Россию слизало в два дня».

Никакие СС и Абверы не спасли Третий Германский рейх от разгрома. Чернорубашечники не спасли Муссолини и его подруку от повешения, а созданную им Итальянскую империю – от полного развала. Румынская Секьюритате не спасла чету Милошевича от расстрела. Никакие ВЧК-КГБ не спасли от развала СССР. Хунвейбины не построили новый Китай, а лишь на двадцать лет замедлили темпы его развития. Судьба некогда всемогущих Каддафи, Хусейна не менее печальна, и списки эти можно продолжить. Ибо всякая силовая «контора» работает прежде всего на самое себя, а судьба народа, страны её практически не интересуют. Хотя идеологическая упаковка репрессивной политики, как правило, выглядит с точностью до наоборот – всё для светлого будущего, всё для народа! А в то же время в СССР все руководители ВЧК были расстреляны. Все – и Ягода, и Ежов, и Абакумов, и Берия, и (говорят) Андропов. А уж они ли не были преданнейшими защитниками режима! Тьма пожирает тьму – это закон Космоса. С другой стороны Махатма Ганди своим учением непротivления злу насилием и полной бескорыстностью смог победить английское колониальное владычество в многомиллионной Индии. Вот тебе яркое доказательство ещё одного Вселенского Закона: зло побеждается только Любовью. Но, согласно Эйнштейну, этот Закон всё человечество пока ещё принять не способно.

И всё же, всё же... Я очень верю в возрождение России в будущем. И не только потому, что это возрождение все ясновидящие планеты (от русской Елены Рерих до американца Эдгара Кейси) однозначно предсказали по космическим скрижалям, но и потому, что не сомневаюсь в грядущем покаянии России за все совершенные в XX веке ошибки и преступления.

Ведь первые ростки такого покаяния уже пробились на свет! В 90-ые годы я имела счастье быть лично знакомой с такой знаковой в СССР политической фигурой, как бывший секретарь ЦК КПСС по идеологии Александр Николаевич Яковлев. Камни в его адрес сейчас бросают все, кому не лень! А между тем, кто из пылающих «праведным гневом» разоблачителей помнит сегодня, что Александр Яковлев (далее цитирую Википедию):

«В ноябре 1972 года опубликовал в «Литературной газете» свою знаменитую статью «Против антиисторизма», в которой выступил против национализма (в том числе в литературных журналах). Статья обострила и так существующие противоречия в среде интеллигенции: между «западниками» и «почвенниками». В связи с критикой статьи со стороны М. А. Шолохова и после соответствующего обсуждения вопроса на Секретариате и в Политбюро ЦК, в 1973 году Яковлев был отстранён от работы в партийном аппарате и направлен послом в Канаду, где пробыл 10 лет. В годы пребывания в Канаде сдружился с премьер-министром страны Пьером Трюдо. Трюдо назвал своих сыновей русскими именами – Миша и Саша – в знак любви к русской культуре.

В 1983 году член Политбюро ЦК КПСС секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачёв посетил Канаду, возобновил знакомство с Яковлевым, а затем настоял на его возвращении в Москву.

В 1986 Яковлев стал членом ЦК КПСС, секретарём ЦК, курирующим вопросы идеологии, информации и культуры, на июньском (1987 года) пленуме – членом Политбюро, в 1989 – народным депутатом СССР.

15 августа 1991 г. Центральная Контрольная комиссия КПСС рекомендовала исключить Яковлева из рядов КПСС за выступления и действия, направленные на раскол партии. 16 августа 1991 г. Яковлев заявил о выходе из рядов партии.

О том, какую роль А.Н. Яковлев сыграл в восстановлении независимости Балтийских республик, я уже упоминала. А сейчас хочу сослаться на автобиографическую книгу самого Александра

Николаевича «Сумерки». Книга вышла в свет в 2003 году, а в 2005 не стало уже и самого Яковлева, так что «Сумерки» можно рассматривать как своего рода политическое завещание. Так вот в предисловии к «Сумеркам» Александр Николаевич пишет:

«Исповедь – тяжкое дело, если говорить и писать правду. И неблагоприятное. Особенно, когда пишешь о бедах России и её народов с чувством любви и душевной тревоги за будущее детей твоей страны, о России, необъяснимо странной, вековечно страдающей, мучительно мятущейся, ищущей хотя бы кусочек счастья и справедливости.

Земной мой путь завершается, а потому лукавые игры с историей и зигзагами собственной жизни мне ни к чему.

Только вот не знаю, как успокоить душу свою».

• [Georgs](#): О, да, «Сумерки» Александра Николаевича – грандиозная книга. Обязательное чтение всем, кто хочет знать новейшую историю России. Вообще Яковлев, Юрий Афанасьев – их труды такие капитальные! Такие аргументированные!

Итак, четверть века независимости прожиты. Что тебе не нравится в современной Латвии? Что беспокоит?

• [Marina](#): Как писал Эдвард Радзинский ещё в 1995 году – «Поле битвы после победы принадлежит мародёрам». И это, к сожалению, так. И не только в Латвии. Если мы возьмём все союзные республики бывшего Советского Союза, изменения произошли примерно одинаковые – к власти пришло новое более молодое поколение. Кем были эти люди? Это были комсомольцы 80-х, прагматичные, без особых этических и моральных тормозов, они стали строить новые государства, внешне напоминающие старые демократии, но ничего общего с ними не имеющие. По сути – это всё были советские люди в классическом понимании этого слова. Т.е. для них личный комфорт в самом примитивном понимании по-прежнему оставался выше интересов страны

и народа. Более того, сам народ стал источником их доходов. Началось фантастическое социальное расслоение общества. Я помню пережитый шок, когда Глава банка Латвии определил себе зарплату в 6000 латов. На фоне того, что получали в то время врачи, учителя да и учёные в научных институтах, это была просто запредельная, космическая сумма! Вот уж действительно, как говорится, когда мама не сказала... Но общество безропотно проглотило эту пилюлю. Как потом безропотно соглашалось и с другими решениями Сейма и Кабинета министров. Наши с тобой бывшие коллеги и знакомые вдруг оделись в смокинги, сели в мерседесы и стали изображать из себя аристократов, принцев крови, новую элиту. Но ведь изображать ещё не значит быть! Аристократом ты станешь, когда изживешь из себя холопскую мораль – из грязи в князи – и вместо того, чтобы кичиться незаслуженным богатством, подумаешь о том, для чего это богатство на твою голову вдруг свалилось... Вот цитата того времени из интервью газете «ЧАС» политика, депутата Сейма Илзе Крейтусе: «Напомню только одну деталь: все эти годы, пока Эйнарс Репше был руководителем Банка Латвии, то есть одним из высших должностных лиц страны, ему было позволено самому себе назначать зарплату! И Репше, глазом не моргнув, определил себе зарплату в 6000 латов и еще премию в 6000 латов. Но объясните мне, как руководитель государственного учреждения может сам назначать себе зарплату? Почему такое же право не даётся, например, директору школы? Этим примером я хочу подчеркнуть только одно: была создана экономическая база для того, чтобы Репше мог делать то, что он хочет. И такую зарплату Репше назначил себе в то время, когда пенсия в Латвии составляла всего 15 латов! И когда мы в Сейме спросили президента Банка Латвии Эйнарса Репше об этом, он так же, как и сейчас, назвал это очернением и разглашением секретной информации».

Т.е. подобные примеры мы видим не только в Латвии, но и в России, и во многих других постсоветских республиках. Самое интересное, что «агрессивно-послушное большинство»

(гениальное определение Юрия Афанасьева!) молча соглашается с таким положением дел. Ещё раз приходится повторять расхожую фразу: можно вытащить парня из Кемерово, но невозможно вытащить Кемерово из парня.

☛ *Georgs*: А эстонцы как-то выкрутились в аналогичной ситуации. Мы же имеем очередной «совок» – недальновидное, коррумпированное, мстительное и совсем не христианское (читай: не европейское) государство. Скажешь, нет? Спроси об этом у врачей, учителей, у крестьян, у среднего и мелкого бизнеса, у всех, кто работает, у всех, кто составляет соль земли любой нации. Кто-то из политиков ещё в 90-ые сказал – «Латвия будет принадлежать десяти семьям». И таки Да. А остальным куда податься? В Ирландию? «Лучшими намерениями» мы вымостили эту дорогу сама знаешь, куда. Мы с Россией в этом плане идём ноздря в ноздю.

☛ *Marina*: Эстонцы оказались мудрее и прагматичнее латышей. Тут несколько моментов. Во-первых, благодаря Президенту Тоомасу Ильвесу, эстонцы закрыли путь в управление государством бывшим комсомольцам, чекистам и партноменклатуре. Они сделали цивилизационный прорыв, чтобы, как Моисею, не водить еврейский народ по пустыне сорок лет, пока вырастут новые поколения, не знавшие, не имевшие опыта египетского рабства. Мы же проделали это только частично (запретили баллотироваться в выборные органы власти бывшим сотрудникам КГБ), а для бывшей партноменклатуры оставили открытыми все двери! Поэтому сегодня имеем то, что имеем. Это один аспект, отличающий Эстонию от Латвии. А другой, куда более существенный, касается отношения национальной элиты к нацменьшинствам, проживающим на территории стран, обретших в конце XX века независимость от советской метрополии. Ведь что греха таить, эстонцы так же, как и латыши, мягко говоря, недолголюбивают

русских. И те, и другие ввели в своих странах такое политическое новшество как «паспорт негражданина». Но эстонцы просчитали возможное поведение неграждан на несколько шагов вперед и сразу пошли на некоторые уступки этой категории своих жителей. Например, разрешили участвовать в муниципальных выборах, более гибко и обдуманно стали проводить реформу по переводу школ нацменьшинств на государственный язык обучения, ну, и т.д., и т.п. В Латвии же вся дальнейшая политика в отношении неграждан была сформулирована национал-радикалом Юрисом Добелисом в одной фразе: «Нам не надо, чтобы вы знали латышский язык. Нам надо, чтобы вы знали свое место». И это было сказано априори сразу всем русскоязычным! И тем, кто с пеной у рта защищал советскую власть в Интерфронте, и тем, кто на стороне Народного фронта плечом к плечу с латышами стоял на баррикадах. За примером ходить недалеко.

Ты сам, Георг, вспоминаешь Александра Демченко, оператора из киногруппы Юриса Подниекса. Демченко, рискуя жизнью, снимал в ночь на 13 января 1991 года кадры штурма советской армией телевизионной башни в Вильнюсе. Ну, а после восстановления независимости Латвия отказалась предоставить ему гражданство. Имеет он право обидеться на новую власть? Думаю, что более чем... Да, конечно, сегодня спекуляция вокруг баррикад со стороны тех русских, которые в лучшем случае просто отсиделись в те ночи дома у телевизоров, накручивается без стыда и совести! Мы, мол, все были на баррикадах, а латыши не дали нам гражданства. Нет, дорогие товарищи, не все вы там были! Другое дело, что существуют факты, которые неопровержимо подтверждают: да, действительно после восстановления независимости новые власти предали лояльных Латвии русских. Я имею в виду возникшие на волне Атмоды Гражданские Комитеты. Эта общественная организация занялась составлением списков потенциальных граждан будущей независимой Латвии. Меня и по сей день гложут сомнения, не была ли вся эта затея

со списками провокацией КГБ? Ведь тот, кто изъявит желание стать гражданином нового государства, тем самым тут же попадет и в поле зрения органов как противник советского режима! Но как бы то ни было, уже в декабре 1989 года в пунктах регистрации Гражданских Комитетов в списках числилось более семисот тысяч человек, добровольно прошедших регистрацию. Гражданство по этим спискам было обещано каждому написавшему заявление, независимо от того, был ли человек гражданином Первой Латвийской Республики, является ли прямым потомком тех граждан или приехал в Латвию уже после установления советской власти, то есть после 1940 года. Так вот, из этих семисот тысяч пожелавших стать гражданами будущей Латвийской Республики, тридцать тысяч человек действительно приехали в Латвию только после 1940 года. Ну, а когда независимость была реально восстановлена, и Верховный Совет ЛР принял Закон о гражданстве, выданные Гражданскими Комитетами в ЛССР удостоверения были просто-напросто аннулированы. Людям, которые с большим риском для себя и своих семей шли регистрироваться в граждане в 1989 году (советская власть ещё и не думала сдаваться!), сказали, что гражданство им просто не полагается... Институт натурализации в Латвии возник лишь несколько лет спустя. Но теперь, однажды преданные властью, люди уже не спешили идти сдавать экзамены для получения гражданства. Ещё раз напомним – десять библейских заповедей в XX веке никто не отменял! Ложь порождает не только обиду, но и возбуждает в обманутом человеке самые низменные чувства, нередко, увы, и жажду отомстить за пережитое унижение. Так что раскол общества по национальному признаку стал одним из краеугольных камней всех негативных процессов, которые мы сегодня в Латвии наблюдаем.

Но мне всё же хочется попроситься в этой книге со своим XX веком знаковым для моей жизни событием из 1999 года. Дело в том, что, будучи Народным депутатом СССР, я вступила в ставшую потом легендарной Межрегиональную депутатскую группу. Это была

легальная оппозиция в советском Парламенте другой политической силе — группе Союз, яростно ратовавшей за сохранение советского режима. Сопредседателями нашей Межрегиональной депутатской группы стали пять человек: Б. Н. Ельцин, Ю. Н. Афанасьев, Г. Х. Попов, В. А. Пальм, А. Д. Сахаров, секретарем — А. Н. Мурашев. После смерти А. Д. Сахарова сопредседателем стал А. Н. Мурашев.

И вот в 1999 году, давно уже живя в независимом государстве Латвия, я вдруг получаю от А. Н. Мурашева письмо, в котором он пишет мне, что в связи с десятилетним юбилеем создания Межрегиональной депутатской группы, москвичи, члены этой группы, решили созвать на неформальную встречу бывших однокашников. Приезжайте! Конечно, на следующий же день я отправилась в Российское посольство оформлять визу.

• Georges: Извини, Марина, но я опять лезу со своими комментариями... Сегодня-то мы знаем, что любые революции совершают элиты. Народ, в любом случае, остаётся лишь «массовкой», которую организуют, науськивают, как хошь назови, — интеллектуальные зачинщики. Конечно, «элиты» бывают разные. Декабристы — это дворянская, военная элита со своими принципами, своим кодексом чести, а уже большевики — это совсем другой тип, но всё же «элита», — знали по три-четыре языка, писали статьи, изучали философию. Но уж больно разношёрстное собрание «умов, ни в чём не твёрдых». Эти люди для достижения своих целей не брезговали ничем: ни прямым предательством интересов России, ни связями с криминалом и фактически построения государственной машины на тотальном насилии и лжи. Они были циники, а с цинизмом построить государство невозможно, его можно разрушить. Они, со всеми ГУЛАГаами, вернули страну в рабовладельческий строй. Представь, какой исторический откат! Паспорта колхозникам знаешь когда отдали? Правильно, в 56-м. После смерти усатого. А всё остальное — бла-бла-бла советской пропаганды... «По делам твоим судить буду», — сказано в Писании.

Т.е. если убрать всю словесную шелуху, то остаются голые факты и цифры. Так вот, новые советские элиты, их лучшие представители, прекрасно видели пропасть, к которой несётся экономика СССР. Кроме того, если мы возьмём третье поколение советской элиты, комсомольцев, рождения года так 50-54, то весь этот «советский шик» им надоел до тошноты. Они уже ездили по заграницам, всё видели и всё поняли, а когда вернулись, им опять предложили «советский» набор: машину «Волга» или «Жигули» (в экспортном исполнении — ха-ха!) югославские ботинки, румынскую мебель и растворимый кофе BON или Nescafe. Это их начинало раздражать.

Мне недавно довелось побывать в бывшем санатории ЦК КПСС «8 люксов» в Юрмале. Поразился казённому убожеству внутреннего убранства — в Западной Европе тюрьмы уютнее. Как писал когда-то диссидент, писатель Андрей Синявский, «... мои расхождения с советской властью были чисто стилистические». Поэтому я не сомневаюсь, что и Александр Яковлев, и Егор Гайдар, и Юрий Афанасьев, и генерал-майор Эдуард Шеварднадзе — все «отцы» перестройки были, несомненно, связаны с КГБ. А Горбачёв уж само собой... Ну, представь, например, Яковлева — он десять лет был послом в Канаде. Все дипломаты связаны со спецслужбами. Это норма. И все ЦК-овские секретари и райкомовские боссы, и руководители СМИ — все поголовно были в теснейших отношениях с органами. Значит, и в их среде сложилось мнение, что надо что-то менять в государстве. Менять, пока само не рухнуло. Отсюда горбачёвская «Перестройка» и «Гласность». Количество лжи на тот момент уже зашкаливало и грозило полному перерождению государства. Я ж работал семь лет на радио и знал, как обстояло, например, дело в рыбной промышленности. Когда судам засчитывали количество выловленной рыбы, а судов-рефрижераторов для переработки не хватало, улов выбрасывали обратно в море. Тысячи тонн рыбы. Зато рыбаки получали премии за перевыполнение плана. Но ведь

работяги – нормальные мужики, их тошнило от всего этого?!

Или мой отец – он работал с 16 лет на заводе и рассказывал, как новые импортные станки, не распаковывая, прямо в масле, отправляли в металлолом, чтобы выполнить план по сдаче лома. А не исполнишь – директору выговор или того хуже. То же и в армии, и в колхозах, и в науке – везде, во всех составляющих советской жизни – сплошная показуха. И таких рассказов к 60-м уже набралось у народа по горло. Так что эти ребята в высших эшелонах партии и КГБ решили сменить воду в аквариуме. Там, в элитах, произошёл конфликт между «прогрессистами» и старой номенклатурой, а потом уже народец подтянули. Мы ж с тобой всё это проходили у того же Ильича! Историю КПСС как раз с первого курса начинали читать во всех без исключения вузах. Хоть врачам, хоть балеринам – без разницы. Так вот, из Ленина: «Для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как прежде. Для неё требуется ещё, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде». Вот где собака порылась...

Извини, что я так длинно на этот раз, просто уверен, что без «элит» ничего б не случилось. Поэтому, по свидетельству Яниса Петерса, профессор Маврик Вульфсон вечером перед своим знаменитым выступлением на пленуме творческой интеллигенции, где он впервые рассказал о Пакте Молотова-Риббентропа, встречался с Николаем Нейландом. Ну, а Нейланд, разумеется, принадлежал к *Crème de la Crème* этой самой элиты. Выпускник Дипломатической школы в Москве, он возглавлял АПН в Стокгольме, руководил шведской редакцией Латвийского радио. Как говорится, слова молчат. Ну, ты ж знаешь сама, вы сидели почти рядом на съезде в Кремле.

☛ **Marina:** Да, во многом ты прав. Нейланд, очень интеллигентный и здравомыслящий, в нашем депутатском корпусе представлял фракцию Народного фронта. Поэтому я с интересом читаю всплывающие нынче разоблачения недавних героев Атмоды

«праведниками» новейшей истории. Например, выпущенный издательством «Atēna» трёхтомник «Mūsu vēsture: 1985 – 2005». («Наша история: 1985 – 2005»), в котором о тех, кто реально возглавил движение за восстановление независимости Латвии, брезгливо вытирают ноги новоиспеченные историки. Оказывается, очень легко пригвоздить к столбу позора всех и вся – мол, мы, пишущие историю Латвии времен Атмоды, ОБЪЕКТИВНЫ И ЗНАЕМ ВСЮ ПОДНОГОТНУЮ О ТЕХ, КТО БОРОЛСЯ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ. Да, конечно, секретарь ЦК Латвии по идеологии Анатолий Горбунов политическую ориентацию поменял вовремя. Но, с другой стороны, и критикующий Горбунова в своих мемуарах лидер Народного фронта Дайнис Иванс в застойные времена СССР тоже был далеко не диссидентом, его прочувствованный некролог на смерть Брежнева тоже может когда-нибудь всплыть со страниц старых газет! И в то же время Атмода не могла состояться ни без Горбунова, ни без Иванса. Не могла она состояться и без легендарного председателя Союза писателей Латвии Яниса Петерса, и без популярного журналиста-международника, профессора Маврика Вульфсона... Список можно продолжить. Возведенная сегодня в ранг чуть ли не главной диссидентки Латвии Лидия Ласмане-Доронина просто в силу своего весьма скромного положения на социальной лестнице общества не могла возглавить «Песенную революцию». Нужны были смелые, харизматичные лидеры, имена которых были бы на слуху, кого узнавали в лицо, а таковые, увы, в то время зачастую находились у власти (в политике, в прессе...). И сейчас всех их скопом разоблачать – это очередная подлость журналистов, берущихся написать ПРАВИЛЬНУЮ ИСТОРИЮ. Знаешь, я очень рада, что в последний момент успела все-таки упомянуть в нашей книге добрым словом Александра Николаевича Яковлева – он прозрел и изменил свои убеждения совершенно искренне, а главное УСПЕЛ НАПИСАТЬ ИСПОВЕДЬ ЖИЗНИ – книгу «Сумерки», и теперь мы знаем, что последние двадцать

лет этой жизни политик положил на то, чтобы начать процесс исторического покаяния России. Без умного Яковлева болтливый Горбачёв ничего бы не сделал ни в перестройке, ни в гласности... Кстати, мою фамилию в упомянутом трёхтомнике «праведники» тоже склоняют. Мне вменяется в вину то, что когда шёл очередной показательный процесс над одним из самостийных диссидентов Гунаром Астрой, я на это событие бурно не отреагировала. Хотя подсутившиеся родственники Астры призывали меня это сделать через письмо, копия которого одновременно была обнародована и на Западе. Ну что ж, сегодня я могу гордиться тем, что оказалась в очень хорошей компании. Вместе со мной «реагировать» отказались самые востребованные и уважаемые в народе латышские писатели – Марис Чаклайс, Мара Залите, Имант Зиедонис, Андрис Якубан, Визма Белшевица... Ведь та же Визма от КГБ пострадала ничуть не меньше (а может быть, и больше), чем мало кому в то время известный Гунар Астра. Бросить сегодня камень в давно уже покойную Визму Белшевицу, по-настоящему смелого и талантливого поэта с трагической судьбой, значит принять на себя большой грех. Но пусть это останется в карме разоблачителей. Они-то ведь изначально белые и пушистые.

☛ **Georgs:** А книгу Александра Николаевича Яковлева «Сумерки» (она, кстати, есть и по-латышски – «Krēsļa») я вообще б в школе изучал, в курсе Новейшей истории.

Что же касается «критиков» участников событий, то это всё несерьёзно.

Как писал «наше всё»:

*Веленью божью, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.*

☛ **Marina:** Я готова к помоям, которые будут вылиты на мою голову после выхода нашей книги. Потому что ПИСАЛА КНИГУ ЧЕСТНО, КАК ЧЕСТНО ПРОЖИЛА И ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ. Возможно, в чем-то была неправа, возможно, в чем-то заблуждалась. Но никогда не ДЕЛАЛА КАРЬЕРУ НА СОТРУДНИЧЕСТВЕ С КРОВАВЫМ РЕЖИМОМ. За ошибки готова отвечать перед Богом, но никак не перед коллаборационистами нового разлива из безопасного XXI века...

Ладно, не хочу заводитьсь – возвращаюсь к рассказу о юбилейной встрече однокашников по Межрегиональной депутатской группе. От этого юбилея в моем архиве сохранилось уникальнейшее издание речей бывших членов МДГ.

Издание репринтное, тираж всего 500 экземпляров. Конечно, на встречу приехать смогли не все, а из тех, кто приехал, не все захотели публично выступить. Но книга, о которой я сейчас говорю, называется так: «Межрегиональная депутатская группа 10 лет спустя. Свободная трибуна 28 – 29 мая. Москва 1999». Там напечатана и моя речь. Она тоже стала уже историей, поэтому ничего менять в тексте я не имею права. Да и не считаю нужным. Итак, вот как выглядит моё выступление в этом сборнике:

КОСТЕНЕЦКАЯ Марина Григорьевна

Боль не прошла. Обострилась...

Точкой отсчёта публичного объединения демократов Латвии в истории восстановления независимости государства следует считать Пленум творческих союзов ЛССР, который проходил 1-го и 2-го июня 1988 года в Риге. Моя речь на этом Пленуме начиналась словами, под которыми я с чистой совестью готова подписаться и сегодня: «Мне больно. Мне больно за судьбы латышского народа, мне больно за судьбы русского народа»... А заканчивалось выступление фразой: «Дай Бог, чтобы нам

хватило не только сил и твёрдости гражданской позиции, но и терпения донести правду истории тем людям, которые в своем мышлении стали жертвами эпохи сталинизма и застоя».

Сейчас, одиннадцать лет спустя, слово терпение в этом тексте я бы заменила другим – терпимость. Ведь на сегодняшний день именно нетерпимость (к человеку другой национальности, других политических взглядов, приехавшему из другой страны и т.д.) вышла на первый план нашего будничного бытия и представляет собой, пожалуй, наибольшую угрозу стабильности и даже независимости Латвии. Впрочем, нетерпимость к инородцам, насаждавшаяся в течение 10 лет национал-радикалами, принесла свои горькие плоды и в русскоязычной общине Латвии. Часть некоренного населения, бывшая в конце восьмидесятых – начале девяностых годов действительно лояльной к этой стране, ощутила себя преданной и благополучно обжила нишу раз не в политике, так в бизнесе. Другая же часть, традиционно считающая себя старшим братом любого народа, тоже в основном занялась бизнесом, но отношение к стране проживания у этой категории населения сформировалось в ещё более агрессивное и непримиримое, чем в советские времена. Нетерпимость к инакомыслию этих людей принимает сегодня формы патологические и для общества действительно опасные. Самое же парадоксальное заключается в том, что эти люди, громче всех кричащие о нарушении прав человека в Латвии, очень быстро и с большой выгодой для себя приспособились к новым экономическим условиям, материально прекрасно обеспечены и о возвращении Латвии в союзные объятия с Россией и в дурном сне не мечтают... Другое дело, что как и на всём постсоветском пространстве, в Латвии за десять лет произошло чудовищное расслоение населения – небольшая кучка очень богатых людей и основная масса, живущая либо на грани черты бедности, либо за её гранью. И проходит это разделение отнюдь не по национальному, а по элементарно моральному признаку: хорошо живётся тому, кто, отбросив такие устаревшие

в конце двадцатого века понятия, как честь и порядочность, сумел отхватить, прихватизировать, устроиться в жизни по принципу: бей ближнего, плюй на нижнего и поднимайся всё выше.

Да, большая часть русских Латвии была лишь попутчиками в процессе обретения независимости страны (боролись не столько за независимость Латвии, сколько против тоталитарного режима как такового), но попутчиков можно было превратить в союзников. Жаль, что как только был пройден опасный рубеж – референдум 1989 года о независимости Латвии, перед попутчиками закрыли дверь. Сегодня среди тех, кто на последних парламентских выборах в республике голосовал за левый блок, немало бывших сторонников Народного Фронта. И это следствие ошибки латышской политической элиты. Русских оттолкнули не столько из-за языка или ментальности, сколько из самого примитивного нежелания делиться пирогом. На образе врага многие сделали себе политическую карьеру. В своё время наше единство было воспитано общей Голгофой сталинизма. Мой отец был «врагом» народа, а сегодня в Латвии весь мой русский народ стал народом врагов. И всё же я ни о чем не жалею, и если бы история повторилась, пошла бы тем же путём. По моему глубокому убеждению, Латвия была просто обречена на свободу... Кто-то из великих сказал: «Ребенка надо любить. Если ребёнок этого не заслуживает, надо любить его вавойне». Полагаю, что настоящий интеллигент должен уметь применить этот принцип в отношении своего народа. Особенно в смутное время. И именно поэтому я повторяю то, что сказала одиннадцать лет тому назад: мне больно за судьбы латышского народа, мне больно за судьбы русского народа.

Боль не прошла. Обострилась...

Rīga – Plienciems- Rīga
14.06.17 – 31.09.17

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Вступление.....	стр. 4
1 глава.....	стр. 10
2 глава.....	стр. 49
3 глава.....	стр. 101
4 глава.....	стр. 122
5 глава.....	стр. 189
6 глава.....	стр. 219
7 глава.....	стр. 257
8 глава.....	стр. 304
Резюме	стр. 336

P.S.

В писательском архиве Марины Костенецкой хранится более трех тысяч читательских писем. Хотя бы часть из них мы планируем прочитать в Скайпе вместе с теми читателями, которые сейчас закрывают эту книгу. Так что — продолжение следует...

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР!

